PG 3467
.N28 S4
1869
Copy 1

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class PGR 1797
Book .N8
S
YUDIN COLLECTION

СЕМЕЙСТВО ТАРСКИХЪ.

РОМАНЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Н. А. ВРОЦКАГО.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ Т. РИСЪ, У МЯСНИЦКИХЪ ВОР., Д. ВОЕЙКОВА.
1869.

СЕМЕЙСТВО ТАРСКИХЪ.

ПОСВЯЩЕНО **М. Д. К.**

PG3467
.N28 S4
1869

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

1-го Января 186* года въ зимнемъ дворцѣ былъ большой балъ съ ужиномъ на двѣ тысячи человѣкъ. Дворецъ блестѣлъ огнями. Изо всѣхъ оконъ вырывались яркія полосы свѣта и на далекое разстояніе освѣщали площадь. Внутри виднѣлись раззолоченныя фигуры приглашенныхъ, длинными вереницами сновавшихъ взадъ и впередъ.

Ночь была темная. Шелъ сильный снѣгъ.

На площади стояло въ нѣсколько рядовъ множество каретъ. Кучера, закрывшись попонами, дремали, сидя на козлахъ. Ихъ неподвижныя, занесенныя снѣгомъ фигуры напоминали явленіе мертвыхъ въ Робертѣ. Казалось, будто замогильныя тѣни окружили дворецъ и смотрѣли какъ веселятся живые люди.

На площади было тихо.

Старикъ часовой, въ своей высокой мохнатой шапкѣ, мѣрно расхаживалъ у Александровской колонны и потиралъ руки, стараясь отогрѣть свои окоченѣвшіе пальцы. Порой онъ останавливался, посматривалъ на дворецъ, прислушивался, не бьютъ ли гдѣ часы, не идетъ ли смѣна; затѣмъ снова начиналъ ходить. Пробила половина. Еще полчаса оставалось старику коченѣть на морозѣ: онъ вздохнулъ и вошелъ въ будку.

Въ тоже время къ задней сторонѣ рѣшетки, подошелъ высокій мужчина, въ теплой шинели и мѣховой шапкѣ. Онъ облокотился на перила и, не спуская глазъ, смотрѣлъ на ярко освѣщенный дворецъ. Прошло 20-ть минутъ. Неизвѣстный стоялъ неподвижно и все смотрѣлъ на дворецъ.

На комендантскомъ подъѣздѣ, жандармъ, зычнымъ голосомъ, закричалъ: карету графа Сореля! — «Наконецъ то», прошепталъ неизвѣстный и пошелъ ко дворцу.

Хорошая извощичья карета подъѣхала къ подъѣзду. Придворный служитель подсадилъ высокаго офицера и захлопнулъ дверь. — Въ Знаменскую! крикнулъ графъ. Карета шагомъ поѣхала по площади.

Когда она поровнялась съ неизвѣстнымъ, послѣдній вскочилъ на запятки и свистнулъ. Карета помчалась во всю прыть, выѣхала на набережную и спустилась на Неву. У подъема на Петербургскую сторону другой мужчина быстро влѣзъ на козлы и сѣлъ рядомъ съ кучеромъ.

Окна кареты, отъ сильнаго холода, были покрыты тонкимъ слоемъ льда. Графъ ничего не замѣтилъ.

Когда карета выѣхала на каменноостровскій проспектъ, въ крѣпости пробила полночь и вслѣдъ затѣмъ часы заиграли народный гимнъ.

Графъ Сорель, полковникъ гвардейскаго, кавалерійскаго полка, за мѣсяцъ до новаго года, былъ объявленъ женихомъ княжны Ростовской, одной изъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ невѣстъ столицы. Онъ обѣщалъ княжнѣ ужинать у нея въ первый день новаго года и для этого нарочно уѣхалъ пораньше изъ дворца.

Графъ сидѣлъ въ каретѣ, прижавшись къ углу, и думалъ о своемъ будущемъ. Черезъ недѣлю онъ надѣялся быть мужемъ прехорошенькой женщины съ полумилліоннымъ приданымъ. Онъ пріобрѣталъ въ одно время и деньги, и большія связи съ людьми, отъ которыхъ зависѣла его будущность. Онъ вступалъ въ тотъ знатный кругъ, до котораго такъ давно и настойчиво добивался; при подобной обстановкѣ онъ могъ пойти далеко, и кто знаетъ..... Въ воображеніи графа возставали картины отдаленнаго будущаго, онъ мечталъ о почестяхъ, богатствѣ, славѣ, знатности, роскошной жизни.....

Карета остановилась. Графъ отворилъ дверцу, вышелъ и съ изумленіемъ оглянулся вокругъ.

Онъ стоялъ на небольшой площадкѣ, окруженной высокими, покрытыми снѣгомъ деревьями. Карета тотчасъ-же отъѣхала далѣе и скрылась изъ глазъ. Графъ вглядѣлся пристальнѣе. Онъ узналъ хорошо знакомое ему мѣсто, на

Елагиномъ островѣ, которое такъ оживлено лѣтомъ и такъ мертвенно пустынно зимой.

— Григорій! крикнулъ графъ.

Отвѣта не было, только гдѣ-то вдали отозвалось эхо.

Сзади графа послышались шаги. Онъ обернулся. Къ нему подходилъ кучеръ и съ нимъ двое мужчинъ: одинъ въ мѣховой шапкѣ, другой въ старой почти изношенной шинели и фуражкѣ.

«Мошенники», подумалъ графъ, «хотятъ меня ограбить. Дурачье! вѣрно не знаютъ, что у меня съ собою нѣтъ ни копѣйки.»

— Что вамъ нужно? спросилъ онъ громкимъ голосомъ и выхватилъ саблю.—Если вы хотите меня ограбить—не на того напали; я живой въ руки не дамся.

— Успокойтесь графъ, отвѣчалъ неизвѣстный въ мѣховой шапкѣ, — намъ не нужно вашихъ денегъ: мы потребуемъ отъ васъ того, чего нельзя купить.

— Чего-же вы хотите? спросилъ графъ.

Иванъ Петровичъ, продолжалъ неизвѣстный, обращаясь къ кучеру:—достаньте пистолеты.

Кучеръ вынулъ изъ кармана поддевки два пистолета.

«А, дуэль!» подумалъ графъ, «это что-то новое.»

— Я не дерусь съ незнакомыми людьми, сказалъ онъ громко. — Скажите мнѣ: кто вы, и какая причина этой дуэли. Позвольте вамъ замѣтить, что время и мѣсто выбраны весьма неудачно и все это болѣе похоже на мистификацію, нежели на дѣйствительную дуэль. Если я угадалъ, то прошу васъ прекратить ее, я не расположенъ шутить и не имѣю на это времени.

— Эта шутка будетъ послѣднею для одного изъ насъ, отвѣчалъ неизвѣстный и сбросилъ съ себя шапку. — Вамъ угодно знать кто я. Я ея братъ; я родной братъ той, которую вы, такъ безжалостно погубили для своего развлеченія. Она умерла, и я пріѣхалъ сюда разсчитаться съ вами за нее, за нихъ *обоихъ*. Вы меня знаете. Не будемъ же терять времени. Одинъ изъ насъ долженъ умереть сегодня; не заставляйте-же того, кому суждено остаться живымъ, мерзнуть напрасно отъ холода. Это, продолжалъ незнакомецъ, указывая на кучера и мужчину въ фуражкѣ,—секунданты

и свидѣтели нашей дуэли. Одинъ изъ нихъ студентъ, другой-художникъ.

Графъ понялъ, что избавиться отъ дуэли было невозможно.

Онъ считался однимъ изъ лучшихъ стрѣлковъ гвардіи, на его сторонѣ была увѣренность и хладнокровіе:—шансовъ на успѣхъ было много. Онъ рѣшился принять вызовъ.

— Я согласенъ на все, отвѣчалъ онъ и сбросилъ съ себя шинель.

Студентъ отсчиталъ отъ неизвѣстнаго шесть шаговъ, указалъ графу рукою его мѣсто и подалъ ему пистолеты.

Графъ выбралъ одинъ и взвѣлъ курокъ; неизвѣстный сдѣлалъ тоже самое съ другимъ.

Сильный вѣтеръ разогналъ облака. Луна вышла изъ за тучъ и освѣтила своимъ мертвеннымъ свѣтомъ эту таинственную сцену.

Графъ взглянулъ на своего противника. Въ рѣзкихъ, исхудалыхъ чертахъ его лица онъ узналъ знакомыя черты той, которую дѣйствительно погубилъ для своей прихоти, и странно: его увѣренность начала исчезать, его руки дрожали.

Неизвѣстный стоялъ неподвижно, выставивъ впередъ правую ногу.—Считайте,—сказалъ онъ студенту.—По счету три! мы будемъ стрѣлять, обратился онъ къ графу.

Тотъ, молча, кивнулъ головой.

Студентъ отошелъ въ сторону и началъ медленно считать. Противники стали наводить пистолеты.

Со счетомъ три раздалось два выстрѣла.

Графъ выронилъ изъ рукъ пистолетъ и упалъ на спину.

Пуля попала ему прямо въ сердце.

Сильная струя крови забила изъ раны и окрасила лежащій около снѣгъ.

Студентъ подошелъ къ графу, осмотрѣлъ рану, попробовалъ пульсъ... Убитъ, сказалъ онъ—прямо въ сердце!

Неизвѣстный нагнулся къ графу, съ злорадствомъ чувствомъ удовлетворенной мести поглядѣлъ на неподвижное лицо своего врага, убѣдился въ его смерти, затѣмъ надѣлъ шинель, и всѣ трое скрылись за деревьями лѣса.

Блѣдный свѣтъ луны освѣщалъ мертвое лицо убитаго. Все затихло вокругъ. Только старыя ели мѣрно качали сво-

ими побѣлѣвшими верхушками, да испуганный выстрѣлами воронъ каркалъ и кружился надъ трупомъ, почуя свѣжую кровь.

Во дворцѣ ужинали.

Въ жалкой будкѣ на Елагиномъ островѣ тоже шелъ пиръ. Будочникъ Василій Григорьевъ справлялъ свои имянины. На почетномъ мѣстѣ, подъ образами, сидѣлъ старшій городовой, Семенъ Абрамычъ и важно покуривалъ трубочку. На его разстегнутой шинели, между нѣсколькими медалями, красовался георгіевскій крестъ. Рядомъ съ городовымъ сидѣлъ своякъ имянинника, мѣщанинъ Садковъ, хозяинъ мелочной лавочки, на Самсоніевскомъ проспектѣ. По другую сторону сидѣла его жена и еще одна пожилая баба, ихъ тетка.

На столѣ, покрытомъ чистою, хотя уже залитою во многихъ мѣстахъ скатертью, стояли: миска со щами, половина пирога, кусокъ жаренной говядины, два штофа вина и нѣсколько бутылокъ пива и меду.

Жена имянинника хлопотала около самовара, а мужъ потчивалъ дорогихъ гостей.

Мѣщанинъ разсказывалъ интересный случай о томъ, какъ въ ихъ деревнѣ одна баба пошла въ баню гадать, да тамъ и умерла. Всѣ слушали съ большимъ вниманіемъ.

Вдругъ вдалекѣ раздались два выстрѣла.

Гости переглянулись, бабы взвизгнули отъ страха.

— Что то не ладно, сказалъ городовой.

— Пустяки, замѣтилъ мѣщанинъ:—вѣрно охотникъ какой нибудь.

— Что за охота въ эту пору! отвѣчалъ городовой.—Не убили ли кого! Пойдемъ, Василій.

Городовой всталъ, застегнулъ шинель и пошелъ къ дверямъ.

— Вы насъ подождите, Капитонъ Васильевичъ, обратился Василій къ мѣщанину:—мы духомъ вернемся. А ты, Маша, угощай безъ меня хорошенько гостей.

— Да мы, въ такую пору, ни зачто одни въ городъ не пойдемъ, отвѣчалъ мѣщанинъ,—страшно! Мы лучше подождемъ Ивана Абрамыча.

— Боитесь, замѣтилъ съ снисходительною улыбкой городовой. — Какъ придется! Коли что случилось, надо будетъ идти въ часть, тогда и не ждите: не вернемся до утра.

— Такъ ужъ мы лучше останемся ночевать, отвѣчали гости.

Городовой и Василій пошли по острову. Мимо ихъ во всю прыть промчалась карета.—Должно быть господа проказятъ, замѣтилъ городовой.

Подойдя къ концу острова, они увидѣли на снѣгу трупъ Сореля. Городовой подошелъ къ убитому, наклонился и приложилъ свою руку къ его головѣ.—Умеръ, сказалъ онъ:— не дышетъ. Полковникъ... еще во всей формѣ... должно быть не съ царскаго ли бала. Ступай, Василій, въ Новую Деревню; коли поймаешь извощика или чухну, тащи ихъ сюда; а я останусь здѣсь.

Василій ушелъ. Городовой сѣлъ на скамейку и началъ обдумывать, какъ бы лучше доложить начальству, что вотъ, молъ, онъ, заботясь о порядкѣ, пошелъ въ новый годъ осмотрѣть свой участокъ, услышалъ выстрѣлы и нашелъ еще неостывшій трупъ убитаго.

Черезъ полчаса вернулся Василій съ пойманнымъ имъ на дорогѣ чухонцемъ. Послѣдній плакалъ и просилъ, чтобы его отпустили. Городовой, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія, положилъ, при помощи Василія, убитаго въ сани, затѣмъ оба сѣли на облучекъ и поѣхали въ ближайшую часть.

Чухонецъ не хотѣлъ сѣсть и шелъ сзади,—плаксиво бормоча что-то на своемъ языкѣ.

Снова все затихло вокругъ.

Воронъ, разсчитывавшій на сытный ужинъ, обманулся въ своей надеждѣ и заснулъ съ пустымъ желудкомъ.

На площадкѣ, только лужа застывшей крови, да умятый снѣгъ показывали мѣсто, на которомъ разыгралась кровавая драма. Ея развязка стоила жизни человѣку, еще за нѣсколько часовъ столь богатому надеждой на близкое счастье.

Онъ былъ наказанъ! За что,—объ этомъ читатель узнаетъ далѣе.

II.

Въ одной изъ среднихъ приволжскихъ губерній, на нагорномъ берегу Волги, раскинулась небольшая деревня. Въ концѣ ея, на крутомъ обрывѣ, стоялъ одноэтажный, съ мезониномъ, помѣщичій домъ. По одну сторону этого дома тянулись господскія службы, по другую — большой, густо заросшій садъ, спускавшійся до самой рѣки.

Деревня и домъ принадлежали помѣщицѣ Аннѣ Ивановнѣ Сердюковой.

Анна Ивановна родилась и выросла въ этомъ домѣ. На восемнадцатомъ году она осталась круглой сиротой и переѣхала въ губернскій городъ къ теткѣ, единственной родственницѣ, оставшейся у ней на землѣ. Тетка приняла искреннее участіе въ молодой сиротѣ. Она всѣми силами старалась устроить благополучіе своей племянницы т. е., во чтобы то ни стало, выдать ее поскорѣе за мужъ.

Шли годы; женихъ не отыскивался.

Анна Ивановна скучала, полнѣла и уже начинала привыкать къ мысли остаться старой дѣвой.

Наконецъ, нашелся отставной маіоръ какого-то армейскаго полка, Александръ Александровичъ Тарскій, который прельстился откормленной красотой Анны Ивановны и сдѣлалъ ей предложеніе.

Маіоръ былъ, что называется, тертый калачъ. Многое перенесъ онъ на своемъ вѣку и пожелалъ наконецъ успокоиться отъ треволненій бездомной жизни, сдѣлавшись обладателемъ пятидесяти принадлежащихъ Сердюковой, ревизскихъ душъ.

Анна Ивановна, (которой, по словамъ тетки, только на прошедшей недѣлѣ минулъ 21-й годъ, хотя въ дѣйствительности уже приближался къ концу тридцатый) не задумываясь, изъявила свое согласіе.

Молодые, тотчасъ же послѣ свадьбы, отправились въ деревню, гдѣ и зажили счастливо, вполнѣ довольные другъ другомъ. Анна Ивановна взяла на себя обязанность заниматься хозяйствомъ и управлять деревенскими бабами;

маіору былъ предоставленъ надзоръ за всѣми полевыми работами.

Черезъ годъ Анна Ивановна подарила своему супругу сына, названнаго Александромъ, а черезъ шесть — дочь, Марію.

Маіоръ былъ страстный охотникъ и большую часть свободнаго времени проводилъ на охотѣ. Анна Ивановна дозволяла своему супругу заниматься всѣмъ, чѣмъ ему угодно, кромѣ вмѣшательства въ ея собственныя распоряженія; за то и сама никогда не вмѣшивалась въ распоряженія, дѣлаемыя маіоромъ по своему вѣдомству.

Ближайшей сосѣдкой Тарскихъ была княгиня Залѣсская, богатая аристократка, поселившаяся въ деревнѣ, вмѣстѣ съ своимъ семействомъ. Маіоръ предложилъ княгинѣ свои услуги въ качествѣ управляющаго. Его предложеніе было принято и маіоръ, въ числѣ другихъ выгодъ, пріобрѣлъ драгоцѣнное для него право охотиться въ обширныхъ принадлежавшихъ княгинѣ лѣсахъ. Въ его же полное распоряженіе поступила и княжеская псарня.

Съ тѣхъ поръ маіора рѣдко видѣли дома. Только по субботамъ или наканунѣ праздниковъ, онъ аккуратно возвращался домой и весь слѣдующій день проводилъ въ кругу своего семейства.

Маленькій Саша росъ, какъ росла въ то время большая часть небогатыхъ помѣщичьихъ дѣтей, т. е. былъ постоянно кормленъ до отвалу, а остальное время бѣгалъ по деревнѣ, предводительствуя толпой крестьянскихъ мальчишекъ и служа предметомъ страха для всѣхъ, имѣвшихъ собственные огороды и сады, крестьянъ.

Когда мальчику минуло семь лѣтъ, маіоръ отправилъ его въ губернскій городъ къ теткѣ и просилъ послѣднюю посылать ежедневно племянника въ приходское училище.

У Саши были отличныя способности, и онъ, къ удовольствію отца, вскорѣ сдѣлался однимъ изъ первыхъ учениковъ въ школѣ.

Жизнь Тарскихъ текла какъ по маслу. Ни одно облачко не затемняло счастія и спокойствія ихъ семейнаго быта; только голова маіора подернулась серебристымъ отливомъ; да изрѣдка, ревматизмъ въ ногахъ, печальное послѣдствіе

грѣшковъ молодости, удерживалъ его дома на нѣсколько дней.

Анна Ивановна съ каждымъ годомъ полнѣла болѣе и болѣе, и уже давно не надѣвала другихъ платьевъ, кромѣ темно-коричневаго, свободно сшитаго капота. Она любила и уважала своего супруга, была вполнѣ счастлива и благодарила Бога за свою судьбу.

Вдругъ неожиданный ударъ поразилъ это благословенное Богомъ семейство.

Въ одинъ изъ сырыхъ октябрскихъ вечеровъ маіоръ, возвратясь съ охоты, почувствовалъ себя столь нездоровымъ, что принужденъ былъ лечь въ постель. Онъ прибѣгнулъ къ своему постоянному, вѣрному отъ простуды средству, т. е. вытерся съ ногъ до головы перцовкой. Не помогло.

Маіору часъ отъ часу становилось хуже. Онъ потребовалъ священника, исповѣдался, причастился, простился съ женою, благословилъ дочь и къ разсвѣту умеръ.

Анна Ивановна стоически перенесла это испытаніе. Похоронивъ, какъ слѣдуетъ, мужа, она вся предалась хозяйству, принявъ на себя и тѣ обязанности, которыя, до тѣхъ поръ, лежали на рукахъ ея покойнаго супруга.

Анна Ивановна страстно любила своего сына; на дочь она не обращала никакого вниманія.

Саша кончилъ учиться въ приходскомъ училищѣ и поступилъ въ губернскую гимназію.

О Машѣ не заботился никто.

Бѣдный ребенокъ росъ въ дѣвичьей, безъ всякаго присмотра и вѣроятно пошелъ бы по слѣдамъ своей матери, если бы счастливый случай не вытащилъ его изъ этой грязи.

Княгиня Залѣсская, въ благодарность за услуги покойнаго маіора, предложила Аннѣ Ивановнѣ взять Машу къ себѣ и воспитывать ее вмѣстѣ съ своими внучками.

Нечего и говорить, съ какою радостью согласилась Анна Ивановна на столь лестное для нея предложеніе.

Въ одно ясное зимнее утро она сама вымыла Машу, причесала ее, одѣла въ лучшее платьеце и повезла съ собою къ княгинѣ.

III.

Княгиня Залѣсская, урожденная графиня Дольская, кровная родовая аристократка, съ перваго же выѣзда въ свѣтъ, заняла самое видное мѣсто въ ряду Петербургскихъ красавицъ и богатыхъ невѣстъ.

На 19-мъ году она вышла за мужъ за генерала, князя Залѣсскаго, пожилаго мужчину, лѣтъ сорока.

Князь былъ безъ ума отъ своей хорошенькой жены и безпрекословно исполнялъ всѣ прихоти избалованной свѣтомъ женщины.

У нихъ было двое дѣтей: сынъ и дочь.

На 10-мъ году брака князь умеръ. Княгиня осталась молодою вдовой. Явилось много охотниковъ занять мѣсто покойнаго князя; но княгиня рѣшилась не выходить болѣе за мужъ.

Хотя пустая свѣтская жизнь и много испортила ея натуру, но княгиня была одарена отъ природы богатымъ запасомъ истиннаго чувства. Это чувство все сосредоточилось въ ея привязанности къ сыну. Она посвятила свою жизнь на его воспитаніе.

Княгиня воспитывала сына дома. Лучшіе профессора университета ежедневно давали ему уроки. Князь учился хорошо. Онъ выдержалъ въ университетѣ экзаменъ на степень кандидата и уѣхалъ на лѣто за границу.

Княгиня хотѣла опредѣлить своего сына по дипломатической части, но князь чувствовалъ большое призваніе къ военной, и притомъ только кавалерійской, военной службѣ.

Княгиня съ трудомъ согласилась исполнить его желаніе, и опредѣлила его юнкеромъ въ одинъ изъ гвардейскихъ кирасирскихъ полковъ. Она боялась за жизнь своего сына и успокоилась только тогда, когда одинъ изъ ея старыхъ друзей доказалъ ей, что нѣсколько поколѣній спокойно до живетъ до старости прежде, чѣмъ эта красивая, но дорого стоющая дивизія подвергнется опасностямъ войны.

Черезъ шесть мѣсяцевъ князя произвели въ офицеры.

Онъ продолжалъ служить и вскорѣ пріобрѣлъ всеобщую любовь за свою симпатичную натуру и честный, открытый характеръ.

Княгиня гордилась своимъ сыномъ и съ радостью слѣдила за его успѣхами въ свѣтѣ и по службѣ.

Старшая дочь княгини вышла за мужъ за одного изъ многочисленныхъ князей Голицыныхъ и черезъ три года умерла оставивъ мужа съ двумя маленькими дочерьми.

Княгиня взяла обѣихъ внучекъ къ себѣ, а Голицынъ жилъ постоянно за границею.

Молодому князю исполнилось 27-мь лѣтъ. Все улыбалось ему въ жизни. Уже княгиня начала пріискивать ему приличную партію, но безжалостная судьба однимъ ударомъ разрушила всѣ ея надежды.

Послѣ весенняго смотра, на которомъ князь впервые явился передъ полкомъ въ полковничьихъ эполетахъ, онъ, въ числѣ другихъ, былъ приглашенъ къ одному изъ своихъ товарищей закусить.

Утоливъ голодъ, нѣкоторые, не теряя дорогаго времени, засѣли играть въ карты; остальные, въ томъ числѣ и князь, закурили сигары и отправились въ кабинетъ хозяина, гдѣ, развалясь на мягкихъ, турецкихъ диванахъ, болтали о разныхъ пустякахъ.

Разговоръ, какъ водится между кавалеристами, отъ женщинъ перешелъ къ лошадямъ.

Хозяинъ объявилъ гостямъ, что ему привели съ его Орловскихъ заводовъ такого рысака, котораго онъ не рѣшается даже попробовать подъ верхъ и долженъ, къ сожалѣнію, пустить въ упряжку.

Князь, считавшійся лучшимъ наѣздникомъ въ полку, вызвался объѣздить лошадь.

Хозяинъ долго не соглашался. Онъ упрашивалъ князя не подвергать себя опасности потому, что лошадь просто бѣшенная и до сихъ поръ всѣхъ сбрасывала съ сѣдла.

Князь стоялъ на своемъ, и, чтобы покончить споръ, предложилъ хозяину продать ему лошадь.

Тогда послѣдній согласился дать князю попробовать лошадь и тогда уже назначить цѣну.

Все общество отправилось на плацъ.

Два здоровые солдата вывели лошадь и съ трудомъ удержпвали ее на мѣстѣ. Молодой, красивый жеребецъ съ бѣшенствомъ грызъ удила, бился и дрожалъ, боязливо поглядывая по сторонамъ.

Князь подошелъ къ нему, потрепалъ его по шеѣ и вдругъ, разомъ вскочилъ въ сѣдло.

Лошадь поднялась на дыбы, вырвалась изъ рукъ солдатъ и помчалась по плацу, дѣлая огромные скачки, съ цѣлью сбросить дерзкаго всадника.

Но князь былъ дѣйствительно отличный и опытный ѣздокъ. Онъ твердо держался въ сѣдлѣ и далъ полную волю лошади скакать вокругъ плаца, усердно награждая ее за каждый скачекъ ударами шпоръ. Долго лошадь носилась по плацу, наконецъ, она начала уставать; тогда князь заставилъ ее исполнять различные повороты и наконецъ, съ торжествомъ подъѣхалъ къ кучкѣ собравшихся офицеровъ. Похваламъ не было конца, всѣ громко поздравляли князя съ побѣдой и удивлялись его ловкости и силѣ.

Князь хотѣлъ воспользоваться усталостью лошади, чтобы за одно пріучить ее не бояться посторонпихъ предметовъ. Онъ просилъ дозволить ему проѣхаться по Морской и назадъ.

Хозяинъ лошади согласился.

Князь выѣхалъ на улицу и поѣхалъ по Морской, обращая на себя вниманіе проходящихъ, любовавшихся красотою лошади, которая, управляемая твердою и опытною рукою, только танцовала и пугливо оглядывалась по сторонамъ. На Полицейскомъ мосту князь обогналъ двухъ мужиковъ несшихъ большое стѣнное зеркало. Солнечные лучи, отразившись въ зеркалѣ, ударили прямо въ глаза лошади. Она бѣшенно отшатнулась въ сторону. Князь хотѣлъ удержать ее, но въ эту минуту лопнула подпруга, сѣдло перевернулось и князь свалился на мостовую.

Падая, онъ зацѣпился шпорою за уздечку.

Лошадь понеслась по Невскому, волоча за собою несчастнаго князя. Голова его билась о камни, оставляя за собою широкій слѣдъ крови.

Лошадь едва успѣли остановить у Аничкова моста. Огромная толпа любопытныхъ окружила князя. Проходившій случайно докторъ осмотрѣлъ его и не нашелъ въ немъ ника-

кихъ признаковъ жизни. Въ числѣ любопытныхъ нашлись два офицера, хорошо знавшіе князя; они наняли карету, положили въ нее трупъ и повезли его домой.

Княгиня сидѣла у окна и читала книгу. Къ крыльцу подъѣхала карета. «Кто это такъ рано» подумала княгиня. Затѣмъ въ передней поднялся шумъ, послышались крики....

Княгина пошла узнать въ чемъ дѣло.

На встрѣчу ей попалась старуха, нянька князя. Она плакала на взрыдъ и, увидя княгиню, бросилась къ ней съ крикомъ: «Матушка, ваше сіятельство! убили нашего сокола, убили голубчика»!....

Княгиня не слушала далѣе. Предчувствіе чего-то ужаснаго охватило ея сердце, она выбѣжала на лѣстницу.....

Четверо слугъ несли залитый кровью трупъ молодаго князя, изъ разбитаго черепа котораго висѣли окровавленные мозги.

Княгиня безъ чувствъ упала на полъ.

Съ трудомъ перенесла она потерю любимаго сына. Она увезла дорогой для нея трупъ въ родовое имѣніе князей Залѣсскихъ и съ тѣхъ поръ безвыѣздно поселилась въ деревнѣ. Княгиня не знакомилась ни съ кѣмъ изъ своихъ сосѣдей и никого изъ нихъ не принимала къ себѣ.

Каждый день служила она въ церкви панихиду по своемъ сынѣ; за тѣмъ остальное время проводила или въ молельной, или въ маленькой гостинной, передъ портретомъ молодаго князя, снятымъ во весь ростъ, незадолго до его смерти.

Какъ святыню хранила она, найденное въ письменномъ столѣ своего сына, черновое завѣщаніе, набросанное молодымъ княземъ, на случай неожиданной смерти.

Внучки княгини жили вмѣстѣ съ нею, подъ ближайшимъ надзоромъ гувернантки, M-lle Clarence.

Когда рыдванъ Анны Ивановны подъѣхалъ къ крыльцу княжескаго дома, дворня княгини, знавшая Тарскую и любившая покойнаго маіора, встрѣтила ее съ поклонами.

Одинъ изъ лакеевъ пошолъ съ докладомъ. Княгиня велѣла принять.

Старый дворецкій повелъ Тарскую черезъ длинный рядъ великолѣпно убранныхъ комнатъ.

Анна Ивановна, никогда и во снѣ не видавшая ничего подобнаго, не могла придти въ себя отъ удивленія и старалась, какъ можно осторожнѣе ступать на богатые, покрывавшіе полъ ковры. Маша робко шла сзади, держась за платье матери.

Княгиня, вся въ черномъ, сидѣла въ своей любимой гостинной и вышивала пелену къ образу Богородицы.

Анна Ивановна, полусогнувшись, подошла къ княгинѣ и поцѣловала у нея руку; то же сдѣлала и маленькая Маша.

Княгиня приняла Тарскихъ ласково. Она отозвалась съ большой похвалой о трудахъ покойнаго маіора по управленію ея имѣніями и повторила, что, желая вознаградить эти труды, предлагаетъ Аннѣ Ивановнѣ воспитывать ея дочь вмѣстѣ съ своими внучками.

Анна Ивановна снова поцѣловала руку княгини.

Княгиня просила Тарскую, нисколько не стѣсняясь, брать Машу къ себѣ и навѣщать ее во всякое время дня.

Княгина позвонила.

Вошелъ дворецкій и, почтительно согнувшись, неподвижно остановился на порогѣ.

Княгиня велѣла ему показать Тарской комнату, назначенную для дочери и позвать обѣихъ княженъ.

Маленькая Маша хотѣла уйти вмѣстѣ съ матерью и чуть не заплакала отъ страха остаться одной съ незнакомой, черной женщиной.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вбѣжали двѣ худенькія дѣвочки; за ними вошла высокая, вертлявая M-lle Clarence.

— Вотъ вамъ, дѣти, сказала княгиня, взявъ за руку Машу,—маленькая подруга; надѣюсь, мои милыя, что у васъ ей не будетъ скучно, и вамъ самимъ будетъ веселѣе съ нею. Я поручаю ее вамъ, M-lle, прибавила она по французски, обращаясь къ M-lle Clarence,—по моему мнѣнію, взаимное соревнованіе есть лучшее средство заставить учиться дѣтей.

Гувернантка сдѣлала низкій реверансъ.

Анна Ивановна, разумѣется, осталась всѣмъ очень довольна; она еще разъ поцѣловала руку княгини, простилась съ дочерью и уѣхала домой.

Маша училась вмѣстѣ съ молодыми княжнами. Закону Божію, читать и писать по-русски училъ ихъ священникъ, отецъ Петръ; французскому языку и музыкѣ—M-lle Clarence.

Послѣдняя сильно сердилась на то, что ей поручили учить чужаго ребенка и съ перваго же дня возненавидѣла бѣдную Машу. У Маши были отличныя способности; она училась далеко лучше обѣихъ княженъ. Этого то и не хотѣла допустить хитрая француженка и потому, всѣми мѣрами, старалась выжить Машу изъ дому.

Разъ даже она рѣшилась сказать княгинѣ, что Маша очень злой, капризный ребенокъ и можетъ имѣть дурное вліяніе на ея воспитанницъ.

Но княгиня холодно отвѣтила ей, что, въ такіе годы, характеръ ребенка легко можно измѣнить къ лучшему и что отъ благоразумія самой M-lle Clarence, при ея опытности въ дѣлѣ воспитанія, будетъ зависѣть достигнуть этого въ короткое время.

Молодыя княжны, по наученію Clarence, гордо, съ презрѣніемъ обращались съ Машей и никогда не позволяли ей участвовать въ своихъ играхъ.

Бѣдный ребенокъ цѣлые дни проводилъ одинъ и былъ счастливъ, если его оставляли въ покоѣ. Но это случалось рѣдко. За малѣйшую шалость Clarence жестоко наказывала Машу. Она почти ежедневно ставила ее на колѣни или запирала въ холодный, темный чуланъ.

Маша спала въ особой комнатѣ, вмѣстѣ съ горничной, Катей.

Изъ всѣхъ живущихъ въ домѣ только одна Катя любила и ласкала всѣми покинутаго ребенка.

Въ одно изъ воскресеній Анна Ивановна взяла Машу къ себѣ. Бѣдная дѣвочка не могла придти въ себя отъ радости. Цѣлый день бѣгала она по всѣмъ комнатамъ и по саду, посѣщая давно знакомыя мѣста; за то, когда пришло время возвращаться къ княгинѣ, Маша плакала, кричала и про-

сила маму не отсылать ея назадъ. Только силою уложили ее въ тележку и бѣдная дѣвочка, наплакавшись вдоволь, заснула дорогой.

Невесела была жизнь Маши. При такой обстановкѣ ребенокъ блѣднѣлъ, чахъ и, можетъ быть, не выдержалъ бы подобной жизни, если бы на него не обратилъ вниманія бывшій гувернёръ молодаго князя, Богданъ Ивановичъ Фрейгофъ.

IV.

Готлибъ, Карлъ, Амедей, (перекрещенный русскими въ Богдана Ивановича), Фрейгофъ родился на берегахъ Рейна, въ маленькомъ городкѣ Годесбергѣ и получилъ образованіе въ Боннскомъ университетѣ. На 25-мъ году своей жизни онъ пріѣхалъ въ Петербургъ къ своему дядѣ, по рекомендаціи котораго и получилъ хорошее мѣсто въ богатой купеческой конторѣ.

Но молодой, дѣятельный, пылкій Фрейгофъ не могъ свыкнуться съ сидячею конторскою жизнью. Онъ занялся изученіемъ русскаго языка, отказался отъ мѣста и поступилъ гувернеромъ къ помѣщику одной изъ внутреннихъ губерній.

Съ тѣхъ поръ Фрейгофъ всю свою жизнь провелъ въ Россіи, переходя отъ одного помѣщика къ другому.

Имѣя открытый, честный, неспособный къ униженію и лести характеръ, Фрейгофъ нигдѣ не уживался, пока, подъ старость лѣтъ, ни попалъ гувернеромъ къ молодому князю Залѣсскому.

Вмѣстѣ съ княземъ ѣздилъ онъ за границу, успѣлъ посѣтить свою родину и считалъ это время лучшимъ въ своей жизни.

Князь былъ искренно привязанъ къ старику Фрейгофу. Въ завѣщаніи онъ просилъ княгиню не забыть и не оставить его бывшаго гувернера.

Княгиня, свято исполнявшая всѣ предсмертныя распоряженія сына, предложила Фрейгофу поселиться съ нею въ деревнѣ, въ качествѣ библіотекаря и преподавателя нѣмецкаго языка ея внучкамъ. Фрейгофъ согласился.

Онъ помѣстился въ небольшомъ, отдѣльномъ павильонѣ, выстроенномъ въ концѣ сада однимъ изъ Залѣсскихъ для ужиновъ à la Regence, съ своими крѣпостными маркизами.

Въ пасмурный, холодный день, въ концѣ сентября, Богданъ Ивановичъ гулялъ по своей любимой, обсаженной столѣтними дубами, аллеѣ.

Смеркалось. Въ концѣ аллеи бѣлѣлась небольшая полукруглая бесѣдка, съ расписанными стеклами на окнахъ. Дверь бесѣдки была полуотворена. Изнутри слышался дѣтскій плачъ.

Богданъ Ивановичъ вошелъ въ бесѣдку и увидѣлъ Машу. Бѣдный ребенокъ, одѣтый въ легкое платье, дрожалъ отъ холода и, закрывъ обѣими руками свое лицо, горько плакалъ.

— О чемъ вы плачете, миленькая? спросилъ Богданъ Ивановичъ, подойдя къ Машѣ и взявъ ее за руки.

Ребенокъ не отвѣчалъ.

— Такъ не годится плакать, продолжалъ Фрейгофъ:—это нехорошо. И зачѣмъ вы вышли въ садъ въ такую погоду; посмотрите, вы вся дрожите отъ холода, можете простудиться, заболѣть. Пойдемте ко мнѣ, прибавилъ онъ, выводя Машу изъ бесѣдки:—у меня вамъ будетъ теплѣе.

Бѣдная дѣвочка повиновалась, но продолжала плакать.

Фрейгофъ привелъ ее къ себѣ въ комнату, усадилъ на старинное, вольтеровское кресло и укуталъ старымъ пальто. Онъ приказалъ Васѣ, мальчику лѣтъ двѣнадцати, служившему у Фрейгофа въ качествѣ камердинера, сходить за кипяткомъ и заварить кофе.

Маша мало-по-малу успокоилась, согрѣлась и вскорѣ заснула. Богданъ Ивановичъ ходилъ по комнатѣ на цыпочкахъ, боясь разбудить ребенка.

Когда кофе былъ готовъ, Богданъ Ивановичъ налилъ большую чашку, приготовилъ нѣсколько бутербродовъ и разбудилъ Машу. Голодный ребенокъ съ жадностью уничтожилъ предложенное.

Послѣ кофе Богданъ Ивановичъ началъ распрашивать Машу о причинѣ ея слезъ.

Маша разсказала, какъ M-lle Clarence за то, что она, Маша нечаянно пролила чернила, жестоко отколотила ее линѣйкой по рукамъ и оставила безъ обѣда. Во время разсказа Маша начала было снова хныкать; но Богданъ Ивановичъ успокоилъ ребенка, предложивъ ему посмотрѣть картинки.

Цѣлый вечеръ возился и игралъ Фрейгофъ съ маленькой дѣвочкой, которая вскорѣ забыла о своемъ горѣ и громкимъ смѣхомъ встрѣчала всякую новую выдумку старика.

Когда часы пробили девять, Богданъ Ивановичъ вспомнилъ, что въ домѣ княгини могутъ замѣтить отсутствіе ребенка.

Онъ укуталъ Машу теплымъ кашне, надѣлъ на нее свою фуражку и самъ проводилъ ее до дому.

Вернувшись назадъ, Фрейгофъ сѣлъ на кресло, облокотился обѣими руками на столъ—и задумался.

Ему стало безотчетно грустно. Безпорядокъ въ комнатѣ напомнилъ ему о Машѣ; ея звонкій дѣтскій смѣхъ еще раздавался въ его ушахъ.... Вспомнилъ старикъ о своей горькой, скитальческой жизни; вспомнилъ о недоступномъ для него счастіи мужа и отца, и безконечно грустною показалась ему одинокая, безотрадная жизнь стараго холостяка.

Черезъ три дня Богданъ Ивановичъ снова встрѣтилъ Машу въ саду, привелъ ее къ себѣ, и снова, въ играхъ съ ребенкомъ, не замѣтно пролетѣлъ для старика длинный осенній вечеръ.

Въ началѣ зимы княгиня предложила Фрейгофу приступить къ обученію нѣмецкому языку ея внучекъ.

Ежедневно отъ часу до двухъ Богданъ Ивановичъ давалъ урокъ молодымъ княжнамъ и Машѣ.

Мало по малу Маша сильно привязалась къ Богдану Ивановичу. Утромъ она занималась подъ наблюденіемъ и руководствомъ Clarence, а послѣ обѣда убѣгала въ павильонъ и цѣлый вечеръ проводила у Фрейгофа.

Въ свою очередь Богданъ Ивановичъ до того полюбилъ маленькую дѣвочку, что въ рѣдкіе вечера, когда Маша по какимъ либо причинамъ оставалась дома, онъ скучалъ, хандрилъ и не могъ ничѣмъ заниматься.

Для Маши началась новая жизнь. Clarence, замѣтя любовь Фрейгофа къ Машѣ, и зная, какое вліяніе имѣетъ старый

нѣмецъ на княгиню, перестала преслѣдовать бѣдную дѣвочку, и сдѣлалась къ ней гораздо благосклоннѣе.

Богданъ Ивановичъ предложилъ Clarence облегчить трудъ ея занятій, принявъ на себя обязанность обучать Машу музыкѣ. Clarence охотно согласилась.

Фрейгофъ умѣлъ играть на фортепіано и былъ страстный почитатель Бетховена и Шуберта. Въ его кабинетѣ стояли старинные клавикорды и на этомъ разбитомъ, воодушевлявшемъ когда то пьяныхъ развратниковъ XVIII-го столѣтія инструментѣ, разыгрывалъ Фрейговъ безсмертныя произведенія своихъ любимыхъ, геніальныхъ композиторовъ.

Въ длинные зимніе вечера Богданъ Ивановичъ училъ Машу нѣмецкому языку, ариѳметикѣ или заставлялъ ее играть на фортепіано.

Послѣ занятій онъ игралъ съ своею маленькою ученицею, вырѣзывая и выдѣлывая, своими руками, различныя игрушки или сидѣлъ въ своемъ старинномъ, вольтеровскомъ креслѣ и, надѣвъ большія очки, читалъ книгу, а Маша сидѣла возлѣ, на высокомъ стулѣ, къ которому Богданъ Ивановичъ самъ придѣлалъ ручки, и учила заданный урокъ.

Иногда Богданъ Ивановичъ разстилалъ по комнатѣ коверъ и по цѣлымъ часамъ возился съ Машей, какъ ребенокъ.

Въ ясные зимніе дни онъ ходилъ съ Машей гулять и былъ очень доволенъ, если шалунья дѣвочка кидала въ него снѣгомъ.

Иногда хитрый ребенокъ притворялся усталымъ. Богданъ Ивановичъ бралъ ее на руки, а она, охвативъ его за шею, тихонько опускала ему за галстукъ спрятанный въ рукѣ кусочекъ льду.

Въ паркѣ, не далеко отъ павильона, былъ большой прудъ. Фрейгофъ расчистилъ съ помощью Васи небольшую часть льда, отыскалъ, въ числѣ разнаго привезеннаго изъ Петербурга хлама, дѣтскіе коньки убитаго князя и училъ Машу кататься по льду.

При такой жизни здоровье Маши скоро поправилось, и снова вернулся къ ней ея рѣзвый отъ природы характеръ.

Часто, если Богданъ Ивановичъ увлекался чтеніемъ какой нибудь книги, и не игралъ съ Машей, она подходила

къ старику, безъ церемоніи влѣзала къ нему на колѣни, вырывала изъ рукъ книгу, снимала очки и заставляла играть съ собою.

Разъ, вечеромъ, княгиня прислала просить Фрейгофа на нѣсколько словъ къ себѣ. Во время его отсутствія Маша надѣла халатъ, очки, сѣла въ кресло, взяла въ руки книгу и въ такомъ нарядѣ встрѣтила возвратившагося старика.

Если Богдану Ивановичу случалось за что нибудь разсердиться на Машу, ей стоило только взглянуть на него своими большими, темносиними глазами или прижаться головкой къ его груди, и старикъ тотчасъ же прощалъ виновную, стараясь выдумать что нибудь новое для удовольствія своей любимицы.

Маша сознавала свою власть и пользовалась ею при всякомъ удобномъ случаѣ.

Богданъ Ивановичъ никогда не наказывалъ Машу. Въ крайнемъ случаѣ, если она капризничала и не хотѣла слушать никакихъ увѣщаній, ему стоило только пригрозить, что онъ отошлетъ ее къ Clarence, и ребенокъ тотчасъ же просилъ прощенія, становился внимателенъ и послушенъ.

Княгиня выписала изъ Петербурга для своихъ внучекъ англичанку, миссъ Эмму; но, по какому-то странному капризу, запрѣтила ей учить по англійски Машу.

Наступила весна. Сильно грѣло весеннее солнышко: подъ его благодатными лучами освобождались скованныя морозомъ рѣки, озера; отходила земля; зеленѣла трава и распускались деревья.

Богданъ Ивановичъ устроилъ возлѣ павильона небольшой садикъ и копался въ немъ вмѣстѣ съ Машей, давая ей наставленія, какъ сажать и ухаживать за цвѣтами.

Въ началѣ Іюня къ Тарской пріѣхалъ на каникулы ея сынъ. Чрезъ нѣсколько дней онъ заѣхалъ навѣстить сестру, пробылъ у Богдана Ивановича цѣлый день и съ тѣхъ поръ ежедневно навѣщалъ его. Тарскому недавно минуло 16-ть лѣтъ. Онъ переходилъ въ послѣдній классъ гимназіи и въ слѣдующемъ году долженъ былъ поступить въ университетъ.

Онъ учился ровно и во всѣхъ классахъ по успѣхамъ числился третьимъ или четвертымъ. При небольшомъ стараніи, онъ могъ бы стать первымъ; но не хотѣлъ этого, изъ боязни уступить когда нибудь свое мѣсто другому. Онъ былъ очень гордъ и самолюбивъ.

Изъ числа своихъ товарищей онъ сошелся только съ сыномъ одного ординатора городской больницы, къ которому ходилъ по праздникамъ въ отпускъ.

Остальные его и любили, и боялись. Они любили его за честность и прямоту; они знали, что онъ никогда не выдастъ товарища и всегда поможетъ слабѣйшему, но вмѣстѣ съ тѣмъ боялись его безпощадной, злой насмѣшки и старались сдерживаться въ его присутствіи.

Тарскій смотрѣлъ на нихъ совершенно равнодушно и не считалъ ихъ достойными своего вниманія.

Воспитатели не любили Тарскаго: они видѣли какое сильное вліяніе имѣлъ онъ на своихъ товарищей и считали, съ своей точки зрѣнія, это вліяніе вреднымъ для нравственности воспитанниковъ.

Разъ, еще въ маленькомъ классѣ, Тарскій былъ наказанъ безъ обѣда. У него въ то время случились деньги, и онъ упросилъ класснаго сторожа сходить за булкой. Сторожъ исполнилъ его просьбу. Тарскій началъ съ жадностью утолять свой аппетитъ и не замѣтилъ прихода надзирателя. У Тарскаго отобрали булку и начали допрашивать черезъ кого онъ ее досталъ. Тарскій молчалъ. Надзиратель доложилъ объ этомъ инспектору. Инспекторъ съ угрозами требовалъ сознанія. Тарскій молчалъ. Инспекторъ началъ допрашивать Тарскаго подъ розгами. Тарскій выдержалъ жестокое наказаніе, но не выдалъ виновнаго.

Съ тѣхъ поръ классный сторожъ былъ преданъ Тарскому какъ собака и исполнялъ его малѣйшія просьбы.

Вскорѣ надзору этого сторожа поручили комнату, въ которой помѣщалась библіотека и онъ, по просьбѣ Тарскаго, давалъ ему читать книги изъ шкаповъ, отъ которыхъ ключи были давно затеряны.

Тарскій читалъ безъ разбору все, что ни приносилъ ему старый сторожъ.

Отъ подобнаго чтенія кругъ его понятій значительно расширился и много новыхъ, смутныхъ вопросовъ родилось въ его сильно работавшей головѣ. Онъ не смѣлъ обратиться за разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ къ своимъ учителямъ и считалъ лишнимъ говорить о нихъ съ своими товарищами. Онъ сдѣлался задумчивъ, угрюмъ и старался искать общества взрослыхъ, надѣясь отъ нихъ получить отвѣтъ на многое, чего не понималъ, въ чемъ начиналъ сомнѣваться. Вотъ почему Тарскій, посѣтивъ Фрейгофа одинъ разъ, началъ бывать у него ежедневно. Тарскій видѣлъ въ Богданѣ Ивановичѣ человѣка, который пойметъ его слова и разрѣшитъ многое, что начинало тревожить скептическій отъ природы умъ молодаго человѣка.

Въ свою очередь и Богданъ Ивановичъ полюбилъ Тарскаго. Онъ любилъ слушать его увлекательныя мечты и надежды на будущее.

Фрейгофъ вспоминалъ при этомъ свою молодость, увлекался самъ и разсказывалъ Тарскому о своей бурной студентческой жизни.

Иногда вопросы Тарскаго ставили Богдана Ивановича въ большое затрудненіе. Онъ зналъ, какъ опасны бываютъ эти вопросы, если они слишкомъ рано овладѣютъ разумомъ и старался избавить отъ нихъ Тарскаго, развивая болѣе его воображеніе и чувство.

У Фрейгофа былъ великолѣпный альбомъ съ видами береговъ Рейна, подаренный ему убитымъ княземъ, въ память путешествія за границу. Богданъ Ивановичъ яркими красками описывалъ Тарскому великолѣпную природу Рейна и разсказывалъ столь богатую поэтическими легендами и преданіями исторію каждой развалины, каждаго замка.

Воображеніе Тарскаго увлекалось средневѣковою жизнью съ ея рыцарями, турнирами, битвами и часто, возвращаясь ночью отъ Фрейгофа домой, молодой гимназистъ скакалъ во всю прыть на неосѣдланной лошади и, воображая себя рыцаремъ, окруженнымъ непріятелями, отчаянно размахивалъ руками, къ величайшему удивленію лошади, которая рѣшительно не понимала, что сдѣлалось съ ея сѣдокомъ.

Богданъ Ивановичъ хотѣлъ возбудить въ Тарскомъ любовь къ искуству. У Тарскаго были хорошія музыкальныя спо-

собности. Фрейгофъ предложилъ ему учиться игрѣ на фортепіано. Тарскій съ благодарностью согласился и съ тѣхъ поръ, ежедневно, по часу, а иногда и болѣе, занимался музыкой.

Анна Ивановна, обязанная Фрейгофу тѣмъ, что Clarence перестала преслѣдовать Машу, съ удовольствіемъ отпускала къ нему своего сына и Тарскій цѣлые дни проводилъ у старика.

Иногда Богданъ Ивановичъ оставлялъ у себя Тарскаго ночевать, и тогда, на другое утро, оба отправлялись съ восходомъ солнца на охоту.

Но подобное развлеченіе было не подъ силу старику. Побродивъ немного по лѣсу, онъ уставалъ, садился на первый, попавшійся пень и начиналъ разговаривать съ Тарскимъ. Чаще всего предметомъ ихъ разговора былъ университетъ. Старый боннскій студентъ разсказывалъ молодому гимназисту объ устройствѣ германскихъ университетовъ, объ отношеніи студентсвъ между собою, къ начальству и жителямъ; разсказывалъ о томъ, какъ студенты лѣтомъ отправляются пѣшкомъ по Германіи и всюду находятъ себѣ радушный пріемъ у жителей, угощающихъ безвозмездно молодыхъ людей, въ надеждѣ на подобное гостепріимство и для своихъ дѣтей.

Старикъ воодушевлялся, описывалъ нѣкоторые эпизоды изъ своихъ собственныхъ путешествій, вспоминалъ шалости и проказы юности.

Съ жаднымъ вниманіемъ слушалъ Тарскій разсказы Фрейгофа и въ его головѣ глубоко запала мысль поступить въ Боннскій университетъ.

Разъ онъ высказалъ свое желаніе Богдану Ивановичу, но тотъ ясно доказалъ ему невозможность исполненія подобнаго желанія.

Мужъ княгини купилъ, послѣ смерти однаго библіомана, большое количество книгъ и отправилъ ихъ, для умноженія своей родовой библіотеки, въ деревню. Въ числѣ ихъ было много русскихъ, которыя Богданъ Ивановичъ по своему выбору, давалъ читать Тарскому.

Подъ его же руководствомъ Тарскій съ большимъ успѣхомъ изучалъ нѣмецкій языкъ.

Занимаясь съ Тарскимъ, Богданъ Ивановичъ не забылъ и Маши. Онъ ежедневно, два раза, посылалъ ее купаться въ рѣкѣ и слѣдилъ за ея работами въ садикѣ. По утрамъ онъ отправлялся съ нею въ лѣсъ за ягодами и грибами, передъ обѣдомъ катался на лодкѣ или удилъ рыбу, а по вечерамъ занимался ея умственнымъ и музыкальнымъ образованіемъ.

Быстро пролетѣло короткое лѣто; наступилъ августъ. Тарскій, со слезами на глазахъ, простился съ Богданомъ Ивановичемъ и уѣхалъ въ гимназію.

Послѣ разлуки съ Фрейгофомъ Тарскій еще сильнѣе почувствовалъ свое одиночество. Онъ совершенно отдѣлился отъ своихъ товарищей, сдѣлался еще болѣе задумчивъ и угрюмъ. Въ свободное отъ занятій время онъ никогда не принималъ участія въ развлеченіяхъ другихъ, а сидѣлъ гдѣ нибудь въ углу и вспоминалъ одушевленные разсказы Фрейгофа.

Ни на минуту не покидала его мысль поступить въ Боннскій университетъ. Множество плановъ рождалось въ его головѣ, но всѣ они казались невозможными. Наконецъ онъ остановился на одномъ изъ нихъ. Онъ съ полнымъ вниманіемъ прочелъ біографію Ломоносова и, по примѣру этого писателя, рѣшился, лѣтомъ, пѣшкомъ, добраться до Бонна. Дорогой онъ думалъ выдавать себя за странствующаго студента, а добравшись до Бонна, явиться къ ректору университета и откровенно разсказать ему о томъ, какъ желаніе учиться привело его, пѣшкомъ, въ Боннъ. Безъ сомнѣнія, думалъ Тарскій, послѣ подобнаго разсказа мнѣ позволятъ слушать лекціи и я, занимаясь утромъ въ университетѣ, вечеромъ буду давать частные уроки или достану какую нибудь другую работу и такимъ образомъ найду себѣ средства къ существованію.

Какъ ни безуменъ былъ подобный планъ, Тарскому онъ казался возможнымъ, и онъ горячо приступилъ къ его исполненію. Въ теченіи всей зимы онъ съ такимъ прилежаніемъ занимался изученіемъ нѣмецкаго языка, что скоро владѣлъ имъ въ совершенствѣ. Онъ досталъ и прочелъ множество книгъ о путешествіяхъ по Германіи и хорошо ознакомился съ городами и мѣстечками, лежащими по дорогѣ въ Боннъ.

Тарскій никому, даже своему другу, не открывалъ своихъ намѣреній и съ нетерпѣніемъ ожидалъ лѣта. Онъ выдержалъ экзаменъ въ числѣ первыхъ, холодно простился съ товарищами и съ радостью уѣхалъ въ деревню.

Богданъ Ивановичъ замѣтилъ сильную перемѣну въ своемъ молодомъ другѣ. Онъ видѣлъ, что какая-то мысль постоянно занимаетъ Тарскаго, но ждалъ перваго шага къ откровенности со стороны молодаго человѣка.

Тарскій сначала не хотѣлъ открывать своего намѣренія Фрейгофу, но послѣ рѣшился только узнать объ этомъ мнѣніе Богдана Ивановича и, во всякомъ случаѣ, поставить на своемъ.

Разъ вечеромъ Фрейгофъ отправился съ Тарскимъ гулять. Дорогой онъ началъ распрашивать своего молодаго друга о томъ, въ какой университетъ думаетъ поступить Тарскій для своихъ дальнѣйшихъ занятій, какую дорогу хочетъ онъ избрать въ жизни, и къ какому труду чувствуетъ себя болѣе способнымъ.

Тарскій долго отвѣчалъ общими выраженіями: «не знаю». «еще не думалъ;» но наконецъ, замѣтя, что его отвѣты огорчаютъ старика, сообщилъ Фрейгофу свое желаніе поступить въ Боннскій университетъ, по факультету естественныхъ наукъ и, мало-по-малу, высказалъ придуманный имъ планъ.

Богданъ Ивановичъ молча выслушалъ Тарскаго, взялъ его подъ руку, въ длинной рѣчи ясно доказалъ ему всю несбыточность его намѣреній, опровергнулъ всѣ его доводы и взялъ съ молодаго гимназиста слово, не предпринимать ничего безъ его согласія.

Долго ходили они по аллеямъ парка. Тарскій во всемъ принужденъ былъ согласиться съ Фрейгофомъ и поздно ночью уѣхалъ, сильно разстроенный, домой.

Черезъ два дня Тарскій опять пріѣхалъ къ Фрейгофу и объявилъ ему, что рѣшился остаться на всегда въ деревнѣ, съ цѣлью помогать матери въ управленіи хозяйствомъ.

«Я уже говорилъ объ этомъ съ матушкой,» прибавилъ онъ; «она во всемъ согласна со мною.»

Напрасно Богданъ Ивановичъ уговаривалъ Тарскаго бросить эту идею и идти въ университетъ; онъ оставался непоколебимъ.

Съ этого дня онъ сильно измѣнился. Онъ бросилъ совсѣмъ читать книги и по цѣлымъ днямъ или разсматривалъ альбомы съ видами Германіи, или лежалъ на диванѣ и курилъ до одуренія прескверныя папиросы.

Отъ такой жизни его здоровье скоро разстроилось. Тарскій похудѣлъ, сдѣлался раздражителенъ, часто чувствовалъ сильную боль въ груди и даже началъ кашлять.

Богданъ Ивановичъ старался всѣми средствами разбудить энергію молодаго человѣка, пробовалъ возбудить въ немъ жажду познанія, затрогивалъ самолюбіе,—ничто не помогало. Тарскій все лежалъ и курилъ.

Богданъ Ивановичъ начиналъ безпокоиться. Онъ сознавалъ, что былъ невольною причиною подобной перемѣны въ молодомъ человѣкѣ; видѣлъ, что подобная жизнь скоро сгубитъ раздражительный отъ природы организмъ Тарскаго и рѣшился не противиться болѣе его намѣреніямъ.

Въ одинъ изъ жаркихъ іюньскихъ дней Богданъ Ивановичъ отправилъ Машу купаться и подошелъ къ дивану, на которомъ лежалъ Тарскій.

— Долго-ли мы будемъ валяться и портить наше здоровье? спросилъ онъ Тарскаго.

— Не знаю, отвѣчалъ тотъ съ грустною улыбкою.

— Кто же знаетъ? Посмотрите на себя, на что вы похожи: вы больны.

— Къ чему беречь здоровье?

— Къ чему! Вы не имѣете права разстраивать вашего здоровья. Природа дала вамъ жизнь, одарила способностями; вы должны трудиться для собственной пользы, для пользы ближнихъ, а вы ничего не дѣлаете, бросили учиться....

— Я не прочь учиться, перебилъ его Тарскій.

— Не прочь! А ничего не хотите дѣлать! Вы не ребенокъ, вы кончили курсъ гимназіи; для васъ открыты всѣ дороги.

— Та дорога, по которой я желалъ идти, для меня недоступна, а остальныхъ мнѣ не надо.

— Неужели, до сихъ поръ, вы еще не бросили безумной идеи поступить въ Боннскій университетъ. Повѣрьте мнѣ: всѣ университеты одинаковы. Въ русскихъ вы будете между своими, тогда какъ тамъ вы будете.....

— И тамъ, и здѣсь я все равно буду окруженъ чужими людьми.

— Что за упрямство! Вы, какъ будто нарочно, не хотите понять моихъ словъ.

— Я во всемъ согласенъ съ вами, добрѣйшій Богданъ Ивановичъ, но что же дѣлать! я не могу принудить себя.

— Скажите: не хочу! Придетъ время, и вы пожалѣете о своемъ рѣшеніи, но тогда уже будетъ поздно: лѣнь вполнѣ овладѣетъ вами, вы ни на что не будете способны. Опомнитесь, пока еще есть время, пока еще не совсѣмъ угасла въ васъ любовь къ труду, къ наукѣ....

— Я не лѣнтяй! перебилъ запальчиво Тарскій. Я желаю учиться, готовъ трудиться безъ отдыха день и ночь, но.... или въ Боннѣ, или....

Тарскій закашлялся, бросилъ окурокъ папиросы и закурилъ новую.

— Я сомнѣваюсь, будете ли вы учиться, если судьба доставитъ вамъ случай поступить въ Боннскій университетъ.

— Къ чему говорить о невозможномъ!

— Я говорю серьезно. У меня есть случай опредѣлить васъ; но я наперед желаю знать, бросите ли вы свою лѣнь и эти гадкія папиросы, которыя только портятъ вашу слабую грудь. Лѣниться можно вездѣ; для этого не стоитъ ѣхать такъ далеко.

— Клянусь вамъ, Богданъ Ивановичъ, только бы мнѣ попасть въ Боннъ, я буду трудиться, какъ волъ. Я съумѣю самъ найти себѣ средства къ жизни; я буду отказывать себѣ во всемъ.... Но къ чему говорить объ этомъ! Не шутите такъ со мной, не оживляйте напрасно моей надежды; вы не можете понять, какъ тяжелы для меня подобные разговоры.

— Я не шучу, перебилъ его Богданъ Ивановичъ, садясь на диванъ и взявъ Тарскаго за руки. — Выслушайте меня внимательно, мой другъ! Я вижу, что ваше намѣреніе непоколѣбимо, и хочу, и могу помочь вамъ. Въ теченіи моей долгой жизни мнѣ удалось скопить немного денегъ. Мнѣ онѣ не нужны. Эти деньги я отдаю вамъ. Съ ихъ помощью, и при знаніи нѣмецкаго языка, вы легко доѣдете до Бонна, поступите въ университетъ и проживете до тѣхъ

поръ, пока успѣете осмотрѣться и найти себѣ средства къ жизни. Въ Боннѣ живетъ мой товарищъ по университету, старый профессоръ химіи, Гюнтеръ; я напишу ему о васъ; я увѣренъ, что онъ приметъ васъ какъ роднаго, и поможетъ вамъ во всѣхъ непредвидѣнныхъ затрудненіяхъ. Вы должны будете ѣхать въ Петербургъ. Вамъ будетъ трудно хлопотать о полученіи паспорта и о размѣнѣ денегъ; я дамъ вамъ письмо въ одну изъ петербургскихъ банкирскихъ конторъ, къ моему племяннику. Онъ устроитъ всѣ ваши денежныя и письменныя дѣла, дастъ вамъ нужныя наставленія и проводитъ на пароходъ. Вотъ средство, которое я предлагаю вамъ, въ надеждѣ, что вы бросите свою лѣнь, будете учиться, станете заботиться о своемъ здоровьи, сдѣлаетесь честнымъ, полезнымъ человѣкомъ.

Тарскій бросилъ папиросу и съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ Богдана Ивановича. Когда послѣдній кончилъ говорить, Тарскій вскочилъ съ дивана, хотѣлъ что-то сказать, но не могъ и со слезами бросился обнимать Фрейгофа.

При видѣ безумнаго восторга молодаго человѣка, Богданъ Ивановичъ самъ немного прослезился.

Когда Тарскій успокоился, Фрейгофъ началъ разсчитывать, въ какую сумму можетъ обойтись поѣздка одного человѣка въ Боннъ.

Тарскій сидѣлъ возлѣ, и внимательно слушалъ. Вдругъ онъ опустилъ голову и о чемъ то сильно задумался,

— Можетъ быть, добрѣйшій Богданъ Ивановичъ, спросилъ онъ,—вамъ самимъ понадобятся эти деньги, а я не въ состояніи буду отдать ихъ.

— Если я буду живъ, вы отдадите ихъ мнѣ, когда наживете свои, отвѣчалъ Фрейгофъ; — если же меня не будетъ на свѣтѣ, вы употребите эти деньги на какое нибудь доброе дѣло и тѣмъ вполнѣ разсчитаетесь со мною.

Я забылъ сказать вамъ, прибавилъ Богданъ Ивановичъ,—что о нашемъ рѣшеніи необходимо сообщить Аннѣ Ивановнѣ. Я, завтра, самъ съѣзжу къ ней и увѣренъ, что она согласится на вашъ отъѣздъ. Я скажу ей о деньгахъ, но кромѣ ея и насъ никто, никогда, не долженъ знать объ этомъ.

Тутъ прибѣжала съ купанья Маша и удивилась, замѣтивъ, что ея братъ не лежитъ на диванѣ, а сидитъ у стола.

Тарскій рано уѣхалъ домой.

Вечеромъ Богданъ Ивановичъ, проводивъ, по обыкновенію Машу, вернулся домой, сѣлъ за клавикорды и началъ играть своего любимаго Wanderer, Шуберта.

Въ этотъ день онъ былъ вполнѣ доволенъ собой. Онъ обманулъ Тарскаго, сказавъ, что ему не нужны деньги. Отдавая ихъ, онъ разставался съ завѣтною надеждой увидѣть когда нибудь мѣста своей родины.

На другой же день Фрейгофъ поѣхалъ къ Аннѣ Ивановнѣ и сообщилъ ей о своемъ намѣреніи помочь молодому Тарскому.

Анна Ивановна сначала отказалась отъ предложенія Фрейгофа, но когда послѣдній объявилъ, что сожжетъ свои деньги въ случаѣ ея упрямства, Тарская съ удивленіемъ посмотрѣла на сумасшедшаго нѣмца и согласилась.

Она не только не подозрѣвала о существованіи города Бонна, но даже не имѣла понятія о положеніи всѣхъ европейскихъ государствъ, не исключая и своего русскаго. Всѣ ея познанія въ географіи сложились изъ разсказовъ покойнаго мужа, который, иногда, въ длинные зимніе вечера, объяснялъ женѣ, что возлѣ русскаго царя живутъ: по выше, король прусскій, а по ниже—цезарь австрійскій; за ними—король французскій, а на островѣ—рыжіе англичане. Послѣднихъ покойный маіоръ сильно не жаловалъ и всегда отзывался о нихъ съ презрѣніемъ.

Отпуская сына, Аннѣ Ивановнѣ было рѣшительно все равно: ѣдетъ ли онъ въ Петербургъ, въ Боннъ, или въ Патагонію.

Черезъ двѣ недѣли все было готово къ отъѣзду молодаго гимназиста.

Анна Ивановна еще наканунѣ уложила своими руками въ старый походный чемоданъ мужа бѣлье и другія вещи, приготовленныя ею для сына.

Въ день отъѣзда, утромъ, Богданъ Ивановичъ привезъ деньги и рекомендательныя письма. Анна Ивановна тщательно зашила ихъ въ коленкоровый мѣшокъ.

Когда настала минута прощанья, Анна Ивановна усадила всѣхъ, по русскому обычаю, на стулья, потомъ встала, помолилась, благословила сына образкомъ Александра Невскаго и надѣла послѣдній вмѣстѣ съ деньгами ему на шею.

Тарскій простился съ матерью, поцѣловалъ сестру, въ послѣдній разъ обнялъ и поблагодарилъ своего благодѣтеля и уѣхалъ въ губернскій городъ.

Тамъ онъ остановился у своего друга по гимназіи, который тоже собирался поступить въ Медико-Хирургическую академію, и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Петербургъ.

Племянникъ Фрейгофа принялъ Тарскаго ласково и радушно предложилъ ему свои услуги. Этотъ племянникъ часто ѣздилъ, по дѣламъ конторы, за границу.

Онъ выхлопоталъ Тарскому паспортъ, досталъ вексель на Берлинъ, подробно объяснилъ ему какъ и гдѣ можетъ онъ получить деньги, купилъ все необходимое для дороги, даже самъ проводилъ его на пароходъ и поручилъ знакомому капитану.

Тарскій спокойно пріѣхалъ въ Берлинъ, получилъ деньги и въ тотъ же день выѣхалъ въ Боннъ.

Вскорѣ Богданъ Ивановичъ получилъ отъ Тарскаго письмо, въ которомъ тотъ увѣдомлялъ старика, что благополучно пріѣхалъ въ Боннъ, былъ у Гюнтера, нанялъ у него маленькую комнату, со столомъ и уже поступилъ въ университетъ.

V.

Прошло семь лѣтъ.

Богданъ Ивановичъ занимался съ Машей, какъ съ своею родною дочерью. Воспитать ее, развить эту богато-одаренную отъ природы натуру, приготовить ее къ жизни, изъ ребенка создать женщину, приложить къ ней все знаніе, весь опытъ, пріобрѣтенный имъ въ теченіи его долгой жизни:—сдѣлалось задачею существованія старика.

Ревностно, безкорыстно, съ любовью, занимался онъ воспитаніемъ Маши. Онъ видѣлъ, что его труды не пропадали даромъ, видѣлъ успѣхъ—и радовался, и гордился этимъ.

Машѣ исполнилось 17-ть лѣтъ.

Въ день ея рожденія княгиня дозволила молодой дѣвушкѣ, впервые, надѣть длинное платье. Катя, ежедневный парикмахеръ княгини, въ этотъ день, вычесала Машу, какъ чешутъ взрослыхъ и пожелала своей любимицѣ хорошаго жениха.

Богданъ Ивановичъ былъ нездоровъ и нѣсколько дней не выходилъ изъ павильона.

Когда Маша зашла передъ обѣдомъ къ старику, онъ остолбенѣлъ отъ удивленія. Передъ нимъ стояла молодая дѣвушка въ полномъ блескѣ красоты и молодости. Ея густые, черные волосы слегка были зачесаны назадъ и перевивались, какъ змѣи, на затылкѣ. Небольшой лобъ, правильный носикъ, розовыя щечки, маленькій круглый подбородокъ,—все, составляя одно цѣлое, служило выраженіемъ здоровья и красоты.

Какъ на достойномъ пьедесталѣ, покоилась эта головка на немного длинной, словно выточенной изъ слоновой кости шейкѣ. Темнокоричневое шерстяное платье плотно охватывало стройныя, античныя формы и широкими складками спускалось къ ногамъ.

Отъ всей фигуры молодой дѣвушки вѣяло молодостью, жизнью и красотой.

Она вошла, и отъ одного ея присутствія все измѣнилось въ комнатѣ старика, все приняло какой то другой, праздничный видъ, все улыбалось, все спѣшило преклониться передъ лицомъ молодой дѣвушки, какъ передъ представительницей прекраснаго на землѣ.

— Маша, началъ Богданъ Ивановичъ, но запнулся на первомъ же словѣ, сконфузился и покраснѣлъ; Маша... Мери.... Марья Александровна.

— Такъ то вы встрѣчаете новорожденную, перебила Маша, подходя къ Фрейгофу, и по обыкновенію подставляя ему свой лобъ.

— Марья Александровна, продолжалъ старикъ, слегка поцѣловавъ Машу:—я не вѣрю своимъ глазамъ; вы ли это? — Марья Александровна! Это что за новость? Такъ вотъ подарокъ, который вы приготовили ко дню моего рожденія. Если вы не хотите меня обидѣть, то называйте по прежнему Машей.

— Нѣтъ! я не могу называть васъ такъ, отвѣчалъ Фрейгофъ;—я не имѣю на это права; я не долженъ....

Послѣ долгаго спора Маша насилу уговорила старика называть ее отнынѣ не Марьей Александровной, а Мери.

Съ этого дня Богданъ Ивановичъ измѣнилъ свои отношенія къ Мери. Онъ пересталъ обращаться съ нею, какъ съ ребенкомъ, но продолжалъ доканчивать воспитаніе молодой дѣвушки.

Онъ постепенно знакомилъ ее съ произведеніями литературныхъ знаменитостей Германіи. Съ энтузіазмомъ нерастраченнаго чувства читалъ онъ ей знаменитыя творенія нѣмецкихъ поэтовъ и, увлекаясь самъ, увлекалъ и ее въ этотъ роскошный міръ поэзіи, драмы и романа.

Не замѣчая своей ошибки, онъ сильно развивалъ въ Мери чувство и часто, самъ, посреди чтенія, останавливался въ недоумѣніи, видя, какъ широко раскрывались и загорались какимъ то страннымъ блескомъ глаза молодой дѣвушки, какъ судорожно сжимались ея губы и вся она, превратясь въ олицетворенное вниманіе, жадно ловила новыя слова, новыя рѣчи, новые образы.

Богданъ Ивановичъ зналъ хорошо русскій языкъ, любилъ русскую литературу и тоже знакомилъ съ нею Мери. Онъ читалъ и разсказывалъ молодой дѣвушкѣ все, что нравилось ему самому и, какъ чувствительный германскій идеалистъ, развивалъ и безъ того пылкое воображеніе Мери.

Онъ выучилъ ее играть на фортепіано, пѣть и развилъ въ ней любовь къ серьезной музыкѣ, въ особенности къ Бетховену, котораго считалъ величайшимъ музыкальнымъ геніемъ на землѣ.

У Мери былъ свѣжій, звучный контръ-альтъ, и Фрейгофъ съ наслажденіемъ слушалъ, какъ пѣла она прекрасныя, мелодическія пѣсни Шуберта. Правда, въ ея голосѣ недоставало выраженія, ея голосъ не звучалъ страстью; но этому не въ силахъ былъ научить Мери старикъ.

Это была задача другаго, того, кто съумѣетъ внушить къ себѣ любовь молодой дѣвушки и воспользуется трудами Фрейгофа.

Послѣдняя мысль не давала Богдану Ивановичу покоя. Онъ гордился Мери, какъ своимъ созданіемъ; но понималъ,

что его роль кончается, что скоро его мѣсто займетъ другой, и какое то странное, скверное чувство къ этому другому шевелилось въ его сердцѣ. Онъ подходилъ къ зеркалу и грустно улыбался, при видѣ своего морщинистаго лица и рѣдкихъ, сѣдыхъ волосъ.

Онъ старался увѣрить себя, что любитъ Мери, какъ дочь; но другое чувство, чувство, въ которомъ онъ не могъ дать себѣ отчета, волновало и мучило старика.

Какъ только Мери входила въ кабинетъ Фрейгофа, онъ конфузился и старался тотчасъ-же заняться чтеніемъ или музыкой. Онъ боялся смотрѣть на нее, а когда Мери, прощаясь, по привычкѣ подставляла Богдану Ивановичу свой лобъ—его губы дрожали.

По уходѣ Мери, онъ долго оставался неподвиженъ съ открытыми, ничего не видящими глазами; потомъ садился играть, но слезы застилали ему глаза, и безотрадно горькимъ казалось ему одиночество. Старикъ тушилъ свѣчи, ложился спать; но и во снѣ неутомимо преслѣдовалъ его образъ молодой дѣвушки.

Измѣнилась и Мери. Она сдѣлалась задумчивой, даже немного дикой; избѣгала людей, и вся жила внутреннею жизнью, въ области воображенія, фантазіи и мечты.

Наступилъ 1857 годъ. Во всѣхъ уголкахъ Россіи заговорили объ эмансипаціи. Наконецъ, безсмертнымъ указомъ 19-го Февраля, было уничтожено на всегда постыдное ярмо рабства. Работы по надѣлу крестьянъ землею медленно, но непрерывно, подвигались впередъ. Кое-гдѣ обнаружились волненія; пришлось употребить силу. Княгиня испугалась послѣдствій переворота и уѣхала съ своими внучками за границу.

Фрейгофу поручено было смотрѣть за порядкомъ и чистотою въ домѣ, завѣдывать библіотекой и надзирать за обширными княжескими оранжереями.

Анна Ивановна въ томъ-же рыдванѣ пріѣхала благодарить княгиню за воспитаніе дочери и увезла Мери къ себѣ.

Мери безъ сожалѣнія разсталась съ семействомъ княгини. Ея гордая, развитая натура не могла сойтись съ пустыми,

набитыми спѣсью и испорченными нелѣпымъ воспитаніемъ молодыми княжнами. Она уважала княгиню, но какъ то боялась ледѣнящей холодности старой аристократки.

Правда, она разставалась и съ тѣмъ, кто замѣнилъ ей отца; но Богданъ Ивановичъ оставался въ своемъ павильонѣ; разстояніе между усадьбами было невелико и слѣдовательно ничто не мѣшало Мери видѣться съ Фрейгофомъ, хотя каждый день. Притомъ она хотя и не могла себѣ объяснить причины, но замѣчала, что ея присутствіе всегда какъ-то конфузило старика, который старался по возможности избѣгать частыхъ съ нею свиданій.

Послѣ великолѣпныхъ, раззолоченныхъ палатъ княгини бѣденъ и малъ показался Мери домъ ея матери; но она скоро привыкла къ нему.

Она выбрала себѣ небольшую комнату въ мезонинѣ, убрала ее съ тою милою простотою и кокетливостью, которая дѣлала честь ея врожденному вкусу къ изящному и поселилась въ ней, называя ее своею клѣткою.

Единственное окно этой комнаты выходило въ большой густозаросшій садъ, который спускался до самаго берега Волги, но не мѣшалъ глазу видѣть на далекое разстояніе противоположный, низменный берегъ рѣки. Нѣсколько деревьевъ лѣпились у самой стѣны, и когда Мери открывала окно, вѣтеръ осыпалъ ее пахучими цвѣтами липы, смѣшанными съ блѣднорозовыми лепестками яблонь

Анна Ивановна продолжала заниматься хозяйствомъ и предоставила Мери полную свободу жить, какъ ей заблагоразсудится.

Мери читала постоянно книги, которыми не переставалъ снабжать ее Фрейгофъ; гуляла въ саду, въ окрестныхъ лѣсахъ или приказывала осѣдлать подаренную ей княгинею лошадь и, катаясь верхомъ, заѣзжала къ Богдану Ивановичу. Взявъ у старика ноты, Мери отправлялась въ залу княжескаго дома и на великолѣпномъ роялѣ Эрара разыгрывала безсмертныя произведенія своего любимца Бетховена.

Богданъ Ивановичъ замѣтно старился. У него постоянно болѣла нога, и онъ съ трудомъ выходилъ изъ комнаты. Какая-то тяжелая грусть постоянно виднѣлась на добромъ

лицѣ старика и никакія ласки, никакія заботы Мери не могли согнать этой непрошенной гостьи.

Богданъ Ивановичъ не могъ самъ ходить въ библіотеку; онъ отдавалъ ключи Мери и она, роясь въ шкапахъ, часто выбирала такія книги, которыя все сильнѣе и сильнѣе волновали ея молодое сердце и чрезмѣрно развивали воображеніе.

Ея задумчивость усилилась. Она создала свой внутренній міръ и жила въ немъ вмѣстѣ съ своими любимыми героями.

Но ей чего-то недоставало.

Въ большей части читанныхъ ею книгъ говорилось о любви. Каждая героиня выбирала одного, котораго любила, которому отдавалась вся, безгранично, безраздѣльно, для котораго жертвовала всѣмъ, даже жизнью.

Гдѣ же *онъ*? Гдѣ же тотъ, котораго судьба приведетъ къ Мери столь готовой, столь жаждующей любви.

Любить! При этомъ словѣ какое-то новое чувство шевелилось въ глубинѣ сердца Мери, сильно волновалась кровь, и яркая краска выступала на лицѣ молодой дѣвушки. Любить! Но кого же? Маму?... Богдана Ивановича?... Нѣтъ! не то: то другая любовь.

Мери увлеклась этимъ чувствомъ. Она создала свой идеалъ, надѣлила его всѣми качествами героя и мечтала о немъ, думала день и ночь, думала безпрерывно. Она никому не открывала своей завѣтной мечты, и некому было остановить ее, некому было познакомить ее съ дѣйствительностью, и успокоить эту экзальтированную головку.

Богатая природа еще болѣе развивала ея воображеніе. По цѣлымъ часамъ сидѣла Мери на своей любимой скамейкѣ въ саду и смотрѣла безъ цѣли, безмолвно, на все окружающее. Широкой полосой разстилалась передъ нею обширная окрестность и далеко, на горизонтѣ, сливалась туманомъ съ небомъ. Тихо и спокойно катилась рѣка у ногъ молодой дѣвушки; теплый, жгучій воздухъ палилъ ей лицо, тишина и неподвижность царили вокругъ и только изрѣдка прерывались пѣніемъ птицъ, да жужжаніемъ насѣкомыхъ. Солнце медленно садилось за лѣсомъ и обливало всю окрестность яркимъ, огненно-краснымъ, багрянымъ цвѣтомъ. Вотъ слышится шумъ приближающагося къ деревнѣ стада, лай

собакъ, блеяніе овецъ, крики бабъ, потомъ снова все затихло, снова все погрузилось въ неподвижность. Солнце совсѣмъ скрылось изъ глазъ; надъ рѣкою поднялся легкій какъ дымка туманъ; изъ за дома вышла луна и ея таинственный, блѣдный свѣтъ серебристой струей отразился въ темной глубинѣ рѣки. Легкій вѣтерокъ донесъ издалека тоскливые, грустные звуки; то бурлаки тянули свой однообразный, монотонный припѣвъ. Тяжелая расшива медленно спустилась по рѣкѣ и скрылась на поворотѣ изъ глазъ. Изъ за угла показался дымъ. Легкій пароходъ, шумя своими колесами, пробѣжалъ по Волгѣ. Послѣдній плескъ взволнованной рѣки замеръ въ воздухѣ, и снова вода сдѣлалась неподвижною какъ зеркало. Ночная тишина воцарилась на землѣ, только порой, гдѣ-то вдали, кричала дикая утка, да изъ ближайшаго пруда доносилось стройное и сильное пѣніе лягушекъ. Мери все сидѣла неподвижно, все думала, и только свѣжій ночной вѣтерокъ выводилъ ее изъ задумчивости и напоминалъ о снѣ.

Иногда Мери уходила въ лѣсъ, садилась на срубленный пень и начинала мечтать, все о томъ же.

Жаркое солнце палило землю, но въ лѣсу было прохладно и свѣжо; пахло сыростью и грибами. Надъ головой вокругъ шумѣли листья, словно шептались, повѣряя другъ другу свои тайны. Вблизи, на лужайкѣ, лѣниво бродила корова, отгоняя хвостомъ докучныхъ мухъ.

У ногъ Мери муравей съ трудомъ тащилъ непосильную ношу, червякъ ползъ по ея платью, бабочки рѣзвились надъ головой....

А Мери все думала, и вычитанные изъ романовъ сцены роились у ней въ головѣ. *Онъ* также гуляетъ въ этомъ лѣсу, случайно встрѣчается съ Мери, и оба конфузятся, оба робѣютъ. Она не смѣетъ поднять на него своихъ глазъ, наконецъ рѣшается. Да, это онъ! Высокій, стройный, красивый блондинъ, съ прекрасными, голубыми глазами.... Онъ говоритъ ей свое имя, завѣтное имя; удивляется, что находитъ ее одну и проситъ позволенія сѣсть возлѣ....

Разъ, въ одну изъ подобныхъ минутъ, ей показалось, будто кто-то склонился надъ ея головою; ея чуткое ухо услышало нѣсколько шопотомъ сказанныхъ словъ, чьи-то

кудри коснулись ея лица.... Мери вскрикнула, оглянулась....

Вокругъ не было никого. Это бабочка задѣла ее по лицу, оставя на щекѣ тонкій слой драгоцѣнной пыли.

Въ темные бурные вечера Мери боялась гулять по саду. Она оставалась въ своей комнатѣ, отворяла окно и старалась вглядѣться въ окружающую ее темноту. Деревья протягивали къ ней свои качающіяся вѣтви, а сквозь завыванія порывистаго вѣтра слышно было, какъ шумно катились волны разъяренной рѣки.

Въ тихіе лѣтніе дни Мери любила слушать мѣрные звуки тоскливаго напѣва бурлаковъ. Родная пѣснь! Давно уже исчезъ съ лица земли тотъ несчастный, который, подъ тяжестью лямки, впервые затянулъ эту грустную пѣснь; давно истлѣли его высохшія кости, но и понынѣ, словно убаюканная этими тоскливыми звуками безъисходнаго горя, мѣрно катитъ свои воды кормилица Волга.

Ежегодно, часъ за часомъ, высасываетъ она жизнь, сушитъ грудь и губитъ не одну сотню бурлаковъ. Она привыкла не считать своихъ жертвъ, словно знала, что на ихъ мѣсто явятся сотни другихъ, которые предпочтутъ лучше погулять по матушкѣ Волгѣ, и хотя раннею смертью заплатить за свою трудовую свободу, но за то умереть на волѣ, умереть подъ открытымъ небомъ, а не исчахнуть подъ розгами помѣщика и тяжестью крѣпостнаго труда.

Эта мужицкая пѣсня тяжелымъ камнемъ ложится на душу; отъ этихъ монотонныхъ звуковъ болитъ, надрывается русское сердце, и возмутительныя картины рабства и возмущающія душу воспоминанія, какъ грозныя тѣни прошедшаго, воскресаютъ въ головѣ.

Мрачная пѣсня тоски и неволи! Скоро ли исчезнешь ты съ русскихъ береговъ, какъ исчезло самое рабство, какъ исчезло много безобразнаго съ лица русской земли?

Напротивъ дома Тарскихъ, на другомъ берегу Волги, виднѣлась небольшая деревня, принадлежащая капитану Сергѣю Петровичу Лопатину. За деревней, на пригоркѣ, возвышался старинный, выстроенный въ одинъ этажъ, помѣ-

щичій домъ. Въ теченіи многихъ лѣтъ никто не обиталъ въ этомъ домѣ, никто не заботился о его поправкѣ, вслѣдствіе чего онъ пришелъ въ совершенную вѣтхость, и только прочно сложенныя бревенчатыя стѣны спасали его отъ полнаго разрушенія.

Этотъ домъ съ своими вѣчно закрытыми ставнями, съ поросшей мохомъ крышей и съ обвалившимся подъѣздомъ, всегда возбуждалъ въ Мери любопытство и даже страхъ.

Разъ она рѣшилась осмотрѣть эти развалины, переѣхала рѣку и попросила показать ей домъ. Сѣдой, исполнявшій должность сторожа, старикъ объявилъ Мери, что ключи отъ дома затеряны еще его покойнымъ отцомъ, умершимъ 15-ть лѣтъ назадъ. Онъ не совѣтывалъ Мери и близко подходить къ окнамъ.

— Долго ли до грѣха, говорилъ онъ, провожая Мери: — еще чего добраго, что нибудь обвалится, да пришибетъ васъ, тогда всѣмъ бѣда будетъ.

Мери уѣхала домой, не успѣвъ удовлетворить своему любопытству.

Эти развалины служили богатою пищею ея воображенію. Она обратила этотъ домъ въ средневѣковой замокъ и населила его покинутыя комнаты всѣми героями своей фантазіи.

Онъ долженъ жить въ этихъ развалинахъ; но онъ вынужденъ скрываться отъ всѣхъ и только по ночамъ оставляетъ свое жилище. Придетъ время, онъ побѣдитъ своихъ враговъ, познакомится съ Мери и полновластной хозяйкой введетъ ее въ свой великолѣпно реставрированный замокъ.

Въ одинъ изъ пасмурныхъ августовскихъ дней, Мери, отобѣдавъ у Фрейгофа, который уже въ теченіи мѣсяца совсѣмъ не могъ выходить изъ дома, вернулась въ шестомъ часу домой, отправилась прямо въ свою комнату, сѣла у открытаго окна и задумалась.

Начинало темнѣть. Въ деревнѣ кое-гдѣ зажигались огни.

На свѣтлой полосѣ заката рѣзко отдѣлялись стѣны покинутаго дома.

Вдругъ въ его двухъ крайнихъ окнахъ показался свѣтъ.

Мери приписала это дѣйствію своего воображенія; но свѣтъ не исчезалъ.

Мери взяла бинокль. Ставни были открыты и сквозь окна ясно виднѣлась чья-то мужская ходившая по комнатѣ фигура. На столѣ кипѣлъ самоваръ; вокругъ лежали чемоданы. Высокій мужикъ стоялъ у двери и о чемъ-то говорилъ съ ходившимъ.

Часа черезъ два таинственный гость легъ спать, и свѣтъ въ окнѣ исчезъ.

На утро горничная Мери, Даша, разсказала ей, что вчера неожиданно пріѣхалъ Лопатинскій баринъ, отставной офицеръ и поселился пока въ одной изъ комнатъ стараго дома, который хочетъ отстроить заново.

— Ты видѣла его? спросила Маша.

— Видѣла-съ. Они съ нашего берега переѣзжали и про васъ разспрашивали. «Чья, молъ, это деревня, и кто здѣсь живетъ?

«Они холостые,» прибавила Даша и улыбнулась.

VI.

Сергѣй Петровичъ Лопатинъ принадлежалъ къ одной изъ старинныхъ дворянскихъ фамилій —ской губерніи.

Его отецъ, въ началѣ 20-хъ годовъ, пріѣхалъ молодымъ человѣкомъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ гвардію. Онъ имѣлъ большое состояніе, но вскорѣ, вслѣдствіи роскошной жизни, а въ особенности карточной игры, сильно разстроилъ свои дѣла. Чтобы привести въ порядокъ раззоренныя и заложенныя имѣнія, онъ взялъ годовой отпускъ и поселился въ своей богатой родовой усадьбѣ.

Тотчасъ-же по пріѣздѣ, онъ ревностно принялся за работу и занялся повѣркою прежнихъ отчетовъ по хозяйству; но вскорѣ скучная возня съ цифрами до того надоѣла Лопатину, что онъ, не добившись ни въ чемъ толка, свалилъ всю вину на главнаго управляющаго и назначилъ вмѣсто него какого-то остзейскаго нѣмца.

Нѣмецъ, одинъ изъ тѣхъ пройдохъ, которыми, вмѣстѣ съ кильками, въ такомъ изобиліи снабжаетъ насъ Остзейскій край, едва только пріѣхалъ въ усадьбу и разсмотрѣлъ планы, какъ тотчасъ же весьма краснорѣчиво объяснилъ Лопатину всѣ упущенія прежняго управленія. Онъ указалъ

на много новыхъ источниковъ дохода и обѣщалъ, менѣе чѣмъ въ годъ, привести все въ порядокъ и чуть-ли не удесятерить доходы.

Лопатинъ довѣрился вполнѣ ловкому нѣмцу. Совершивъ такую важную реформу въ управленіи, онъ совсѣмъ пересталъ заниматься хозяйствомъ и цѣлые дни проводилъ или на охотѣ или у сосѣдей.

Изъ числа ихъ, ближайшимъ былъ богатый помѣщикъ Говорскій. Говорскій, старый вдовецъ, всю свою жизнь провелъ въ деревнѣ, нигдѣ не служилъ и любилъ, какъ говорится, жить на распашку.

Онъ скоро сошелся съ Лопатинымъ и полюбилъ его какъ роднаго сына.

Говорскій былъ опекуномъ своей племянницы, богатой, еще въ младенчествѣ лишившейся родителей, сироты. Эта племянница кончила воспитаніе въ одномъ изъ московскихъ пансіоновъ и жила въ своемъ имѣніи, подъ надзоромъ тетки, старой дѣвы, страшной ханжи и любительницы всякой ниществующей братіи.

Говорскому не хотѣлось разстаться съ своимъ новымъ товарищемъ по кутежу. Онъ предложилъ Лопатину выйти въ отставку, поселиться въ деревнѣ и жениться на его племянницѣ, прибавивъ, что у послѣдней, кромѣ богатаго имѣнія, лежитъ въ банкѣ до 300-тъ тысячъ чистыми деньгами.

Лопатинъ познакомился съ Еленой Петровной, сдѣлалъ ей предложеніе, получилъ согласіе и въ тотъ-же мясоѣдъ отпраздновалъ свадьбу.

Когда подошелъ срокъ взятаго отпуска, Лопатинъ взялъ у своей жены законную довѣренность на полученіе изъ банка денегъ и уѣхалъ въ Петербургъ.

Онъ обѣщалъ женѣ, тотчасъ же по пріѣздѣ, взять отставку и вернуться въ деревню. Но, получивъ такую огромную сумму, онъ забылъ о своемъ обѣщаніи, остался служить и закутилъ.

Такъ продолжалось около года. Вдругъ, вслѣдствіи одной скандальной исторіи, Лопатину велѣно было выйти въ отставку и выѣхать изъ столицы. Онъ поневолѣ возратился въ деревню и зажилъ на холостую ногу.

Съ женою онъ видѣлся рѣдко. Ея кроткая, болѣзненная натура не могла сойтись съ буйной, разгульной натурой Лопатина. Она боялась его, вѣчно молчала и никогда ни въ чемъ не противорѣчила своему мужу.

Она жила вмѣстѣ съ теткой въ верхнемъ этажѣ и проводила дни въ бесѣдѣ съ странниками, монахами или вышивала пелены, воздухи, ризы и ѣздила по обѣщанію въ окрестныя церкви и монастыри.

Лопатинъ не стѣснялъ своей жены въ ея привычкахъ; но за то не стѣснялся и самъ. Онъ подобралъ подходящую компанію, пьянствовалъ съ нею, выѣзжалъ на охоту и цѣлыя ночи проводилъ за картами. Онъ любилъ азартныя игры, хотя постоянно игралъ несчастливо и проигрывалъ порядочныя суммы.

Онъ составилъ обширный гаремъ изъ своихъ крѣпостныхъ красавицъ и предавался разврату со всею пылкостью праздnаго воображенія и необузданнаго своевольства.

Съ женою онъ не жилъ, и когда разъ, старая тетка рѣшилась напомнить ему о неприличіи его поведенія, онъ коротко отвѣчалъ, что если она вздумаетъ, еще когда нибудь, заикнуться объ этомъ, то онъ прикажетъ выгнать ее изъ дома.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Остзейскій нѣмецъ обворовывалъ Лопатина кругомъ, но за то былъ мастеръ всегда и во всякое время достать денегъ.

Разъ, возвращаясь зимой съ одной изъ обычныхъ, охотничьихъ попоекъ, Лопатинъ простудился и заболѣлъ сильнѣйшей горячкой.

Тутъ то вполнѣ выказалась любящая натура его жены. Она поселилась въ комнатѣ мужа и ни на минуту не оставляла больнаго. Она терпѣливо переносила всѣ вспышки и капризы Лопатина, исполняла его малѣйшія прихоти и своею кроткою настойчивостью, заставляла его исполнять предписанія доктора.

Долго боролась натура Лопатина со смертью; наконецъ, врожденное здоровье, вмѣстѣ съ заботами жены, взяли верхъ. Больной медленно поправлялся и былъ уже внѣ всякой опасности.

Послѣ болѣзни, Лопатинъ сильно измѣнился. Онъ понялъ и оцѣнилъ любовь къ нему жены, бросилъ прежнюю жизнь,

разогналъ свой гаремъ и сошелся съ женою къ общему удовольствію всѣхъ, кромѣ многочисленной дворни, видѣвшей въ перемѣнѣ жизни барина конецъ своимъ краснымъ днямъ.

Еще болѣе привязался Лопатинъ къ женѣ, когда она обрадовала его надеждой сдѣлаться отцомъ. Онъ ухаживалъ за нею, какъ за ребенкомъ и съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ ожидалъ развязки.

Наконецъ, приспѣло время.

Роды были трудны. Елена Петровна болѣзненно стонала въ своей спальнѣ, а Лопатинъ бѣгалъ въ сосѣдней комнатѣ, какъ сумасшедшій, падалъ на колѣни передъ образами, и клялся построить чуть ли не сотню церквей, если роды будутъ благополучны. Всю ночь промучилась Елена Петровна и только къ утру разрѣшилась отъ бремени сыномъ, названнымъ въ честь дѣда Сергѣемъ.

Но не долго пришлось радоваться Лопатину, сидя у кровати больной жены и укачивая малютку сына. Елена Петровна не вынесла послѣдствій родовъ и умерла.

Отчаянью Лопатина не было предѣла. Онъ рыдалъ, какъ безумный, бился головою о гробъ, рвалъ на себѣ волосы; а когда усопшую принесли на кладбище, приказалъ зарыть себя вмѣстѣ съ женою и бросился въ приготовленную могилу.

Его вытащили оттуда и безчувственнаго унесли домой.

Два дня провелъ Лопатинъ безвыходно въ комнатѣ жены, почти не касаясь пищи, на третій, приказалъ готовиться къ охотѣ, и въ туже ночь выѣхалъ самъ на облаву.

Съ той ночи Лопатинъ закутилъ пуще прежняго.

Снова начались мертвыя попойки; завелась картежная игра и набранъ былъ новый, вдвое обширнѣе прежняго гаремъ. Лопатинъ гулялъ и своимъ бѣшеннымъ разгуломъ наводилъ страхъ на весь уѣздъ.

Только этотъ разгулъ былъ не натураленъ. Лопатинъ кутилъ не отъ праздности; во всѣхъ его дѣйствіяхъ было замѣтно желаніе забыть гнетущее горе, избавиться отъ какого-то тяжелаго воспоминанія и утопить въ винѣ разсудокъ и память. Лопатинъ всегда былъ мраченъ; дворовые боялись его хуже смерти, а изъ сосѣдей, никто не рѣшался отказывать его просьбамъ и желаніямъ.

На сына Лопатинъ не обращалъ ни какого вниманія. Онъ не любилъ его, какъ причину смерти жены и предоставилъ заботиться о немъ старухѣ теткѣ.

Маленькій Сережа росъ подъ надзоромъ старой ханжи, любившей ребенка какъ сына, и исполнявшей безпрекословно всѣ его прихоти.

Когда мальчикъ подросъ, отецъ приказалъ приводить его къ себѣ и ребенокъ, часто цѣлые вечера, просиживалъ въ кабинетѣ отца, наблюдая за переходами счастья въ азартной игрѣ.

Если Лопатину не везло, онъ приказывалъ сыну выбирать на счастье карту, а чтобы ребенокъ не заснулъ, позволялъ ему самому ставить гривенники и пятачки.

Сережѣ нравилось подобное препровожденіе времени; онъ былъ доволенъ когда выигрывалъ и сердился при несчастьи.

Никто не рѣшался напомнить Лопатину о томъ, какъ вредно пріучать ребенка къ игрѣ; а самъ Лопатинъ смѣялся и шутилъ при видѣ разгорѣвшихся отъ волненія щекъ ребенка или удивлялся его смѣтливости при расчетахъ.

Сережѣ минуло 10-ть лѣтъ.

Сельскій священникъ научилъ его читать, писать и 4-мъ правиламъ ариѳметики; о его дальнѣйшемъ воспитаніи отцу не приходило въ голову подумать.

Подумалъ о немъ случай.

Двоюродный братъ и старый сослуживецъ Лопатина былъ назначенъ директоромъ однаго изъ кадетскихъ корпусовъ.

Узнавъ о печальномъ положеніи своего племянника, онъ предложилъ Лопатину опредѣлить сына своекоштнымъ пансіонеромъ въ корпусъ.

Лопатинъ съ удовольствіемъ согласился, и въ тотъ-же мѣсяцъ отправилъ сына, подъ надзоромъ остзейскаго нѣмца, ѣхавшаго въ Петербургъ для заклада послѣдняго имѣнія своего патрона.

Маленькій Сережа разстался съ деревней безъ особеннаго сожалѣнія. Онъ не былъ привязанъ къ отцу и не любилъ тетку, какъ вообще дѣти не любятъ тѣхъ, кто ихъ безъ толка балуетъ.

Его дѣтскому самолюбію казался заманчивымъ военный костюмъ и онъ сожалѣлъ только о томъ, что ему нельзя бу-

детъ выигрывать хорошенькихъ гривенниковъ и пятачковъ.

Дорогой онъ спрашивалъ остзейскаго нѣмца, играютъ ли въ корпусѣ въ карты. Нѣмецъ отвѣчалъ, что хотя въ корпусѣ и не позволяютъ играть, но за то, по выходѣ въ офицеры, онъ можетъ играть съ кѣмъ захочетъ и выигрывать не только гривенники и пятачки, но даже рубли и сотни рублей.

Дядя принялъ племянника ласково, оставилъ его на нѣсколько дней у себя, проэкзаменовалъ и, увидя ограниченность его познаній, опредѣлилъ въ самый младшій классъ.

Сережѣ, привыкшему къ одинокой домашней жизни, не понравилась шумная жизнь кадетъ. Онъ дичился товарищей, избѣгалъ разговоровъ, но въ первой же дракѣ выказалъ себя молодцомъ, заслужилъ одобреніе, похвалы, пріобрѣлъ друзей и вскорѣ свыкся съ однообразною, хотя и не лишенною интереса кадетскою жизнью.

Сережа учился посредственно, никогда не былъ изъ первыхъ, не былъ и послѣднимъ. Велъ онъ себя хорошо, ни въ чемъ особенно дурномъ замѣченъ не былъ; но всегда готовъ былъ защищать слабаго и, по принятому обычаю, враждебно относился къ начальству.

Его смущало родство съ директоромъ, на которое съ недовѣріемъ смотрѣли кадеты и онъ былъ весьма радъ, когда на мѣсто его дяди назначили другого генерала.

Старуха тетка, вскорѣ послѣ отѣзда Сережи, поступила въ женскій монастырь.

За два года до выпуска Сережа получилъ письмо съ извѣстіемъ о смерти отца.

Эта смерть не произвела на Сережу особеннаго впечатлѣнія. Какъ мы уже сказали, онъ никогда не былъ особенно привязанъ къ своему отцу, а шесть лѣтъ кадетской жизни успѣли изгладить много воспоминаній минувшаго дѣтства.

Лопатинъ умеръ скоропостижно отъ удара.

Послѣ его смерти, всѣ дѣла по управленію имѣніями, оказались сильно запутанными.

Опекуны, для уплаты долговъ покойнаго, принуждены были продать большую часть деревень, половину которыхъ скупилъ остзейскій нѣмецъ, превратившійся изъ бывшаго управляющаго въ богатаго помѣщика.

Изъ двухъ тысячъ крестьянъ молодому Лопатину осталось около 400-тъ незаложенныхъ душъ, да усадьба съ остатками вещей, которыхъ, послѣ внезапной смерти покойнаго, не успѣла разворовать дворовая челядь.

Незамѣтно тянулась корпусная жизнь. Годъ проходилъ за годомъ и наконецъ Лопатинъ былъ выпущенъ въ офицеры въ одинъ изъ армейскихъ гусарскихъ полковъ.

Онъ взялъ отпускъ, уѣхалъ въ свою родовую усадьбу, выбралъ, по совѣту опекуновъ, управляющаго надъ своими имѣніями, и обобравъ изъ дома всѣ вещи, которыя могли пригодиться ему въ офицерской жизни, явился въ полкъ.

Лопатинъ пристрастился къ службѣ, не кутилъ, но портилъ себѣ жизнь картежною игрою. Страсть къ игрѣ, возбужденная еще въ дѣтствѣ, пробудилась въ немъ съ новою силою.

Нашлись люди, которые пользовались этой страстью, и обыгрывали молодаго офицера на вѣрняка.

Лопатинъ не любилъ женскаго общества, не знакомился ни съ кѣмъ изъ женатыхъ, но за то готовъ былъ цѣлыя ночи проводить за картами.

Онъ сердился, выходилъ изъ себя, проигрывалъ, понималъ, что дѣлаетъ глупость и все таки продолжалъ играть.

Эгоистъ отъ природы, онъ не увлекался чувствами, столь сродными его лѣтамъ, и только одни впечатлѣнія игры волновали его холодную натуру.

Страсть къ игрѣ овладѣла имъ безраздѣльно и убила въ немъ всякое другое чувство.

Много разъ командиръ полка призывалъ Лопатина къ себѣ, уговаривалъ его бросить игру; убѣждалъ, что подобная страсть доведетъ его до печальнаго конца, указывалъ фактами на жалкія послѣдствія жизни игроковъ, — Лопатинъ, молча, выслушивалъ командира, соглашался со всѣмъ, давалъ слово бросить игру, и въ тотъ же вечеръ отправлялся играть.

Отказать себѣ въ этомъ онъ не имѣлъ воли.

Онъ не умѣлъ довольствоваться малымъ, желалъ отыграться сразу и запутывался все болѣе и болѣе.

Онъ сдѣлался раздражителенъ, желченъ и не справедливъ.

Онъ жаловался на судьбу и сердился, когда ему замѣчали, что онъ не умѣетъ пользоваться счастіемъ и никогда не можетъ выиграть.

Товарищи жалѣли его. Они пробовали удерживать его отъ игры, но, встрѣтивъ упорное упрямство, отказались отъ своего намѣренія и предоставили его судьбѣ.

Лопатинъ продолжалъ играть, и сдѣлался игрокомъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Наконецъ, онъ опомнился. Крестьянская реформа раскрыла ему глаза.

Онъ понялъ, что оставаясь въ полку, не поправитъ своихъ дѣлъ. Онъ вышелъ въ отставку, продалъ большую часть своихъ имѣній, расплатился съ долгами и уѣхалъ на Волгу, въ послѣднюю, оставшуюся у него деревню.

VII.

Помѣстившись пока въ полуразвалившемся домѣ, Лопатинъ ревностно принялся за хозяйство.

Пора была лѣтняя. Лопатинъ вставалъ съ восходомъ солнца, отправлялся въ поле, присматривался къ работѣ, наблюдалъ за покосами, и даже самъ учился косить.

Но жаркое іюльское солнце сильно припекало непривычнаго работника; онъ скоро уставалъ, закуривалъ сигару, ложился на душистую, только что скошенную траву и засыпалъ.

По вечерамъ, Лопатинъ рѣшительно не зналъ что дѣлать. Онъ пробовалъ ложиться ранѣе спать, но привыкнувъ, въ качествѣ игрока обращать ночь въ день, не могъ уснуть и долго ворочался въ постели, проклиная глупую деревенскую жизнь.

Иногда онъ отправлялся гулять по деревнѣ или ходилъ по комнатѣ, насвистывая свой любимый полковой маршъ.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ Лопатинъ велѣлъ позвать старосту, разспросилъ его о ближайшихъ сосѣдяхъ и рѣшился познакомиться съ нѣкоторыми изъ нихъ.

Въ первое-же Воскресенье онъ поѣхалъ съ визитомъ къ Тарскимъ.

Анна Ивановна приняла его ласково. Мери не было дома; она уѣхала къ Фрейгофу. Разговоръ по обыкновенію зашелъ о хозяйствѣ.

Мери, вернувшись отъ Богдана Ивановича, вошла въ комнату въ шляпкѣ съ хлыстикомъ въ рукахъ и сконфузилась, увидя незнакомаго гостя.

Анна Ивановна представила Лопатину дочь.

Посидѣвъ немного, Лопатинъ хотѣлъ уѣхать, но Анна Ивановна пригласила его остаться обѣдать.

Лопатинъ согласился и провелъ у Тарскихъ цѣлый день.

Онъ былъ въ духѣ, шутилъ, разсказывалъ анекдоты, смѣшилъ старуху и вообще произвелъ на нее выгодное для себя впечатлѣніе.

При прощаньи Анна Ивановна просила гостя бывать у нихъ безъ церемоніи, когда вздумается и прибавила, что всегда рада будетъ видѣть новаго сосѣда.

Въ этотъ день, когда Мери, передъ уходомъ на верхъ, по обыкновенію подошла къ матери проститься, Тарская какъ-то особенно пристально посмотрѣла ей въ глаза и улыбнулась.

«Чѣмъ не пара,» подумала она, благословляя дочь.

Черезъ нѣсколько дней Лопатинъ снова посѣтилъ Тарскихъ и вскорѣ началъ бывать у нихъ почти каждый день.

Анна Ивановна нисколько не стѣснялась его присутствіемъ и всегда радушно принимала молодаго сосѣда.

Лопатинъ давалъ ей подробный отчетъ о своихъ распоряженіяхъ по хозяйству; Тарская дѣлала свои замѣчанія и ея, основанные на долголѣтней практикѣ, совѣты приносили большую пользу неопытному помѣщику.

Анна Ивановна очень любила играть въ дурачки. Цѣлые вечера проводила она съ Лопатинымъ за этой игрой и не шутя сердилась, если оставалась нѣсколько разъ подъ рядъ. Лопатинъ предлагалъ ей отыграться. Послѣ долгихъ просьбъ, старуха соглашалась, проигрывала снова, горячилась, дѣлала неправильные ходы и окончательно выходила изъ себя, когда Лопатинъ, подсмѣиваясь, возвращалъ ей карты и увѣрялъ, что она не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ игрѣ.

Впрочемъ гнѣвъ старушки скоро проходилъ и она, при прощаньи, провожала Лопатина обычной фразой: «приходи-

те-ка къ намъ завтра пораньше,» или «приходите, Сергѣй Петровичъ, завтра откушать, я велю испечь вашъ любимый пирогъ съ морковью.»

Въ постные дни Анна Ивановна считала за грѣхъ играть въ карты, и тогда Лопатинъ потѣшалъ ее различными анекдотами или разсказывалъ о своемъ прошедшемъ, о своихъ похожденіяхъ, о своемъ дѣтствѣ въ домѣ отца.

Мери или сидѣла вмѣстѣ съ матерью, или уходила въ свою комнату на-верхъ.

Лопатинъ былъ отличный кавалеристъ.

При выходѣ въ отставку, онъ не хотѣлъ разстаться съ своими двумя верховыми лошадьми и переслалъ ихъ въ деревню.

Эти лошади постоянно стояли на конюшнѣ Тарскихъ и всегда были готовы къ услугамъ Мери.

Мери была очень довольна подобной любезностью и рѣдкій день не каталась верхомъ.

Послѣ обѣда, незадолго до захожденія солнца, когда спадалъ томительный дневной зной, Мери уѣзжала вмѣстѣ съ Лопатинымъ и только ночная сырость, да темнота принуждали ихъ возвращаться домой.

Часто заѣзжали они къ Фрейгофу, которому Мери представила новаго сосѣда и проводили у старика цѣлый вечеръ.

Богданъ Ивановичъ всегда ласково принималъ у себя гостей, но какъ-то недовѣрчиво смотрѣлъ на новаго знакомаго.

Мысль о возможности брака Лопатина съ Мери явилась у Фрейгофа послѣ перваго же знакомства съ молодымъ человѣкомъ.

Въ разговорахъ съ Лопатинымъ, Богданъ Ивановичъ часто задавалъ ему различные вопросы и вообще старался вывѣдать мнѣніе послѣдняго о супружествѣ, его взглядъ на женщину и понятіе о томъ чувствѣ, которое считалъ необходимымъ для жизни.

Отвѣты Лопатина не нравились старику. Въ ихъ вѣжливыхъ, но сухихъ формахъ онъ съумѣлъ подмѣтить холодную, эгоистичную натуру отставнаго игрока и зорко слѣдилъ за его отношеніями къ Мери.

Узнавъ изъ разсказовъ Лопатина о его прошедшемъ, Богданъ Ивановичъ еще болѣе убѣдился въ своихъ предположеніяхъ, но считалъ преждевременнымъ говорить о нихъ Мери.

Онъ былъ увѣренъ, что, въ случаѣ предложенія, Мери придетъ за совѣтомъ къ своему старому учителю. «Тогда,» думалъ онъ, «я выскажу свое мнѣніе объ этомъ господинѣ и удержу ее отъ согласія на бракъ.»

Въ тихую, ясную погоду Лопатинъ катался иногда съ Мери и Анной Ивановной на лодкѣ и приглашалъ ихъ пить чай къ себѣ.

Старуха бранила сосѣда за безпорядокъ въ домѣ и совѣтовала ему не медлить, а скорѣе приступить къ передѣлкѣ, чтобы окончить работы къ началу зимы.

Лопатинъ отвѣчалъ, что поправитъ домъ только въ случаѣ своей женидьбы, а пока считаетъ вполнѣ достаточнымъ для себя и одной комнаты. При этомъ онъ, шутя, просилъ Тарскую посватать ему невѣсту.

Анна Ивановна называла ему нѣсколько сосѣднихъ семействъ, но сватать отказывалась, потому что ни съ кѣмъ изъ нихъ не была хорошо знакома.

Дворня Тарскихъ уже считала Лопатина женихомъ Мери и ожидала скорой свадьбы.

Разъ, даже горничная Даша намекнула объ этомъ своей барышнѣ, но, не получивъ отвѣта, не рѣшилась болѣе упоминать объ этомъ предметѣ.

Лопатинъ не безъ цѣли бывалъ такъ часто у Тарскихъ.

Ему нравилась Мери своею свѣжестью и красотою, и онъ, какъ практическій человѣкъ, считавшій ближайшее знакомство и взаимность чувства пустыми словами, рѣшился сдѣлать ей предложеніе.

Правда, Мери была небогата; но за то была неизбалована, прилично воспитана и въ добавокъ красавица. А физическую красоту Лопатинъ считалъ главнымъ, и чуть ли не единственнымъ достоинствомъ женщины.

Въ Воскресенье, въ половинѣ августа, онъ, по обыкновенію, обѣдалъ у Тарскихъ.

Послѣ обѣда Мери ушла въ садъ. Лопатинъ воспользовавшись удобной минутой, объявилъ Аннѣ Ивановнѣ, что задумалъ жениться и проситъ руки ея дочери.

Анна Ивановна, давно уже смотрѣвшая на Лопатина, какъ на своего будущаго зятя, нисколько не была удивлена подобнымъ предложеніемъ.

Она отвѣчала благодарностью за сдѣланную ея дочери честь и согласіемъ, съ своей стороны, на этотъ бракъ.

Получивъ согласіе Тарской, Лопатинъ рѣшился покончить дѣло разомъ и пошелъ отыскивать Мери.

Мери сидѣла на своей любимой скамейкѣ и читала.

Увидя Лопатина, она отложила книгу въ сторону и думая, что онъ хочетъ предложить ей прогулку верхомъ, приподнялась съ мѣста.

Лопатинъ подошелъ къ Мери и обратился къ ней съ слѣдующими словами: «Марья Александровна, позвольте попросить васъ выслушать меня и отвѣчать на мою первую просьбу.»

Серьезный тонъ, съ какимъ была сказана эта фраза, удивилъ Мери. Она взглянула на Лопатина, замѣтила его встревоженное лицо, сконфузилась и сѣла. Лопатинъ сѣлъ возлѣ нея.

Въ короткихъ словахъ сдѣлалъ онъ ей предложеніе, объявилъ о согласіи Анны Ивановны и просилъ отвѣта.

Мери молчала. Она сидѣла опустивъ голову и безсознательно вертѣла книгу въ рукахъ.

Лопатинъ ждалъ.

Прошло нѣсколько секундъ тяжелаго, неловкаго молчанія.

— Впрочемъ, прибавилъ Лопатинъ,—я знаю, какъ трудно вамъ рѣшиться на такой важный шагъ въ вашей жизни: обдумайте хорошенько мою просьбу, посовѣтуйтесь съ матушкой. Я пріѣду во вторникъ и тогда, надѣюсь, что вы удостоите меня вашимъ отвѣтомъ.

Лопатинъ всталъ, раскланялся съ Мери и ушелъ.

Мери осталась одна. Неожиданность слышаннаго поразила ее. Долго сидѣла она, не поднимая глазъ, и какія-то безсвязныя мысли бродили въ ея головѣ.

Желтый листокъ сорвался съ дерева, закружился и упалъ на ея колѣни. Мери взяла листокъ и безсознательно разорвала его на мелкіе кусочки. Вѣтеръ подхватилъ ихъ и погналъ къ рѣкѣ.

Мери стала слѣдить за ними.

Когда послѣдній изъ нихъ скрылся изъ глазъ, она встала, пошла въ конюшню, велѣла осѣдлать лошадь и поѣхала къ Фрейгофу.

Богдана Ивановича третій день мучилъ сильнѣйшій ревматизмъ. Когда Мери вошла въ комнату старика, онъ лежалъ въ постели. Малѣйшее движеніе причиняло ему нестерпимую боль.

Мери тихо подошла къ кровати больнаго, сѣла возлѣ, объявила своему старому другу о предложеніи, сдѣланномъ ей Лопатинымъ, и попросила совѣта.

— Негодится! отвѣчалъ Фрейгофъ, покачавъ головою.

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, приподнялся,—но застоналъ отъ боли и, снова опустившись на подушку, закрылъ глаза.

Мери подождала немного, но замѣтивъ, что ея присутствіе только усиливаетъ страданія старика, тихо вышла изъ комнаты и уѣхала домой.

Анна Ивановна сидѣла въ своей спальнѣ. Мери прошла къ ней и сѣла возлѣ.

Она не рѣшалась заговорить о предложеніи Лопатина и ждала, чтобы мать сама завела объ этомъ разговоръ.

— Видѣла ты Сергѣя Петровича? спросила ее Тарская.

Мери отвѣчала утвердительно и объявила матери о сдѣланномъ Лопатинымъ предложеніи.

— Чтожъ, это дѣло хорошее, отвѣчала Тарская,—Сергѣй Петровичъ человѣкъ, хотя и молодой, но почтительный, не ферлакуръ какой-нибудь и видно, что будетъ хорошимъ мужемъ. Я, признаться сказать, давно ожидала его предложенія и очень рада, что это случилось такъ скоро.

— Но я его совсѣмъ не знаю, перебила Мери.

— Какъ же тебѣ его еще знать нужно. Мало, что ли ты его видѣла. А видѣла, такъ чего тебѣ еще надо. Коли я говорю, что Сергѣй Петровичъ хорошій человѣкъ, значитъ, это такъ и есть; я тебя обманывать не буду Я тебѣ мать и дурнаго не пожелаю. Сергѣй Петровичъ человѣкъ солидный, многое испыталъ въ жизни и съумѣетъ сберечь копѣйку. Ты уже на возрастѣ. Въ нашей сторонѣ женихи рѣдки. Упустишь этого, да засидишься въ дѣвкахъ,—тогда что будетъ? Я человѣкъ старый и желала бы при-

строить тебя при своей жизни. Заживете своимъ домкомъ и я порадуюсь, глядя на ваше счастье. Погляжу на внучатъ, а тамъ пора и на покой. Умру съ спокойной совѣстью, что пристроила дѣтей и сберегла имъ кусокъ хлѣба на черный день.

Грубые совѣты матери оскорбили деликатную натуру Мери.

— Сергѣй Петровичъ хотѣлъ пріѣхать за отвѣтомъ во вторникъ, отвѣчала она:—я еще успѣю подумать.

— Какъ знаешь, прибавила Анна Ивановна.—А по моему, тутъ и думать нечего; благо подвернулся хорошій человѣкъ.

Мери ушла къ себѣ наверхъ и сѣла у открытаго окна. Хотя Лопатинъ былъ далекъ отъ того идеала, которымъ воображала себѣ Мери владѣльца полуразвалившагося дома; но все-таки, онъ успѣлъ заинтересовать немного молодую дѣвушку.

Лопатинъ былъ недуренъ собою, а блѣдный цвѣтъ лица придавалъ его длинной, худощавой фигурѣ поэтичное выраженіе.

Мери слышала разсказы Лопатина о его бурномъ прошедшемъ, въ которыхъ онъ, конечно, всегда выставлялъ себя съ лучшей стороны. Она считала его жертвой дурныхъ людей и хотѣла вознаградить его своею любовью, за горе прошлаго.

«Онъ былъ такъ несчастенъ, такъ много испыталъ въ жизни» думала Мери, «онъ будетъ любить меня».

Ее смущало только слово старика Фрейгофа:—«не годится».

«Не годится!... Почему-же?»

Мери рѣшилась на другое же утро, снова заѣхать къ Богдану Ивановичу, и попросить объясненія его загадочнаго слова.

Но объясненія не послѣдовало.

Часу въ десятомъ утра прискакалъ отъ княжескаго управляющаго верховой съ извѣстіемъ, что Фрейгофъ умираетъ.

Мери вскочила съ постели, велѣла тотчасъ-же сѣдлать лошадь и во всю прыть помчалась къ Фрейгофу.

Богдана Ивановича въ ночь разбилъ параличъ. Онъ лишился языка, и только легкое дыханіе доказывало присутствіе жизни въ этомъ неподвижно лежавшемъ тѣлѣ.

Фельдшеръ княжеской больницы объявилъ, что всякая помощь напрасна.

Мери цѣлый день провела у постели умирающаго.

Богданъ Ивановичъ ни на минуту не приходилъ въ сознаніе. Къ вечеру онъ умеръ, не успѣвъ досказать своей завѣтной мысли, о которой думалъ всю послѣднюю ночь своей жизни и окончаніе которой унесъ съ собою въ могилу.

Эта смерть сильно подѣйствовала на Мери. Въ первый разъ пришлось ей испытать невозвратимую потерю человѣка, котораго она любила болѣе, нежели своего роднаго отца.

Лопатинъ, узнавъ о смерти Фрейгофа, тотчасъ же пріѣхалъ въ павильонъ, уговорилъ Мери вернуться домой и принялъ на себя всѣ заботы о похоронахъ старика.

На третье утро садовники вынесли гробъ съ прахомъ Богдана Ивановича и безъ всякихъ обрядовъ зарыли его на окраинѣ кладбища.

Только полусгнившій деревянный крестъ указываетъ нынѣ мѣсто, на которомъ погребенъ человѣкъ, достойный полнаго уваженія и лучшей участи.

Мери чувствовала себя нездоровою. Она боялась оставаться одной и спала на большой брачной кровати, вмѣстѣ съ матерью.

Каждое утро ѣздила она на могилу Фрейгофа и часто встрѣчала тамъ Лопатина, который, изъ угожденія къ Мери, приказалъ обсадить цвѣтами могилу старика.

Лопатинъ во все это время ни разу не напоминалъ Мери о своемъ предложеніи.

Въ концѣ второй недѣли, послѣ похоронъ, онъ предложилъ Мери, для разсѣянія, покататься верхомъ и во время прогулки попросилъ у нея отвѣта.

Участіе Лопатина въ похоронахъ Фрейгофа и его вниманіе къ Мери, въ послѣдніе дни, разсѣяли въ молодой дѣвушкѣ всѣ сомнѣнія, порожденныя послѣднимъ словомъ втораго отца.

Потерявъ единственнаго человѣка, къ которому была привязана съ дѣтства, Мери рѣшилась ввѣрить свою судьбу Лопатину и отвѣчала согласіемъ на повторенный вопросъ.

Лопатинъ взялъ руку молодой дѣвушки и почтительно поцѣловалъ.

Они тотчасъ же вернулись домой.

Лопатинъ взялъ Мери за руку, вошелъ вмѣстѣ съ нею къ Аннѣ Ивановнѣ и попросилъ Тарскую благословить ихъ.

Анна Ивановна вынула изъ кіота образъ, которымъ когда-то благословила ее тетка послѣ вѣнца, благословила молодыхъ и расплакалась, какъ того требовалъ обычай.

Тотчасъ же вся деревня узнала о помолвкѣ, и дворовые пришли поздравить молодую барышню съ женихомъ.

Къ обѣду Анна Ивановна велѣла раскупорить завѣтную бутылочку наливки, хранившуюся со дня рожденія Мери и поздравила жениха съ невѣстой, пожелавъ имъ всего лучшаго.

Лопатинъ на другой же день приступилъ къ перестройкѣ дома. Онъ желалъ, по возможности, скорѣе сыграть свадьбу.

За Анной Ивановной остановки не было.

Приданое для Мери давно уже было приготовлено; Тарской оставалось только пересмотрѣть его и кое чѣмъ дополнить.

Лопатинъ цѣлые дни слѣдилъ за передѣлкой, торопилъ рабочихъ и былъ такъ занятъ, что видѣлся съ Мери рѣже, чѣмъ прежде.

Правда, онъ совѣтовался съ нею на счетъ передѣлки и убранства комнатъ, былъ къ ней очень внимателенъ; но вообще, какъ-то мало походилъ на жениха и избѣгалъ пустыхъ, по его мнѣнію, разговоровъ.

Одинъ изъ его сосѣдей, богатый помѣщикъ, продавалъ свою усадьбу.

Лопатинъ купилъ у него, за ничтожную цѣну, всю мебель, въ томъ числѣ и отличный рояль, фабрики Беккера, только годъ назадъ привезенный изъ Петербурга.

Рояль этотъ поставили пока въ домѣ Тарскихъ и Мери была весьма довольна подобной внимательностью со стороны своего жениха.

Передѣлка быстро подвигалась къ концу.

Лопатину понадобилось съѣздить въ губернскій городъ для закупки нѣкоторыхъ необходимыхъ для свадьбы вещей. Анна Ивановна снабдила его письмомъ къ своей старин-

ной подругѣ, съ приложеніемъ длиннаго списка закупокъ для невѣсты.

Въ письмѣ она приглашала подругу вмѣстѣ съ ея мужемъ и двумя сыновьями на свадьбу дочери. Сыновьямъ предлагалось быть шаферами невѣсты.

Лопатинъ скоро вернулся назадъ и привезъ съ собою приглашенныхъ.

Самъ онъ, кромѣ Тарскихъ, не успѣлъ еще ни съ кѣмъ познакомиться.

Онъ съѣздилъ къ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ и пригласилъ одну супружескую пару принять на себя почетную обязанность посаженныхъ родителей. Два холостыхъ помѣщика охотно согласились быть его шаферами.

Въ концѣ октября отдѣлка дома была окончена на столько, что въ немъ удобно можно было провести зиму.

Лопатинъ отложилъ дальнѣйшія работы до весны, и назначилъ свадьбу въ слѣдующее воскресенье.

Наканунѣ, по заведенному обычаю, Мери отправилась съ женихомъ на могилу отца, причемъ зашла также поклониться и праху старика Фрейгофа.

Дулъ холодный осенній вѣтеръ. Желтая, прохваченная морозомъ трава, склонялась къ землѣ и обнажала побѣлѣвшій мѣстами грунтъ. Черный крестъ одиноко стоялъ на могилѣ; его омытая дождями верхушка покоробилась и треснула посреди.

Мери стало грустно при мысли, что ея старый, усопшій другъ не будетъ присутствовать на свадьбѣ и не благословитъ ее на новый, непзвѣстный ей путь. Она склонилась къ подножію креста и просила своего единственнаго друга помолиться за нее въ томъ лучшемъ мірѣ, куда призвала покойнаго воля всемогущаго Творца.

Въ Воскресенье, послѣ обѣдни, обвѣнчали Мери съ Лопатинымъ, въ княжеской церкви. Приглашенныхъ, кромѣ участвовавшихъ въ церемоніи, не было никого.

Изъ церкви молодые отправились прямо къ себѣ, во вновь отдѣланный домъ. На берегу ждала ихъ небольшая разукрашенная флагами лодка, на которой молодые и переѣхали Волгу. Шафера исполняли обязанность гребцовъ, Лопатинъ сидѣлъ на кормѣ и управлялъ лодкой.

Анна Ивановна уѣхала ранѣе, чтобы встрѣтить съ хлѣбомъ-солью молодыхъ.

На третій день уѣхала подруга Анны Ивановны съ своимъ семействомъ, и возмущенная свадьбой деревенская жизнь снова потянулась своей обычной пошлой колеей.

VIII.

Для Мери время тянулось однообразно и грустно. Утромъ она занималась хозяйствомъ, по вечерамъ или читала, или играла на роялѣ.

Ея мечты о счастіи брачной жизни разсѣялись какъ дымъ.

Эти мечты, плодъ одиночества и безъ разбора прочитанныхъ книгъ, были такъ рѣзко противоположны съ ея настоящимъ, что Мери не могла остановиться ни на чемъ, что̀ бы хотя немного примирило ея съ дѣйствительностью.

Она отрѣшилась отъ многаго, что сложилось въ ея головкѣ подъ вліяніемъ писателей и поэтовъ; но отринуть то, чего такъ жадно желала ея душа, сознать ложнымъ то чувство, которое такъ сильно заставляло биться ея сердце, Мери не хотѣла, да и не могла.

Это завѣтное, такъ часто смущавшее молодую дѣвушку чувство не удовлетворялось дѣйствительностью, не имѣло исхода и еще сильнѣе тревожило Мери.

Она надѣялась, ждала..... Но послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ супружества въ ней не родилось даже чувства довѣрія къ мужу.

Лопатинъ обращался съ Мери также, какъ и до свадьбы, но сталъ еще менѣе внимателенъ къ ней и нисколько не стѣснялся передъ женой въ своихъ домашнихъ привычкахъ.

Его разговоры касались только предметовъ самыхъ обыденныхъ, предметовъ дѣйствительнаго, окружавшаго ихъ, міра.

Лопатинъ не сознавалъ, какое важное значеніе имѣетъ для молодой женщины нѣжная, подъ часъ даже дѣтская ласка мужа. Его грубая, развитая подъ уродливымъ вліяніемъ кадетской жизни натура не понимала внутренняго, духовнаго развитія женщины и смотрѣла на всѣхъ съ холодной, сухой стороны эгоизма.

Любимымъ и почти единственнымъ развлеченіемъ Мери была музыка. Подаренныя ей покойнымъ Фрейгофомъ ноты вполнѣ удовлетворяли строгому музыкальному вкусу молодой женщины, и только въ вдохновенныхъ мелодіяхъ геніальныхъ германскихъ композиторовъ находила она поддержку въ разладѣ между дѣйствительностью и ея тайною, внутреннею жизнью.

Разъ Мери играла одну изъ лучшихъ сонатъ Бетховена. Лопатинъ ходилъ по залѣ и курилъ.

Мери играла съ большимъ одушевленіемъ и была увѣрена, что подобная игра должна произвести впечатлѣніе на мужа.

Она кончила играть; она ожидала одобренія, похвалы..... Лопатинъ продолжалъ ходить и молчалъ.

— Неправда-ли, какъ хороша эта соната? спросила Мери.

— Я, матушка, въ эт ихъ нѣмцахъ ни черта не понимаю, отвѣчалъ равнодушно Лопатинъ и засвисталъ свой любимый полковой маршъ.—Да не пора ли напиться чаю, прибавилъ онъ посматривая на часы:—скоро восемь.

Мери грустно улыбнулась, встала и закрыла рояль.

Любимой комнатой Мери былъ ея маленькій будуаръ. Она устроила по своему вкусу этотъ уютный уголокъ и проводила въ немъ большую часть длинныхъ зимнихъ вечеровъ.

Въ бумагахъ покойнаго Фрейгофа было найдено духовное завѣщаніе, въ которомъ старикъ отказывалъ Мери всѣ принадлежащія ему книги, ноты, альбомы, бюсты и т. п.

Всѣ эти вещи Мери помѣстила въ своемъ будуарѣ. Своимъ присутствіемъ они напоминали молодой женщинѣ счастливое время ея безвозвратнаго, быстро пролетѣвшаго дѣтства.

Часто являлась передъ глазами Мери исхудалая фигура ея усопшаго друга и слышалось правдивое слово его послѣдней, неоконченной фразы.

Лопатинъ иногда приходилъ къ Мери въ будуаръ, ложился на маленькую кокетливо-сдѣланную кушетку, курилъ, зѣвалъ и изрѣдка перекидывался словами съ женой.

Мери не могла выносить запаха табачнаго дыма; ее оскорбляли также безцеремонныя, неприличныя позы валявшагося мужа.

Разъ, она попросила Лопатина не курить въ ея комнатѣ, причемъ замѣтила, что онъ, своими грязными сапогами, портитъ кушетку.

Лопатинъ въ тотъ день былъ не въ духѣ. Онъ съ укоризной отвѣчалъ женѣ, что вмѣсто замѣчаній, она могла бы сшить на кушетку чахолъ — и ушелъ къ себѣ.

Мери отчасти была довольна этимъ; но, считая себя немного виноватой за рѣзкость сдѣланнаго замѣчанія, рѣшилась сама идти къ мужу.

Лопатинъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и читалъ какой-то романъ.

Мери подошла къ мужу, сѣла къ нему на колѣни, обняла его и поцѣловала въ лобъ.

Лопатинъ пересталъ читать и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на жену.

— Что съ тобой? спросилъ онъ.

Мери объяснила ему причину своего посѣщенія и попросила извиненія.

Лопатинъ отвѣчалъ, что онъ нисколько не сердитъ; а ежели и сказалъ Мери что-нибудь на ея замѣчаніе, то причиной тому было его дурное настроеніе духа, отъ разныхъ непріятностей и возни съ уставною грамотой.

Прошло нѣсколько минутъ. Разговоръ не клеился.

Лопатинъ посматривалъ, то на жену, то на книгу.

— Что это тебѣ вздумалось сидѣть на колѣняхъ? сказалъ онъ Мери.

— Тебѣ тяжело? спросила она приподымаясь.

— Не то, чтобы тяжело; а, по моему мнѣнію, гораздо удобнѣе сидѣть на диванѣ. Впрочемъ, если тебѣ нравится, такъ сиди; только пересядь на другое колѣно; а то у меня въ правомъ карманѣ ключи и потому....

Мери быстро встала и вышла изъ кабинета.

— Куда же ты? спросилъ ее Лопатинъ.

Мери не отвѣчала.

Странная женщина, подумалъ онъ:—ничѣмъ не угодишь.

А Мери вернулась въ свой будуаръ, сѣла на кушетку и сильно задумалась.

«Что же это такое,» думала она, «долго ли онъ будетъ обращаться сомною, какъ взрослые обращаются съ дѣтьми. Я

замужемъ; но я также одинока, какъ и прежде; даже еще болѣе, потому что постоянное присутствіе мужа только стѣсняетъ меня, заставляя скрывать свои чувства. Онъ не понимаетъ ихъ, ему они кажутся смѣшными. Неужели и съ другими кончается тѣмъ-же. Нѣтъ, не можетъ быть! То, что творится въ моей душѣ, то чувство, которымъ полно мое сердце, оно не можетъ быть ложнымъ. Мнѣ нуженъ отвѣтъ! Мнѣ нуженъ человѣкъ, которому я могла бы довѣриться вполнѣ, безпредѣльно, безъ конца. А мужъ! Нѣтъ, онъ не такой! Я просто боюсь его.»

Мери услышала шаги мужа. Она схватила, первую попавшуюся ей на глаза книгу и притворилась читающею.

— Я тебѣ не мѣшаю, спросилъ Лопатинъ, останавливаясь на порогѣ.

— Нѣтъ, отвѣчала Мери, закрывая книгу.

Лопатинъ сѣлъ возлѣ жены и, замѣтивъ на своемъ локтѣ кусочекъ приставшаго хлѣба, началъ старательно очищать сукно.

Мери съ грустной улыбкой смотрѣла на занятіе мужа.

Окончивъ свою работу, Лопатинъ потянулся, зѣвнулъ и положивъ правую ногу на колѣно лѣвой, осматривалъ немного отставшую подошву сапога.

— Мошенникъ, Федотка! бормоталъ онъ:—давно-ли починилъ, а вотъ, опять отстала. Просто, хоть выписывай сапоги изъ Москвы: не дороже обойдутся.

Онъ опустилъ ногу, взялъ руку Мери, положилъ ее на свою лѣвую ладонь, погладилъ нѣсколько разъ правой и поцѣловалъ.

— Скажи, пожалуйста, Сережа, спросила Мери,—тебѣ не скучно жить со мною въ деревнѣ?

— Мнѣ? Нисколько, отвѣчалъ Лопатинъ.—Я такой человѣкъ, которому все равно, гдѣ бы не жить. Я отъ жизни не многаго требую и никогда не скучалъ; или если хочешь, всегда скучалъ, потому, что въ сущности; это одно и то же. Правда, въ городѣ болѣе развлеченій, но зато они и стоятъ дороже.

— Мнѣ кажется, что я не умѣю угодить тебѣ, какъ бы того желала, что я только стѣсняю тебя. Мы такъ мало сходимся въ нашихъ взглядахъ, нашихъ требованіяхъ.....

Голосъ Мери задрожалъ, въ немъ послышались слезы.

Она смѣшалась, замолчала и склонившись къ плечу Лопатина, закрыла рукою глаза, стараясь глотать душившія ее слезы.

— Что съ тобою? спросилъ Лопатинъ, приподнявъ головку Мери и пристально смотря ей въ глаза: — Что съ тобою? Не больна-ли ты?

— Нѣтъ, ничего, оставь меня, это пройдетъ. Не безпокойся.

— О чемъ-же ты плачешь?

— Такъ, пустое. Видишь-ли, Сережа, иногда, не знаю отчего, мнѣ сдѣлается такъ грустно, такъ грустно, какъ будто... какъ будто.... ну, да я ужъ не знаю съ чѣмъ и сравнить.

— Это бываетъ, отвѣчалъ Лопатинъ,—не надо только предаваться этому чувству, надо стараться развлечь себя, заняться чѣмъ нибудь.

— Слушай, Сережа, объясни мнѣ пожалуйста, почему я.... все, какъ будто боюсь тебя.

— Ооо! Неужели? Ну, ужъ этого я не могу объяснить. Я, кажется, никогда не позволялъ себѣ ничего такого, чтобы могло возбудить ко мнѣ страхъ.

— Нѣтъ, не то.

— Такъ что-же?

— Да вотъ что! Иногда, мнѣ хотѣлось бы поговорить съ тобой откровенно, совсѣмъ откровенно, какъ съ самой собою, поразспросить кое-о-чемъ, поболтать съ тобою, послушать и тебя, порѣзвиться, посмѣяться, поиграть, какъ играютъ маленькія дѣти....

— Такъ зачѣмъ же стало дѣло. Говори! Я всегда готовъ слушать тебя; только, вотъ, рѣзвиться, да играть, извини матушка: — забылъ. И охоты мало, да и странно какъ-то.

— Говори! Да не говорится! Я все боюсь, что ты будешь смѣяться надъ моими словами, можетъ быть, даже и не поймешь ихъ.

— Смѣяться не буду, а чего не пойму, то попрошу повторить, сказать яснѣе. Ну, говори, кайся, что у тебя тамъ на душѣ.

Онъ обнялъ Мери и поцѣловалъ ее съ такою нѣжностью, которой она и не подозрѣвала въ немъ.

Этотъ поцѣлуй оживилъ молодую женщину. Она отерла слёзы и съ веселой, радостной улыбкой обратилась къ мужу.

— Ну-съ, извольте слушать. Сядьте хорошенько; вотъ такъ! Она взяла его руку и обвила около своей шеи:—Теперь, извольте мнѣ отвѣчать. Вы любите меня?

— Я? спросилъ съ удивленіемъ Лопатинъ,—конечно люблю!

— И крѣпко любите?

— Крѣпко.

— Ну-съ, такъ объясните мнѣ, какъ вы понимаете любовь.

— То есть, какъ это понимаю?

— Т. е. объясните мнѣ все, что вы чувствуете, что испытываете, чего вы требуете отъ той, которую любите....

— Странный вопросъ! Признаюсь тебѣ, мой другъ, подобные вопросы никогда не приходили мнѣ въ голову. Да, если и придутъ, такъ я рѣшительно стану въ тупикъ и не съумѣю отвѣтить на нихъ. Это, мой другъ, дѣло философовъ, анализировать тамъ разныя чувства и строить цѣлыя системы, а я просто люблю тебя, какъ хорошую жену, какъ женщину, которую я выбралъ себѣ....

Лопатинъ замялся.

— Ну-съ, которую вы выбрали себѣ въ.....

— Ну выбралъ себѣ, какъ жену.

— И только?

— Да.

— Чего же вы требуете отъ вашей жены?

— Я! Да ничего не требую особеннаго.

— Ничего?

— Ахъ, какая ты странная! Ну, требую, чтобы ты...

— Чтобы я?

— Ну, чтобы ты любила меня, была бы мнѣ вѣрна и....

— И?

— И болѣе.... ничего.

— Ничего?

— Ничего. А ты развѣ требуешь бо́льшаго?

— Да! для меня этого мало. Отъ человѣка, котораго я люблю, я прежде всего требую, чтобы онъ внушилъ мнѣ полное довѣріе къ себѣ, чтобы я обращалась къ нему, какъ

дитя обращается къ матери, какъ человѣкъ обращается къ Богу, безъ утайки, безъ опасенія, безъ боязни, безъ стыда. Я хочу знать всѣ достоинства этого человѣка и всѣ его недостатки, для того, чтобы любить его такимъ, какимъ онъ созданъ, какимъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Я хочу, чтобы онъ дѣлился со мною своими радостями, своимъ горемъ, надеждами, мечтами, своимъ будущимъ, настоящимъ и прошедшимъ. Я хочу, чтобы слово «мое» изчезло изъ нашего разговора, чтобы оно замѣнилось словомъ «наше», чтобы у насъ все было общее. Я хочу, чтобы онъ былъ моимъ отцомъ и въ то же время моимъ нѣжно любимымъ ребенкомъ, чтобы онъ былъ моимъ руководителемъ и моимъ слугой, чтобы онъ любилъ меня, нѣжилъ, тѣшилъ, ласкалъ, чтобы онъ былъ для меня всѣмъ, и чтобы я, въ свою очередь, могла доставлять ему то же блаженное чувство, которое буду испытывать отъ его любви ко мнѣ. Полная откровенность! Полное довѣріе! Полная гармонія взаимнаго чувства! Вотъ, что понимаю я подъ словомъ любовь и вотъ, чего требую я отъ человѣка, котораго полюбила, которому отдалась навсегда!

Съ страстнымъ, восторженнымъ одушевленіемъ высказывала Мери сложившееся въ ней понятіе о чувствѣ любви. Съ послѣднимъ словомъ она охватила своими руками голову мужа и, полными страстью глазами, взглянула ему въ лицо. Но на лицѣ Лопатина не было ничего, кромѣ удивленія и легкой улыбки. Видно было, что онъ даже не понялъ и половины того, о чемъ говорила ему жена.

Мери подождала нѣсколько секундъ, пристально всматриваясь и какъ бы желая отыскать хотя тѣнь сочувствія и отвѣта, затѣмъ руки ея медленно опустились на колѣни, она откинулась на спинку кушетки и закрыла глаза.

— Эге! Да ты у меня поэтъ, началъ Лопатинъ; — хоть сейчасъ въ печать; отличный романъ выйдетъ. Только вотъ что, мой другъ. Всѣ эти напыщенныя фразы только и хороши въ романахъ, а на дѣлѣ онѣ никуда не годятся. Отъ дѣйствительности этого требовать нельзя. Ты, вотъ, начиталась тамъ всякаго вздора, женщина ты молодая: кровь играетъ, вотъ тебѣ и кажется, что это то и есть настоящее чувство. Поживешь подолѣе, тогда и сама убѣдишься, что

что все это непримѣнимо къ жизни; самой будетъ смѣшно вспомнить о всѣхъ этихъ дѣтскихъ увлеченіяхъ. А говорить ты мастеръ! Такъ и разсыпаешься, откуда слова берутся. И такъ это у тебя складно выходитъ, безъ запинки, точно на театрѣ играешь; право! Лопатинъ хотѣлъ взять Мери за руку.

— Оставь меня! говорила она, прерывающимся отъ сильнаго волненія голосомъ;—уйди, умоляю тебя; уйди! Оставь меня одну.

Она не открывала глазъ и спрятала за спиною свои руки.

— Неужели ты разсердилась, Мери? спросилъ Лопатинъ:— я вѣдь это такъ, шутя говорилъ. Вотъ видишь ли: взаимная то откровенность, вонъ она къ чему ведетъ. Ну, не сердись, перестань. Онъ всталъ, нагнулся и поцѣловалъ ее въ лобъ.

Почувствовавъ поцѣлуй, Мери отдернула свою головку и закрыла лицо руками.

— Уходи, уходи скорѣе! молила она;—оставь меня, ради Бога, уйди!

Лопатинъ съ удивленіемъ взглянулъ на дрожавшія руки жены, пожалъ плечами и вышелъ изъ комнаты.

Мери бросилась къ двери, заперла ее на ключъ, машинально подошла къ кушеткѣ, опустилась на нее... и зарыдала.

Оскорбленное самолюбіе, жестоко осмѣянное чувство любви, прощаніе съ завѣтною, послѣднею надеждою на счастье, все слышалось въ этихъ глухихъ рыданіяхъ, все изливавалось наружу вмѣстѣ со жгучими слезами, съ глубокими вздохами, съ тяжкимъ горемъ молодой женщины.

Долго плакала Мери, долго затѣмъ сидѣла она неподвижно съ выраженіемъ безпредѣльной скорби на блѣдномъ лицѣ, и тяжелыя думы бродили въ ея головѣ. Она окончательно узнала своего мужа. Она поняла, чего можно надѣяться отъ этой холодной натуры и рѣшилась примириться съ своею участью, не зная, на сколько подобное примиреніе возможно въ ея года.

Не радостно проходила жизнь молодой женщины и, Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилась для нея эта внутренняя борьба, если бы одно изъ послѣдствій брака, не вывело Мори изъ этого безотраднаго, одинокаго положенія.

Мери почувствовала себя нездоровой. Опытный глазъ Анны Ивановны тотчасъ же опредѣлилъ болѣзнь, и старуха съ радостью поздравила Лопатина отцомъ.

Это извѣстіе сильно обрадовало и измѣнило Мери.

Потребность любви, погибшая надежда, цѣль жизни, все сосредоточилось на ея будущемъ ребенкѣ, все слилось въ безконечно-великомъ чувствѣ матери.

«Теперь я не одна», думала Мери: «есть существо, которое будетъ нуждаться въ моей любви, моей заботѣ, моей помощи. О! какъ я буду любить его. Теперь мнѣ не время думать о себѣ, теперь я посвящу свою жизнь заботамъ о немъ, и въ счастьи моего малютки найду свое собственное счастіе и покой.»

Мери даже начала смотрѣть на мужа съ нѣкоторой долей уваженія, какъ на отца своего будущаго ребенка. Она съ буквальной точностью исполняла всѣ наставленія своей матери и съ нетерпѣніемъ ожидала минуты, когда, впервые, увидитъ своего ребенка.

Прошла весна; проходило и лѣто.

Въ день своихъ имянинъ Мери пригласила мать обѣдать къ себѣ. Анна Ивановна хотя и чувствовала съ утра сильные приливы крови къ головѣ, но не обратила на это вниманія и поѣхала къ дочери.

За обѣдомъ, когда вмѣсто шампанскаго, разлили наливку, Лопатинъ провозгласилъ тостъ за здоровье имянинницы.

Мери встала и подошла къ матери.

Анна Ивановна тоже хотѣла встать, приподнялась,—и съ хриплымъ стономъ упала на полъ.

Мери нагнулась къ матери, увидѣла ея посинѣвшее, исказившееся лице, выронила рюмку и лишилась чувствъ.

Лопатинъ крикнулъ людей, перенесъ Мери въ спальню и тотчасъ-же послалъ за княжескимъ фельдшеромъ.

Анну Ивановну положили въ залѣ на диванъ и растирали щетками. Она не шевелилась.

Пріѣхалъ фельдшеръ, попробовалъ пустить ей кровь; но кровь не пошла.

Тарская умерла отъ удара.

Мери металась на кровати въ сильнѣйшемъ истерическомъ припадкѣ. Къ вечеру, она разрѣшилась отъ бремени мертвымъ ребенкомъ.

Лопатинъ въ тотъ же день перевезъ трупъ Тарской въ ея усадьбу и строго запретилъ дворовымъ сообщать Мери о смерти матери.

Онъ похоронилъ Анну Ивановну и вступилъ въ управленіе ея имѣніемъ.

Отъ Мери тщательнос крывали смерть матери, Лопатинъ увѣрялъ жену, что Анна Ивановна при паденіи, сломала себѣ ногу и потому не можетъ выходить изъ дома.

Мери поправлялась съ трудомъ.

Лопатинъ пригласилъ уѣзднаго доктора. Послѣдній объявилъ, что болѣзнь не опасна; но совѣтывалъ не оставлять молодую женщину одну и не давать ей задумываться.

Когда Мери поправилась, Лопатинъ сообщилъ ей о смерти старухи Тарской.

Мери давно уже догадывалась объ этомъ. Сбивчивые отвѣты прислуги и ихъ неловкія старанія выпутаться изо лжи скоро открыли Мери истину. Она никогда не была сильно привязана къ матери, и какое-то скверное чувство шевелилось въ глубинѣ ея сердца при мысли, что мать, хотя и невольно, но все таки была причиною смерти ея ребенка.

Эта послѣдняя потеря была для Мери источникомъ безконечныхъ слезъ, и никакое горе не могло сравниться съ безмолвнымъ горемъ осиротѣвшей матери.

Мери похудѣла. Ея кожа сдѣлалась почти прозрачною, лицо осунулось, глаза потеряли свой прежній блескъ. Сухой, подозрительный кашель давилъ ей грудь и душилъ горло.

Она сдѣлалась нелюдимой, задумчивой, апатичной и почти цѣлые дни проводила въ своемъ будуарѣ, никого не впуская къ себѣ.

Хозяйство она передала на руки старой ключницѣ своей покойной матери и за тѣмъ на все окружающее смотрѣла съ полнымъ равнодушіемъ.

Ея сынъ былъ похороненъ рядомъ съ Фрейгофомъ, и Мери часто ѣздила на могилы этихъ единственныхъ, дорогихъ для нея существъ.

Лопатинъ не умѣлъ утѣшать свою жену и предоставилъ ея горе дѣйствію всесокрушающаго времени. Онъ сообщилъ о смерти Анны Ивановны Тарскому и приглашалъ его пріѣхать для раздѣла имѣнія.

Тарскій просилъ Лопатина оцѣнить имѣніе и выслать ему деньгами половину стоимости.

Въ бюро покойнаго маіора нашлись накопленныя Анной Ивановной деньги. Лопатинъ прибавилъ своихъ и выдѣлилъ Тарскаго.

Прошло болѣе года.

Здоровье Мери немного поправилось, но ея нравственное состояніе повидимому не измѣнилось.

Докторъ совѣтовалъ Лопатину принять дѣйствительныя мѣры потому, что подобное не нормальное положеніе легко могло кончиться сумасшествіемъ или чахоткой.

Лопатинъ охотно готовъ былъ помочь женѣ, но не могъ придумать средствъ.

Докторъ предложилъ путешествіе за границу.

Лопатинъ съ радостью ухватился за эту мысль и сообщилъ о ней женѣ.

Возможность повидаться съ братомъ и посѣтить хорошо знакомые ей берега Рейна оживила Мери.

Она только спросила мужа, имѣетъ ли онъ средства на поѣздку, и не найдетъ ли подобное путешествіе стѣснительнымъ для себя.

Получивъ благопріятный отвѣтъ, она изъявила согласіе и начала дѣятельно готовиться къ далекому путешествію.

Къ концу января все было готово къ отъѣзду.

Наканунѣ, Мери заѣхала на кладбище проститься съ сыномъ и Фрейгофомъ. Обѣ могилы были занесены снѣгомъ, и только покоробившаяся верхушка креста одна выглядывала изъ рыхлаго, блестящаго сугроба.

Лопатины выѣхали изъ деревни утромъ и по отличной дорогѣ спокойно добрались до Москвы.

Въ Москвѣ они оставались не долго. Лопатинъ съѣздилъ съ женою въ Кремль, отслужилъ по ея просьбѣ молебенъ у Иверской и на другой же день выѣхалъ, по желѣзной дорогѣ, въ Петербургъ.

IX.

Въ исходѣ пятаго часа московскій поѣздъ, въ которомъ ѣхали Лопатины, подъѣхалъ къ Петербургской станціи. Лопатинъ пошелъ получать багажъ; Мери присѣла къ окну.

Грязное, сѣрое небо нависло надъ городомъ; темныя стѣны домовъ неясно отдѣлялись вдали. Шелъ мелкій дождь. Сквозь густой туманъ, тускло мелькали фонари. Промокшіе извощики хриплыми голосами предлагали выходящимъ свои услуги.

Отъ долгой поѣздки Мери сильно устала. Лопатинъ взялъ номеръ въ гостинницѣ напротивъ станціи. Мери тотчасъ легла въ постель, но долго не могла уснуть.

На другой день Лопатинъ, находя взятый номеръ неудобнымъ, пошелъ искать другую квартиру. Онъ нанялъ двѣ меблированныя комнаты, одна служила пріемной и столовой, другая, въ одно окно,—спальней.

Для Мери, привыкшей къ деревенской тишинѣ, казалась странною шумная жизнь столицы.

Ее пугала эта безконечная вереница проходящихъ людей.

У всѣхъ угрюмыя, озабоченныя лица; всѣ куда то торопятся, спѣшатъ. Длинныя, прямыя улицы, снующіе экипажи, шумъ и стукъ, крикъ и громкій говоръ, порой безсмысленная пѣсня пьянаго мужика, невысыхающая грязь и непривѣтливое, вѣчно плачущее небо.

Въ первые дни Мери, при каждомъ стукѣ проѣзжающихъ каретъ, подбѣгала къ окну, а проскакавшіе вочеромъ пожарные испугали ее до легкаго обморока.

Она боялась выходить одна, и, даже идя подъ руку съ мужемъ, робко прижималась къ нему и старалась давать проходящимъ дорогу.

Лопатинъ по утрамъ уходилъ хлопотать о полученіи выкупныхъ свидѣтельствъ или осматривать столицу. Гулять съ женою онъ не любилъ. Онъ привыкъ ходить

въ шинели, а для жены долженъ былъ надѣвать пальто и тащиться съ нею подъ руку. Хотя онъ не говорилъ объ этомъ Мери, но самъ рѣдко предлагалъ ей идти гулять.

Гордая Мери замѣчала неудовольствіе мужа при подобныхъ прогулкахъ и отказывалась отъ единственнаго развлеченія осматривать примѣчательности Петербурга.

Первые два вечера, проведенные съ Мери tête—à—tête, показались Лопатину безконечно длинными и убійственно скучными; на третій онъ, подъ предлогомъ почитать газеты, ушелъ въ ближайшую кондитерскую и просидѣлъ тамъ до полуночи.

Это его развлекло, и съ тѣхъ поръ онъ почти постоянно проводилъ вечера въ этой кондитерской, читалъ газеты, смотрѣлъ какъ играютъ на бильярдѣ, иногда игралъ и самъ.

Ему никогда не приходила въ голову мысль, какъ должна скучать Мери, оставаясь постоянно одна. Разъ только, прочтя объявленіе объ абонементѣ на книги, онъ вспомнилъ о женѣ и предложилъ ей абонироваться. Мери согласилась.

Оставаясь одна, Мери не скучала; напротивъ, она была рада, когда мужъ уходилъ изъ дома Эта апатичная, мѣрными шагами расхаживающая изъ угла въ уголъ фигура, нагоняла тоску, вызывала досаду. Работа вываливалась изъ рукъ Мери; какая то затаенная злоба шевелилась въ сердцѣ и слезы застилали глаза.

Она не могла равнодушно видѣть этого пустаго человѣка, незнающаго какъ убить докучное время.

Мери уходила въ спальню, прислонялась къ холодному стеклу окна и тихо плакала, стараясь сдерживать давящія горло рыданія.

Мужъ не замѣчалъ ничего; онъ продолжалъ ходить, зѣвалъ, поминутно посматривалъ на часы и, утомившись долгой ходьбой, отправлялся спать.

Когда Мери оставалась одна, она работала, занималась музыкой, чтеніемъ или ходила по комнатѣ, думала, вспоминала мечты своей юности и горькая улыбка сожалѣнія и раскаянія появлялась на ея блѣдномъ личикѣ.

Она давно уже поняла всю пустоту своего мужа и глубоко сожалѣла о томъ, что связала свою судьбу съ чело-

вѣкомъ, съ которымъ у нея не было ничего общаго, съ которымъ рѣзко расходилась во всѣхъ взглядахъ на жизнь.

Часто припоминалось ей послѣднее слово старика Фрейгода. «Прости меня, мой усопшій другъ», думала она, «ты одинъ зналъ меня и былъ правъ, когда поздравилъ меня словомъ «негодится». Я тогда не повѣрила тебѣ, а теперь, теперь». . . . . .

И слеза за слезой текли по исхудалымъ щекамъ молодой женщины, чаще... чаще... наконецъ переходили въ рыданія и оканчивались судорожнымъ, истерическимъ смѣхомъ.

Мери въ изнеможеніи опускалась на диванъ.

«Не годится!» думала она: «значитъ годится другой; значитъ существуетъ тотъ, который съумѣетъ отвѣтить мнѣ на призывы тревожнаго сердца, и если бы я была свободна.... Но поздно, поздно! Я связана, я обречена на всю жизнь слѣдовать за человѣкомъ, котораго не только не люблю, но даже презираю. И я сама виновата въ этомъ! Я сама добровольно погубила себя. Я одна! Мнѣ некому довѣриться! Никому до меня нѣтъ дѣла! О, мой второй отецъ! зачѣмъ ты умеръ такъ рано! Ты бы раскрылъ мнѣ истину и, можетъ быть, помѣшалъ бы нашей свадьбѣ.... И мой сынъ; мой бѣдный, маленькій сынъ! Боже! Зачѣмъ ты взялъ къ себѣ моего малютку? Какъ бы я любила его; онъ одинъ могъ замѣнить мнѣ все! Тогда я знала бы, что моя жизнь нужна кому нибудь, что она не пропадетъ даромъ, безъ отвѣта, безъ пользы; а теперь»....

Мери становилась на колѣна передъ образомъ Богоматери и горячей молитвой облегчала свое горе. Она была истинно религіозна; она вѣрила, и эта глубокая, безграничная вѣра успокоивала разгоряченное воображеніе молодой, неопытной женщины.

Лопатинъ, какъ всегда, былъ не въ духѣ.

Онъ видѣлъ, что Мери, по пріѣздѣ въ Петербургъ, сдѣлалась еще болѣе раздражительною; приписывалъ это дурной погодѣ и старался скорѣе увезти жену за границу.

Онъ часто заходилъ въ коммиссію; хлопоталъ, но ему объявили, что выкупныя свидѣтельства не могутъ быть выданы ранѣе великаго поста.

Разъ онъ встрѣтилъ въ коммиссіи, своего стараго товарища по корпусу, Звѣркова, который затащилъ его къ себѣ и оставилъ обѣдать.

Послѣ обѣда Звѣрковъ спросилъ Лопатина, гдѣ онъ думаетъ провести вечеръ.

Лопатинъ отвѣчалъ, что не имѣетъ въ Петербургѣ никого знакомыхъ и потому по вечерамъ сидитъ болѣе дома съ женою. Звѣрковъ предложилъ ему ѣхать вмѣстѣ въ Благородное собраніе. Онъ былъ членомъ этого клуба и принадлежалъ къ числу его ежедневныхъ посѣтителей.

— Ты играешь въ карты? спросилъ онъ.

Лопатинъ отвѣчалъ, что не играетъ ни въ какую игру.

— Ну, все равно; прибавилъ Звѣрковъ: — почитаешь газеты, посидишь, а послѣ поужинаемъ, и по домамъ.

Пріятели отправились въ клубъ.

Звѣркова уже поджидали обычные партнеры. Лопатинъ пошелъ въ читальную комнату и занялся чтеніемъ.

Перечитавъ газеты и просмотрѣвъ всѣ иллюстрованныя изданія, онъ пошелъ осмотрѣть помѣщеніе клуба.

Войдя въ огромную залу, онъ увидѣлъ множество круглыхъ столовъ, за которыми сидѣли играющіе. Лакей вынималъ, изъ стоявшаго посреди зала колеса, шарики и громко выкликалъ номера. Густой табачный дымъ столбомъ стоялъ надъ играющими и ѣлъ непривычные глаза.

Играли въ домино-лото. Лопатинъ не имѣлъ понятія объ этой игрѣ. Онъ подошелъ къ одному изъ столовъ и началъ наблюдать.

Игра оказалась весьма легкою и простою.

Передъ Лопатинымъ открылось свободное мѣсто. Ставка была не велика. Лопатинъ сѣлъ и началъ играть.

Ему повезло. Онъ увлекся и незамѣтно провелъ за игрою нѣсколько часовъ.

— Такъ вотъ ты гдѣ! сказалъ кто-то, ударивъ Лопатина по спинѣ;—а я тебя искалъ по всѣмъ комнатамъ и думалъ, что ты уже уѣхалъ.

Лопатинъ обернулся. Сзади его стоялъ Звѣрковъ.

— Ну что, продолжалъ онъ: понялъ въ чемъ дѣло? Везетъ или нѣтъ?

— Я въ выигрышѣ, хотя и не въ большомъ, отвѣчалъ Лопатинъ.

— А если въ выигрышѣ, такъ брось и пойдемъ ужинать.

Пріятели отправились въ столовую.

За ужиномъ они разговорились объ игрѣ въ домино-лото, причемъ Лопатинъ замѣтилъ, что эта игра очень увлекательна. «Играя съ характеромъ и расчетомъ, можно всегда остаться въ выигрышѣ», прибавилъ онъ.

— Нѣтъ братъ, возразилъ Звѣрковъ, у кого есть характеръ, тотъ въ эту игру совсѣмъ не станетъ играть. Конечно, играя по маленькой, можно убить вечеръ и остаться въ пустомъ проигрышѣ; но побольшой—не совѣтую! Это все равно, что надѣть на шею петлю. Могила! Если хочешь, я достану тебѣ билетъ для постояннаго входа въ клубъ. Заплати за вечеръ полтинникъ и играй себѣ сколько угодно, только не увлекайся, да не отыгрывайся.

Лопатинъ изъявилъ согласіе, и въ тотъ же вечеръ получилъ билетъ.

Передъ уходомъ домой, онъ вспомнилъ о женѣ и купилъ ей въ буфетѣ фунтъ винограду.

Въ этотъ день Мери долго ждала мужа и только въ исходѣ шестаго часа сѣла обѣдать.

Прошелъ и вечеръ;—мужъ не являлся. Мери легла спать.

Въ первомъ часу ночи пришелъ Лопатинъ. Онъ былъ веселъ; подошелъ къ женѣ, поцѣловалъ ее и предложилъ винограду.

— Извини меня, Маша, сказалъ онъ,—ты вѣрно долго ждала меня къ обѣду. Я встрѣтился сегодня утромъ, съ однимъ изъ моихъ старыхъ товарищей и обѣдалъ у него. Вечеромъ, мы отправились въ клубъ, я немного выигралъ, и вотъ, привезъ тебѣ полакомиться.

— Ты игралъ? спросила, приподнимаясь, Мери.

— Да; только не въ карты, а въ лото.

— Все равно! Развѣ ты забылъ свое обѣщаніе не играть ни въ какія игры.

— Это совсѣмъ другое дѣло. Это маленькая, ничтожная игра. Я игралъ такъ, для препровожденія времени. Въ нее нельзя много проиграть.

— Но отъ маленькой можно перейти и къ большой.

— Ты ничего не понимаешь, отвѣчалъ Лопатинъ (онъ начиналъ сердиться):—я, слава Богу, не ребенокъ и знаю, что дѣлаю. Я думалъ угодить тебѣ, а ты отвѣчаешь мнѣ упреками. Признаюсь, я этого не ожидалъ.

— Дѣлай какъ знаешь, прибавила Мери: — я только напомнила тебѣ о твоемъ обѣщаніи. Она повернулась къ мужу спиною и легла.

Лопатинъ швырнулъ виноградъ на окошко, ушелъ въ другую комнату и долго ходилъ тамъ изъ одного угла въ другой.

На другой день, вечеромъ, Лопатинъ опять уѣхалъ въ клубъ; на третій—тоже.

Игра въ лото ему понравилась. За игрой незамѣтно пролеталъ для него скучный, длинный вечеръ. Счастіе его не покидало. Онъ игралъ по маленькой ставкѣ и постоянно выигрывалъ нѣсколько рублей.

Иногда онъ подходилъ къ столу, на которомъ велась сотенная игра и составлялись большія пари. Лопатинъ присматривался, но не рѣшался рискнуть и довольствовался малымъ.

Онъ былъ очень веселъ и доволенъ собой.

На масляницѣ, онъ взялъ два билета въ кресла, на итальянскую оперу.

Онъ хотя и не любилъ театровъ вообще, а оперы въ особенности, но взялъ билеты, желая доставить удовольствіе женѣ.

Мери была поражена громадностью залы, множествомъ народа, роскошными туалетами.... Конфузясь и краснѣя добралась она до своего мѣста и робко усѣлась на креслѣ. Мужъ сѣлъ возлѣ.

Давали «Фауста» Гуно.

Прекрасная музыка оперы произвела на Мери сильное впечатлѣніе. Затаивъ дыханіе, она какъ-то подалась вся впередъ и, съ напряженнымъ вниманіемъ, слушала знаменитую сцену 3-го дѣйствія, въ саду.

Роскошная обстановка, блѣдный свѣтъ луны, тихая, говорящая сердцу музыка, великолѣпная игра Маргариты, ея любовь, счастіе свиданія — все обаятельно дѣйствовало на возбужденные нервы молодой женщины. Въ этой сценѣ

Мери видѣла олицетвореніе того, чего такъ давно и такъ страстно жаждало ея собственное сердце.

Передъ ея глазами разыгрывалась вѣчно прекрасная сцена признанія взаимной любви, и когда Маргарита, обнявъ своего милаго, взглянула на него влажными, полными страсти глазами и прижалась своей отуманенной головкой къ его груди, головка Мери тоже, какъ то инстиктивно склонилась внизъ и медленно опустилась на грудь.

Опустили занавѣсъ, а Мери все сидѣла неподвижно. Странныя мысли роились въ ея головѣ.

Она принимала видѣнное за дѣйствительность.

«Она любитъ» ,думала Мери, «и ее также любятъ. Какъ она должна быть счастлива въ эти минуты!»

Возлѣ Мери послышался тихій говоръ. Мери обернулась. Недалеко отъ нея, въ ложѣ бенуара, сидѣлъ красивый офицеръ, съ молодою, роскошно одѣтою женщиной и разговаривалъ съ нею вполголоса. Онъ съ жаромъ говорилъ о достоинствѣ музыки и натуральности игры артистки; она слушала его внимательно, не перебивая.

По выраженью ихъ глазъ, Мери догадалась о взаимности ихъ чувства.

«И они тоже любятъ другъ друга,» подумала она, «и многіе здѣсь любятъ, любимы, счастливы, а я.... «Люби и ты!» мелькнуло у нея въ головѣ. «Но кого-же?»

Въ сосѣдней ложѣ отворилась дверь. Вошелъ высокій офицеръ и поклонился разговаривающимъ. Мери взглянула на вошедшаго. Высокаго роста, стройный, онъ былъ замѣчательно хорошъ собою. Правильныя черты лица, орлиный носъ, небольшіе усы и античная форма головы составляли красивое цѣлое. Бѣлокурые, густые волосы были тщательно расчесаны и немного вились на вискахъ. Большіе, темные глаза выглядывали изъ подъ длинныхъ рѣсницъ, и было что то чарующее въ этомъ спокойномъ, почти неподвижномъ взглядѣ.

Красивый гвардейскій мундиръ, безъ малѣйшей складки, облекалъ его стройную талью, а полковничьи эполеты небрежно свѣшивались съ плечъ.

Мери заглядѣлась на этого красавца.

«*Онъ*!» шепнулъ ей тайный, внутренній голосъ.

Лопатинъ, уходившій во время антракта покурить, съ трудомъ протискался сквозь длинный рядъ и, ворча, усѣлся въ креслѣ.

— Какъ хороша опера! сказала ему Мери.

— Да, ничего, только длинна очень, отвѣчалъ онъ и зѣвнулъ.

Опера кончилась.

Лопатинъ проводилъ Мери до квартиры и простился съ нею въ дверяхъ.

— Ты куда? спросила Мери.

— Заѣду въ клубъ, отвѣчалъ Лопатинъ: надо пользоваться счастіемъ, пока везетъ.

Мери обрадовалась. Ей необходимо было остаться одной. Ей хотѣлось припомнить, сообразить, разобрать все слышанное, видѣнное и перечувствованное ею въ этотъ вечеръ.

Какой то хаосъ гармоническихъ звуковъ раздавался въ ея ушахъ. Порой выяснялась музыкальная фраза, но тотчасъ же, безвозвратно терялась въ массѣ другихъ. Только сцена въ саду ясно, до малѣйшихъ подробностей, воспроизводилась въ ея памяти и странно!—вмѣстѣ съ нею, всегда являлась передъ глазами Мери стройная фигура красавца полковника.

Многое передумала Мери въ теченіи длинной ночи. Поздно заснула она; но и во снѣ не покидала ее неотвязная мысль. Снова грезилась ей сцена въ саду, только роль Маргариты исполняла сама Мери, а Фауста—*онъ*, ея прекрасный незнакомецъ.

На второй недѣлѣ поста, Лопатинъ получилъ выкупныя свидѣтельства частью бумагами, а частью наличными деньгами.

Въ коммиссіи онъ опять встрѣтилъ Звѣркова, пошелъ къ нему обѣдать, а вечеромъ, по обыкновенію отправился въ клубъ. Передъ клубомъ, Лопатинъ хотѣлъ заѣхать домой и оставить деньги, но не исполнилъ этого, увѣривъ себя, что съумѣетъ удержаться.

Въ клубѣ онъ сѣлъ играть по своему обычному кушу и выигралъ. Ему вздумалось удвоить ставку. На другихъ столахъ не было свободныхъ мѣстъ. Лопатинъ походилъ по залѣ, подошелъ къ столу, за которымъ составлялись боль-

шія пари и началъ наблюдать. Онъ мысленно держалъ пари за одну изъ костей и часто выигрывалъ.

«Дай попробую,» подумалъ онъ. Лопатинъ поставилъ 25-ть рублей и выигралъ, поставилъ еще и выигралъ опять. Въ немъ проснулась знакомая страсть игрока. Давно забытыя ощущенія вновь взволновали грудь, забилось сердце; задрожали руки....

Передъ Лопатинымъ открылось свободное мѣсто. Онъ машинально сѣлъ, увлекся игрой и проигралъ своему сосѣду порядочную сумму.

У Лопатина не хватило части проигрыша. Ему не хотѣлось платить выкупными свидѣтельствами. Онъ попросилъ Звѣркова поручиться, обѣщаясь, завтра же, вечеромъ, привезти деньги.

Выигравшій зналъ хорошо Звѣркова и согласился.

Лопатинъ поздно вернулся домой, вошелъ въ спальню, споткнулся о стулъ, уронилъ его, разбудилъ жену; но не сказавъ ей ни слова, легъ спать.

На другой день Лопатинъ размѣнялъ часть выкупныхъ свидѣтельствъ, поѣхалъ въ клубъ и отдалъ долгъ. Противникъ предложилъ ему отыграться. Лопатинъ принялъ предложеніе и проигралъ опять.

Несчастіе его преслѣдовало. Не смотря на совѣты Звѣркова, онъ, въ надеждѣ отыграться, продолжалъ играть и постоянно проигрывалъ.

Поздно пріѣзжалъ онъ домой и начиналъ ходить большими шагами по комнатѣ, вспоминая переходы игры и свое несчастіе.

Подобная невнимательность со стороны мужа оскорбляла Мери; она просыпалась, но не шевелилась, стараясь притвориться спящею.

Мужъ ложился спать, но и во снѣ бредилъ игрою, жаловался на несчастіе, и неясныя проклятія вырывались изъ его груди.

Утромъ Лопатинъ вставалъ поздно и тотчасъ же уходилъ изъ дома, возвращаясь только къ обѣду. Часто онъ съ утра забирался въ клубъ, гдѣ и проводилъ цѣлый день.

Мери не скучала. Она жила своимъ внутреннимъ міромъ. Ея прежнія, неясныя стремленія выяснились; созданный ею

идеалъ воплотился въ живаго человѣка. Она его видѣла, видѣла только разъ; но этотъ образъ ясно отразился въ сердцѣ молодой женщины и съ тѣхъ поръ не покидалъ ея никогда.

«Какъ онъ хорошъ, какъ строенъ, какъ красивъ! Какъ должна быть счастлива та, которую онъ полюбитъ, которую назоветъ своею женою. Кто онъ? Увидитъ ли она его когда нибудь?»

Мери хотѣлось побывать въ нѣкоторыхъ концертахъ, но она не рѣшалась просить о томъ мужа; она но хотѣла ни малѣйшей жертвы съ его стороны.

Лопатинъ никогда не говорилъ Мери о своихъ денежныхъ дѣлахъ.

Разъ только онъ сказалъ ей, что сильно проигрывается.

Мери посовѣтывала ему брать съ собою по меньше денегъ.

Лопатинъ согласился съ этимъ мнѣніемъ, взялъ въ тотъ день небольшую сумму и уѣхалъ въ клубъ.

Онъ сѣлъ играть по небольшой ставкѣ и выигралъ. Но послѣ сильнаго проигрыша предъидущихъ дней, относительно ничтожный выигрышъ не могъ удовлетворить Лопатина. Онъ увеличилъ ставку и проигралъ все, что взялъ съ собою.

Въ одинадцатомъ часу онъ, къ удивленію Мери, вернулся домой, не снимая шинели подошелъ къ столу, досталъ деньги и спряталъ ихъ въ карманъ.

— Ты опять? спросила Мери.

Лопатину стало совѣстно признаться женѣ, что онъ опять ѣдетъ играть. Онъ сознался въ проигрышѣ взятыхъ имъ съ собою денегъ, но выдумалъ, что не желая потерять мѣста, занялъ у сосѣда, на честное слово, небольшую сумму, которую обѣщалъ возвратить въ тотъ же вечеръ.

Онъ обѣщалъ возвратиться черезъ четверть часа, но по обыкновенію вернулся въ третьемъ часу ночи.

Четвертую недѣлю поста избрала Мери для исполненія ежегоднаго обряда покаянія и искупленія грѣховъ.

Лопатины жилы напротивъ церкви, что давало Мери возможность безъ опасенія ходить одной.

Всякій день ходила она къ обѣднѣ и ко всенощной, держала строгій постъ и читала только одно Евангеліе.

Со страхомъ и благоговѣніемъ приготовлялась она къ принятію Святыхъ Тайнъ; но часто, во время молитвы, грѣшныя мысли смущали ея кающуюся душу, и съ высоты иконостаса, вмѣсто строгаго лика Святаго, глядѣлъ на нее знакомый образъ любимаго человѣка.

Мери просила помощи свыше, старалась отогнать искушеніе; но чѣмъ усерднѣе была ея молитва, тѣмъ сильнѣе преслѣдовало ее неотвязное воспоминаніе. Она припадала пылающимъ лбомъ къ холоднымъ плитамъ собора, а смутныя мысли все роились въ горячей головкѣ.....

Изъ алтаря доносилась тихая молитва священника, церковный хоръ пѣлъ строгія молитвы покаянія и въ этихъ мѣрныхъ, скорбныхъ звукахъ слышались Мери слова укоризны и упрека.

Тихо струились слезы по лицу молодой женщины и капля за каплей падали на холодный помостъ. Тщетны были ея усилія отогнать неотвязныя мысли и только горячая вѣра въ милосердіе Всевышняго поддерживала Мери въ эти тяжелыя минуты.

Въ пятницу, въ четвертомъ часу, Мери пошла въ церковь исповѣдываться.

Народу въ церкви было не много. Въ одномъ углу ея, передъ алтаремъ, стояли ширмы; изъ за нихъ слышался тихій мѣрный голосъ священника, прерываемый сдерживаемыми рыданіями кающейся. Невдалекѣ нѣсколько женщинъ ждали своей очереди. Мери опустилась на колѣни передъ образомъ Богоматери и начала молиться.

Черезъ нѣсколько минутъ къ ней подошелъ дьячекъ и съ словомъ «пожалуйте» указалъ ей рукою на ширмы.

Мери подошла къ налою и приготовилась услышать обычные вопросы, послѣ которыхъ рѣшилась раскрыть передъ священникомъ свою душу и разсказать тревожившія ее мысли.

Къ ея удивленію никакихъ вопросовъ не послѣдовало. Священникъ указалъ ей рукою на крестъ:

«Кайтесь», началъ онъ;—«кайтесь передъ лицомъ самого Господа Бога; ему, Милосердному, повѣдайте свои грѣхи.

Я, какъ служитель его алтаря, только посредникъ между вами, и по силѣ данной мнѣ власти, разрѣшаю васъ отъ грѣховъ, повторяя святыя слова Спасителя о прощеніи. Я знаю, что въ короткое время исповѣди трудно припомнить все, сдѣланное нами дурное; для меня будетъ достаточно, если въ васъ пробудилось искреннее желаніе покаянія. Но для васъ этого мало. Недостаточно только раскаяться въ своихъ дурныхъ дѣйствіяхъ, надо стараться на будущее время избѣгать по возможности тѣхъ дурныхъ поступковъ, до которыхъ доводятъ насъ наша неопытность, вліяніе окружающихъ, а главное, наша природная грѣховность и слабость. Возвратясь домой, вы посвятите сегодняшній вечеръ на разборъ вашихъ дурныхъ поступковъ; постарайтесь доискаться до ихъ причины и, по возможности, уничтожайте послѣднія. Недавайте разыгрываться дурнымъ страстямъ и порывамъ вашей души, уничтожайте зло въ самомъ корнѣ; остановясь во время, можно избавиться отъ многаго дурнаго. Кайтесь и молитесь! Я помолюсь вмѣстѣ съ вами, да не отвратитъ Господь Богъ лица своего отъ васъ и да ниспошлетъ вамъ силы воздержаться, на будущее время, отъ дурныхъ дѣлъ.

Священникъ склонилъ свою сѣдую голову, накрылъ эпитрахилью головку Мери и началъ читать молитвы покаянія.

Если, прибавилъ онъ, кончивъ молитву «васъ тревожитъ какой нибудь тяжкій грѣхъ, если вамъ необходимо слово участія и совѣта, если вашу молодую душу смущаютъ грѣшныя мысли,—повѣдайте ихъ мнѣ; моя опытность и знаніе человѣческаго сердца могутъ помочь вамъ и облегчить ваше горе.»

Умная, деликатная рѣчь священника благодатно подѣйствовала на готовую къ раскаянію и откровенности Мери. Съ полною довѣрчивостью взглянула она на священника и по его лицу, по выраженію его кроткихъ, сѣрыхъ глазъ убѣдилась, что слышанныя ею слова не были пустыми фразами; а были внушены сочувствіемъ и участіемъ къ страданіямъ ближняго.

Мери разсказала священнику о своихъ отношеніяхъ къ мужу, о его холодности, не скрыла даже преслѣдовавшихъ ее мыслей, мечтаній и безумныхъ, тайныхъ надеждъ.

Священникъ, молча, выслушалъ эту исповѣдь и затѣмъ началъ объяснять Мери святость долга и клятвы, добровольно данной ею въ день брака.

«Поведеніе мужа», говорилъ онъ, «не даетъ вамъ права нарушить ваши обязанности. Старайтесь своимъ вліяніемъ смягчить его грубую натуру; если это вамъ не удастся, покоритесь дѣйствительности, какъ испытанію посланному вамъ Богомъ. Старайтесь, при помощи труда и молитвы, отгонять отъ себя дурныя мысли. Для васъ чувство любви должно сосредоточиться только на вашемъ мужѣ. Вы молоды; найдется много людей, которые захотятъ воспользоваться вашею неопытностью и воспользуются ею для своихъ нечистыхъ, животныхъ цѣлей. Старайтесь, чтобы чувство долга ни на минуту не покидало васъ: оно одно въ состояніи сохранить васъ отъ увлеченія молодости. Исчезнетъ оно:—и вы погибли. Любовь, какъ страсть, проходитъ скоро. За мимолетныя минуты кажущагося счастія, вы заплатите долгими годами раскаянія и стыда. Сознаніе грѣха будетъ неотступно преслѣдовать васъ, и никакія слезы не смоютъ пятна, лежащаго на вашей чести. Проститъ васъ Богъ, но не простятъ люди. А человѣкъ созданъ для общества, и не вамъ, слабому, нѣжному существу выдержать и оскорбленія людей, и упреки совѣсти. Погубивъ себя, вы, вмѣстѣ съ тѣмъ, покроете позоромъ и честь вашего мужа. И на вашихъ будущихъ дѣтяхъ отразится позоръ вашего паденія. Они будутъ стыдиться своего происхожденія и этотъ стыдъ будетъ тяжкимъ укоромъ преслѣдовать васъ до могилы, будетъ неустанно тревожить вашу неспокойную совѣсть.....

Вотъ каковы послѣдствія незаконной любви, и да предохранитъ васъ Всевышній отъ искушеній молодаго, горячаго сердца.»

Долго говорилъ священникъ, и когда Мери, по окончаніи исповѣди, снова преклонилась передъ образомъ Богоматери, ея глаза опять были полны слезъ; но то были благодатныя слезы раскаянія и молитвы, а не горячія, жгучія слезы скорби и грѣха.

Мери вернулась домой послѣ всенощной, напилась чаю, легла спать и утомленная долгою церковною службою, тотчасъ же заснула.

Она спала такъ крѣпко, что даже не слыхала обычной ходьбы своего мужа, который въ эту ночь проигралъ послѣднія, оставшіеся у него отъ постепенной продажи выкупныхъ свидѣтельствъ, деньги.

а другой день Мери, рано утромъ, ушла въ церковь.

Скромный, бѣлый нарядъ очень шелъ къ ея блѣдному личику и всѣ, видѣвшіе Мери въ церкви, невольно любовались ея безъискуственной, природной красотой.

Мери была спокойна. Вчера она, впервые открыла гнѣтущее ее горе. Это, встрѣченное сочувствіемъ и искреннимъ совѣтомъ, признаніе облегчило Мери и успокоило ея совѣсть.

Послѣ причастія Мери отошла въ сторону. Ей сдѣлалось грустно. Вокругъ ея раздавались взаимныя поздравленія, пожеланія.....

Мери ждала мужа; она надѣялась, что онъ придетъ поздравить ее, но Лопатинъ не пришелъ.

Священникъ замѣтилъ одиночество Мери, выслалъ ей просфору и приказалъ поздравить съ принятіемъ Святыхъ Тайнъ.

Такое вниманіе со стороны священника успокоило Мери; но возбудило зависть въ постоянныхъ, чиновныхъ посѣтительницахъ церкви.

Мери пришла домой; — мужа не было. «Ушелъ», подумала она, «а не могъ зайти въ церковь, поздравить.»

Лопатинъ вернулся къ обѣду, но и тутъ забылъ поздравить жену.

Ему было не до того. Онъ проигралъ все, что получилъ и рыскалъ съ утра до ночи, стараясь достать денегъ.

Петербургская весна отозвалась на здоровьи Мери; у нея опять появился подозрительный чахоточный кашель. Лопатинъ пригласилъ доктора. Тотъ посовѣтовалъ поскорѣе увозить Мери изъ Петербурга. Лопатинъ не зналъ, что ему дѣлать.

По совѣту Звѣркова онъ рѣшился занять деньги подъ залогъ деревень. Звѣрковъ рекомендовалъ ему знакомаго ростовщика. Лопатинъ взялъ подъ залогъ какъ своего, такъ и имѣнія своей жены, двѣ съ половиною тысячи рублей, на полгода. Огромные проценты были вычтены впередъ. Въ слу-

чаѣ неисправной уплаты, Лопатинъ лишался всего залога, который, безъ торговъ, переходилъ въ полную собственность ростовщика.

Лопатинъ надѣялся вернуться къ зимѣ изъ за границы, продать свое имѣніе, уплатить долгъ и поселиться въ имѣніи жены.

Получивъ деньги, онъ, въ избѣжаніе соблазна, тотчасъ же отвезъ ихъ въ одну изъ банкирскихъ конторъ, взялъ векселя и началъ хлопотать о скорѣйшемъ полученіи паспорта.

Лопатину хотѣлось увезти жену до Святой недѣли.

Онъ зналъ, что Мери непремѣнно захочетъ присутствовать при исполненіи всѣхъ церковныхъ обрядовъ страстной недѣли и боялся, что отъ строгаго поста и долгой службы она можетъ еще сильнѣе разстроить свое и безъ того слабое здоровье.

Въ понедѣльникъ, на страстной недѣлѣ, Лопатины выѣхали изъ Петербурга.

Мери поразилъ рѣзкій контрастъ между русскими и нѣмецкими деревнями. У насъ—покривившіяся, почернѣвшія, бревенчатыя избы; тамъ—чистые, бѣлые, обвитые густою зеленью каменные дома. У насъ—только надежда на лучшее будущее; тамъ—полное пользованіе настоящимъ, постепенно-пріобрѣтеннымъ путемъ личной свободы, путемъ умственнаго развитія, путемъ разумнаго, упорнаго труда. Тамъ народъ—властелинъ природы; у насъ—онъ ея рабъ, который всегда, упорно слѣдуетъ завѣтамъ старины и съ трудомъ воспринимаетъ результаты, ничтожнаго по объему, но безконечно великаго по своей могучей дѣятельности человѣческаго разума.

Во все время поѣздки Мери была весела. Ее тѣшило и занимало затруднительное положеніе мужа, незнавшаго ни слова понѣмецки. Лопатинъ сердился, вставлялъ въ русскую рѣчь всѣ, заученныя имъ еще въ корпусѣ, нѣмецкія слова и старался вразумить нѣмцевъ съ помощью всевозможныхъ движеній рукъ и головы.

Лопатинъ не хотѣлъ останавливаться въ Берлинѣ; но Мери отъ долгаго пути ослабѣла и не могла ѣхать далѣе.

На третье утро Лопатины выѣхали изъ Берлина, въ тотъ же день вечеромъ пріѣхали въ Кёльнъ и остановились въ Hôtel du Nord, противъ собора.

На другой день, былъ первый день православной Пасхи.

Мери пошла помолиться въ соборъ. Она еще въ дѣтствѣ слышала объ этомъ архитектурномъ чудѣ отъ покойнаго старика Фрейгофа, знала его поэтическую легенду, имѣла понятіе о его наружномъ видѣ, читала его описаніе;—но всѣ эти познанія оказались ничтожными при видѣ того, что представилось ея глазамъ. Громадная величина собора, стройныя, безконечныя арки, готическія цвѣтныя окна съ нарисованными на стеклѣ событіями изъ жизни Христа, простота и полное отсутствіе тлѣнныхъ украшеній возбудили въ Мери чувство благоговѣнія и невольнаго, таинственнаго страха.

Въ соборѣ шла служба. Пѣвучіе, мелодичные звуки органа безконечными переливами отражались отъ множества сводовъ и замирали въ высотѣ.

Мери тихо подошла къ ближайшей скамейкѣ и опустилась на колѣни.

Возлѣ нея стоялъ, прислонясь къ колоннѣ, какой-то высокій мужчина. Мери кончила молитву, подняла глаза:—и мгновенно, яркій румянецъ покрылъ ея лицо.

Это былъ *онъ*!

То же лицо, тотъ же ростъ, тѣ-же манеры. Сходство было удивительное:—только вмѣсто военнаго мундира на немъ былъ легкій весенній пиджакъ, и маленькая соломенная шляпа небрежно висѣла на его рукѣ.

Незнакомецъ взглянулъ на Мери:—и послѣднее сомнѣніе исчезло.

Это дѣйствительно былъ *онъ*! Такого сходства въ выраженіи глазъ существовать не могло.

Незнакомецъ не спускалъ съ Мери глазъ и, казалось, любовался ея стройной фигурой.

Мери чувствовала на себѣ этотъ спокойный, пронизывающій взглядъ; она опустила голову и боялась поднять глаза.

Служба кончилась. Большая часть молящихся вышла изъ собора; только кое-гдѣ стояли кучки любопытныхъ. Лопатины присоединились къ одной изъ нихъ.

Старый нѣмецъ показывалъ различныя достопримѣчательности собора и разсказывалъ ихъ исторіи. Кончивъ внутренній обзоръ, онъ предложилъ желающимъ подняться на верхъ и полюбоваться великолѣпнымъ, открывающимся оттуда видомъ. Нѣкоторые изъявили свое согласіе; Мери хотѣла послѣдовать за ними, но Лопатинъ отказался.

— Что за охота, говорилъ онъ, взбираться на такую высоту. Пока доберешься до верху, всякій видъ успѣетъ опротивѣть; послѣ самъ не радъ будешь, что полѣзъ. Впрочемъ, если хочешь, ступай одна, прибавилъ онъ: я подожду внизу.

— Я бы пошла, отвѣчала Мери; но боюсь, что у меня отъ непривычки закружится голова и мнѣ трудно будетъ спускаться одной внизъ.

«Въ такомъ случаѣ позвольте вашему соотечественнику предложить вамъ свои услуги», сказалъ кто-то позади ея.

Мери обернулась. Передъ ней стоялъ тотъ же незнакомецъ, котораго она видѣла въ соборѣ, во время службы.

«Графъ Сорель!» рекомендовался говорившій, раскланиваясь съ Лопатинымъ.

Лопатинъ поблагодарилъ графа за предложеніе и представилъ его женѣ. Мери сконфузилась и покраснѣла.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Дѣдъ графа Анатоля, графъ Lucien, Amedée, Sorel de Villebranche считался однимъ изъ первыхъ аристократовъ Версальскаго двора. Онъ началъ свою карьеру лейтенантомъ въ ротѣ тѣлохранителей короля, а кончилъ—гувернеромъ у помѣщика Тамбовской губерніи. Графъ умеръ за нѣсколько мѣсяцевъ до возвращенія на тронъ Бурбоновъ, оставя своего единственнаго 12-ти лѣтняго сына на произволъ случая и судьбы.

Помѣщикъ, любившій и уважавшій покойнаго графа, оставилъ его сына у себя, пріучалъ его постепенно къ сельскому хозяйству и, когда молодому французу минуло 23 года, предложилъ ему мѣсто управляющаго въ одномъ изъ своихъ обширныхъ Саратовскихъ имѣній.

Графъ съ удовольствіемъ принялъ эту должность; она избавляла его отъ бдительнаго и строгаго надзора помѣщика и давала возможность предаться самостоятельной, разгульной жизни среди рабскаго, лишеннаго почти всѣхъ правъ народа. Графъ пріѣхалъ въ имѣніе, принялъ отъ стараго управляющаго изъ крѣпостныхъ управленіе хозяйствомъ и зажилъ полновластнымъ владѣтелемъ нѣсколькихъ сотъ крестьянъ, безпрекословно исполнявшихъ всѣ приказанія своего новаго господина.

Сначала онъ дѣятельно принялся за хозяйство, но вскорѣ облѣнился и жилъ, тратя большія суммы и путаясь все болѣе и болѣе въ своихъ ежегодныхъ, составляемыхъ по вдохновенію отчетахъ.

Онъ сошелся со всѣми ближайшими сосѣдями и былъ кумиромъ сосѣднихъ дамъ, изъ которыхъ многія были жертвами его развратной жизни. Дѣйствительно, среди заплѣснѣвшихъ отъ праздности русскихъ байбаковъ-помѣщиковъ, молодой, красивый, ловкій французъ казался какимъ-то ме-

теоромъ и многія, изъ воспитанныхъ въ московскихъ пансіонахъ барышенъ, съ радостью отдали бы молодому графу свою руку и сердце.

Дамы—тѣ мечтали о другомъ и употребляли всѣ, преподанныя имъ правила кокетства, въ надеждѣ овладѣть сердцемъ графа и имѣть удовольствіе принимать его въ качествѣ интимнаго ami de la maison. При этомъ, конечно, не обошлось безъ сплетенъ, ссоръ и даже одной потасовки, затѣянной двумя черезъ чуръ ревнивыми обожательницами молодаго Сореля.

Графъ наслаждался жизнью вполнѣ. Онъ кутилъ съ мужьями, волочился за женами, но ловко увертывался отъ всѣхъ предложеній по поводу вступленія въ законной бракъ.

Вскорѣ обстоятельства измѣнились. Покровитель графа умеръ.

Его дѣти, служившіе въ гвардіи, приступили къ раздѣлу имѣнія, потребовали отъ графа строгаго отчета и за тѣмъ предложили ему искать другаго мѣста, при чемъ весьма невѣжливо назначили краткій двухнедѣльный срокъ.

Графъ привыкъ къ роскошной жизни; онъ не зналъ какъ выпутаться изъ этого сквернаго, угрожающаго нищетой положенія и рѣшился женитьбой поправить свои изчезнувшія финансовыя средства.

Къ числу его сосѣдей принадлежала одна старая княгиня съ своею единственною дочерью, наслѣдницей тысячи хорошо устроенныхъ крестьянъ. И мать, и дочь были, до конца ногтей, проникнуты своимъ титулованнымъ аристократизмомъ и считали за mésalliance бракъ съ человѣкомъ, имѣвшимъ несчастіе носить фамилію безъ одного изъ тѣхъ титуловъ, которые, какъ извѣстно, существуютъ во всякомъ обществѣ, на какомъ бы низкомъ развитіи оно ни стояло. Но, къ сожалѣнію, въ сосѣдствѣ княгини не оказывалось ни одного титулованнаго смертнаго; ѣхать же на поиски за ними въ Москву княгиня не рѣшалась потому, что была до невѣроятности скупа и даже не могла безъ ужаса подумать о громадныхъ расходахъ столичной жизни. На просьбы дочери мать отзывалась нездоровьемъ и невозможностью покинуть, Богъ знаетъ на чьи руки, усадьбу и

домъ. Время шло; княжнѣ исходилъ третій десятокъ, а женихи не отыскивались.

На эту то перезрѣлую дѣву обратилъ графъ свои планы, которые тотчасъ же увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ. Княжна, давно уже, втайнѣ вздыхавшая по молодомъ французѣ, влюбилась въ него безъ памяти.

Графъ сдѣлалъ предложеніе. Старуха-мать, знавшая графа за отчаяннаго расточителя и кутилу, отказала. Тогда Сорель увезъ княжну и тайно обвѣнчался съ нею въ ближайшей сельской церкви. Старуха не выдержала позора и умерла. Графъ сдѣлался полнымъ обладателемъ перезрѣлой жены и тысячи душъ крестьянъ.

Конечно, этихъ средствъ не надолго хватило бы на различныя затѣи празднаго кутилы, но графъ имѣлъ въ виду многія огромныя наслѣдства, изъ которыхъ нѣкоторыя дѣйствительно достались его женѣ, но въ сущности перешли въ руки самого графа.

Супруга подарила его тремя дѣтьми: сыномъ Анатолемъ и двумя, умершими еще въ младенчествѣ, дочерьми.

Графъ кутилъ на пропалую. Немыслимыя теперь затѣи былыхъ временъ, выдумывались празднымъ воображеніемъ графа и тотчасъ же приводились въ исполненіе.

Недолго оставался онъ вѣренъ своей женѣ, которая наконецъ на все махнула рукою и занялась исключительно воспитаніемъ безумно любимаго ею Анатоля.

Барченокъ росъ, окруженный всевозможными попеченіями матери, и горе было тому, кто осмѣливался не исполнить малѣйшей прихоти капризнаго ребенка. Обыкновенно кроткая графиня становилась тогда неумолимою и даже, разъ, приказала засѣчь крестьянскаго мальчика, дерзнувшаго, при игрѣ съ барченкомъ, бросить въ него камнемъ и ушибить лицо.

Когда графиня умерла, Сорель отослалъ своего 10-ти лѣтняго сына въ лучшій благородный пансіонъ Москвы. Анатоль кончилъ свое образованіе и поступилъ въ гвардейскій кавалерійскій полкъ. Графъ не щадилъ денегъ для приличной обстановки своего сына. Анатоль служилъ и наслаждался вполнѣ праздною, роскошною жизнью богатаго аристократа.

Наконецъ Сорель отецъ померъ. Когда Анатоль привелъ въ извѣстность дѣла своего отца, то увидѣлъ, что долги послѣдняго превышали все его состояніе. Графъ остался безъ ничего.

Но избалованный и испорченный съ дѣтства, онъ не могъ, и не хотѣлъ отказаться отъ удовольствій свѣтской жизни; онъ продолжалъ служить и дѣлалъ долги, изобрѣтая различные грязные и даже преступные способы добыванія необходимыхъ для расходовъ денегъ.

Въ будущемъ онъ надѣялся на примѣръ своего отца, т. е. на такой же бракъ, который могъ разомъ поправить его дѣла и дать ему возможность занять въ ряду избранныхъ счастливцевъ мѣсто, принадлежавшее ему по праву благороднаго происхожденія и заслугъ его древняго аристократическаго рода.

Хотя потомки Карла VII, отъ Агнесы Сорель, не принесли ни малѣйшей пользы новому отечеству графа, но онъ считалъ заслуги своего рода важными для всего человѣчества и потому признавалъ вполнѣ справедливымъ занять видное мѣсто въ ряду русскихъ аристократическихъ родовъ.

Онъ велъ большую, не всегда честную игру, выигралъ порядочную сумму денегъ и поѣхалъ во второй разъ за границу, съ цѣлью покутить сперва, какъ слѣдуетъ, въ Парижѣ, а затѣмъ попытать счастіе на водахъ.

II.

— Если это только не стѣснитъ васъ, графъ; я, съ своей стороны, буду вамъ очень благодаренъ, отвѣчалъ Лопатинъ на предложеніе Сореля. Жена моя страстная охотница до всѣхъ памятниковъ старины и любитъ осматривать ихъ до малѣйшихъ подробностей, а я въ этомъ случаѣ профанъ и довольствуюсь только тѣмъ, что не требуетъ усталости и головоломныхъ восхожденій.

— Нисколько, возразилъ Сорель:— я съ удовольствіемъ взгляну еще разъ на восхитительный пейзажъ, открывающійся съ высоты собора.

— Ну, такъ ступайте себѣ съ Богомъ, а я пока пойду къ банкиру размѣнять вексель. Да если я неравно опоздаю,

такъ ты ступай прямо домой, прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ:—дорогу найти не трудно.

— Гдѣ вы остановились? спросилъ графъ.

— Въ Hôtel du Nord.

— Я тоже. Если позволите, я провожу вашу супругу до отеля.

— Съ удовольствіемъ позволяю, и благодарю за новую любезность.

— Но, можетъ быть, графъ, эта любезность стѣснитъ вашу свободу, которая такъ дорога для путешественника, прибавила Мери.—Говорятъ, путешествующій дорожитъ каждой минутой и съ утра распредѣляетъ свою дѣятельность по часамъ.

— О, нѣтъ! Такъ дѣлаютъ только Англичане. Теперь до того жарко, что днемъ, просто, нѣтъ возможности ходить по улицамъ. Единственное убѣжище—это соборъ. Тамъ и прохладно, и даже свѣжо. Кто-то справедливо замѣтилъ, что каменные соборы служатъ лучшимъ убѣжищемъ для несчастныхъ, незнающихъ какъ избавиться отъ жары.

— Ну-съ, до свиданія! перебилъ его Лопатинъ. — Поручаю вамъ, графъ, мою жену и прошу васъ только не дозволять ей подниматься очень скоро. Для нея это вредно, а она, къ сожалѣнію, не изъ числа вполнѣ благоразумныхъ и не обращаетъ должнаго вниманія на свое слабое здоровье. Прощайте! Пожалуйста, Мери, если почувствуешь себя дурно, не ходи дальше. Графъ, если она будетъ перемогаться, то вы не пускайте ее; такъ таки просто, загородите дорогу и не пускайте. Ну, прощайте!

Лопатинъ ушелъ. Графъ и Мери, въ сопровожденіи нѣмца, пошли къ дверямъ, въ глубинѣ алтаря, и начали взбираться по узкимъ, извилистымъ лѣстницамъ собора. Осмотрѣвъ внутреннія хоры, Мери хотѣла идти выше, но, пройдя нѣсколько ступеней, остановилась. Отъ восхожденія по спиральнымъ лѣстницамъ у нея начинала кружиться голова.

— Что съ вами? спросилъ ее графъ,

— Я немного устала, отвѣчала Мери.

— Такъ отдохните.

— Нѣтъ, ничего; лучше отдохнуть тамъ, добравшись до самой вершины.

— Но до вершины еще далеко, еще болѣе половины пути. Вы не дойдете. Именемъ вашего мужа прошу васъ отдохнуть.

— Нѣтъ, право ничего. Вотъ и прошло! Это такъ только, отъ непривычки.

— Теперь прошло, а станете подниматься, еще хуже будетъ. Я васъ убѣдительно прошу отдохнуть. Я долженъ отвѣчать за васъ передъ вашимъ мужемъ, и, въ силу этой отвѣтственности, прошу васъ не идти далѣе. Сядьте здѣсь, на ступени, отдохните минутъ пять и тогда снова ступайте выше. Времени довольно, торопиться не зачѣмъ.

— Вы такъ добры, но я, право, боюсь злоупотреблять вашею внимательностью; я боюсь стѣснить васъ.

— Полноте, Марья Александровна. Повторяю вамъ еще разъ, что вы меня нисколько не стѣсняете, напротивъ, я очень благодаренъ случаю, давшему мнѣ возможность познакомиться съ вами и отвести душу въ разговорахъ съ своею соотечественницею. А то, повѣрите ли, я просто очумѣлъ отъ этихъ неизмѣримо глубокомысленныхъ нѣмцевъ и ихъ кухонно-чопорныхъ дражайшихъ половинъ.

Мери сѣла. Лѣстница была очень узка. Графъ усѣлся ниже Мери, такъ, что голова его приходилась у ея рукъ. Смышленый нѣмецъ спустился ниже и спрятался за колонной.

Графъ сидѣлъ, играя небрежно своей соломенной шляпой. Мери смотрѣла на красивое лицо Сореля и не вѣрила своимъ глазамъ. Ей казалось удивительнымъ, какъ могло случиться, что она, Мери, сидитъ на ступеняхъ Кельнскаго собора, и такъ близко, почти у ея ногъ—человѣкъ, котораго она видѣла только разъ, три мѣсяца тому назадъ, въ театрѣ далекаго Петербурга, но о которомъ думала безпрерывно, хотя и не надѣялась увидѣть его еще когда нибудь. И вотъ, теперь онъ сидитъ у ея ногъ и все такъ же прекрасенъ, какъ она привыкла вызывать эти черты въ своемъ пламенномъ воображеніи.

Графъ замѣтилъ, что Мери смотритъ на него и нарочно давалъ ей время любоваться его красотой. Наконецъ онъ, въ свою очередь, взглянулъ на Мери. Мери мгновенно покраснѣла и опустила глаза.

«Однако, какая она хорошенькая», подумалъ графъ: «какое интересное личико; просто прелесть! Надо обратить вниманіе и заняться отъ скуки. Мужъ, какъ видно, вовсе къ ней не подходящій:—байбакъ; а она натура энергическая, пламенная, развитая;—дѣло нетрудное».

— Вашъ мужъ, кажется, не большой любитель искусствъ? спросилъ онъ Мери.

— Да, онъ смотритъ на все только съ полезной точки зрѣнія, отвѣчала Мери.

— Но даже и съ этой точки онъ долженъ любить искусства. Польза ихъ для нравственнаго развитія доказана давно.

— Онъ признаетъ только видимую, осязательную пользу; ту, которую можно непосредственно перевести на деньги и вычислить въ процентахъ прибыли или дохода. Впрочемъ, его пріучила къ тому сельская дѣятельность, которая, какъ вамъ извѣстно, пріучаетъ смотрѣть даже на природу, какъ на средство извлекать возможно большій доходъ.

— А! Вашъ супругъ помѣщикъ, т. е. дворянинъ-землевладѣлецъ, какъ слѣдуетъ называть ихъ теперь. Да; для нихъ, въ настоящее время, подобный взглядъ необходимъ и послужитъ единственнымъ средствомъ возстановить нарушенный порядокъ ежегоднаго дохода. Но, съ другой стороны, мнѣ кажется, что человѣкъ, не понимающій прелести искусства, лишенъ важной доли наслажденія жизнью, лишенъ многихъ прекрасныхъ впечатлѣній, которыя какъ-то возвышаютъ душу, просвѣтляютъ ее и въ то же время вознаграждаютъ за пошлую обстановку обыденной жизни человѣка. На меня хорошее произведеніе искусства производитъ невыразимо могущественное впечатлѣніе. Я, напримѣръ, когда вошелъ, въ первый разъ, въ этотъ соборъ, былъ мгновенно объятъ такимъ высокимъ чувствомъ благоговѣнія и восторга, что невольно упалъ на колѣни и въ какомъ то нѣмомъ экстазѣ, безъ словъ, молился Всемогущему Творцу, во имя котораго и понынѣ еще строятъ люди этотъ достойный его имени храмъ. Этого чувства нельзя передать словами, но, мнѣ кажется, что никакіе милліоны дохода не въ состояніи вознаградить несчастнаго, лишеннаго возможности наслаждаться подобнымъ высокимъ движеніемъ души.

Графъ склонилъ голову и сдѣлалъ видъ, будто онъ сильно и глубоко задумался. Въ сущности онъ не испыталъ и тѣни того, о чемъ говорилъ. Онъ придалъ своему лицу приличное обстоятельству выраженіе и искоса наблюдалъ, какое впечатлѣніе произвелъ на Мери его панегирикъ искусству. Онъ былъ мастеръ говорить и считалъ слово могучимъ средствомъ увлеченія людей.

Мери посмотрѣла на графа и не могла оторвать отъ него глазъ: такъ хорошо казалось теперь это восторженно задумчивое лицо.

— И на васъ, конечно, соборъ произвелъ такое же впечатлѣніе? спросилъ графъ.

— О! Да, отвѣчала Мери, но до сихъ поръ я нахожусь въ какомъ то чаду и не могу еще анализировать свое собственное чувство. Когда я вижу или слышу что нибудь прекрасное, оно производитъ на меня какое-то смутное впечатлѣніе. Отчетливость является впослѣдствіи, когда вновь воспроизведешь въ своемъ воображеніи видѣнное или слышанное, тогда являются тѣ детали, которыя исчезали въ массѣ прекраснаго цѣлаго. Это второе наслажденіе еще сильнѣе перваго и, какъ мнѣ кажется, служитъ необходимымъ къ нему дополненіемъ.

Тутъ сидѣвшій за колонной нѣмецъ предварительно громко кашлянувъ, всталъ со ступени, тщательно положилъ потухшій окурокъ сигары въ карманъ и подойдя къ разговаривавшимъ, вѣжливо спросилъ: — не желаютъ ли благородные господа идти дальше.

Графъ помогъ Мери встать и вслѣдъ за нею началъ подниматься по лѣстницѣ.

Добрались до крыши. Видъ оттуда, дѣйствительно, былъ восхитителенъ. Внизу, у ногъ, лежалъ городъ; его дома казались будками, а снующіе по улицамъ люди—маленькими дѣтьми. Проходившій по мосту поѣздъ казался хорошо сдѣланной механической игрушкой. Вокругъ, на всемъ доступномъ глазу пространствѣ, разстилалась безконечная равнина, по которой, узенькой лентой, извивался Рейнъ и вдали сливался съ голубымъ безоблачнымъ небомъ. Легкій вѣтерокъ пріятно освѣжалъ раскраснѣвшееся отъ усталости личико Мери и успокоивалъ ея тяжело дышавшую грудь.

Мери облокотилась на балюстраду и наслаждалась тѣмъ сильнымъ впечатлѣніемъ, которое невольно овладѣваетъ человѣкомъ, смотрящимъ на природу съ большой высоты. Страннымъ казалось ей это суетливое движеніе маленькихъ людей, снующихъ по мрачнымъ, узкимъ улицамъ грязнаго города, тогда какъ вокругъ, на огромныхъ пространствахъ, лишь изрѣдка чернѣлись одинокія, едва замѣтныя фигуры работниковъ, медленно бродившихъ по засѣяннымъ полямъ съ такими же маленькими, запряженными въ плугъ лошадьми.

Отъ непривычки долго смотрѣть внизъ, у Мери закружилась голова. Она инстинктивно протянула правую руку назадъ и схватила руку стоявшаго возлѣ графа; но тотчасъ, какъ будто это прикосновеніе обожгло ее, она отдернула руку и ухватилась за перила.

— Отойдите, сказалъ графъ, — не смотрите внизъ: вамъ дурно. Онъ взялъ ее за руку и отвелъ назадъ. — Извините меня за смѣлость, прибавилъ онъ, — но съ вами могъ сдѣлаться обморокъ, и вы легко могли упасть за перила. Отдохните здѣсь, на этомъ выступѣ и пойдемте внизъ. Смотрѣть вдаль вы можете такъ же удобно и отсюда; вотъ вамъ бинокль; съ его помощью вы легко отличите людей въ тѣхъ далекихъ деревушкахъ, которыя теперь кажутся вамъ темными пятнами на зеленомъ фонѣ земли.

Мери взяла бинокль. Графъ завелъ какой то пустой разговоръ съ словоохотливымъ нѣмцемъ.

Прошло нѣсколько минутъ. Мери встала и изъявила желаніе идти внизъ. Графъ началъ спускаться первымъ и просилъ Мери, въ случаѣ усталости, безъ церемоніи, держаться за его плечи.

Мери спускалась медленно; раза два она останавливалась отдыхать. И снова графъ садился у ея ногъ, и снова она любовалась его красивымъ, мужественнымъ лицомъ.

Придя въ отель, Мери прошла прямо въ садъ, сѣла подъ изящно устроеннымъ навѣсомъ и потребовала лимонаду. Графъ попросилъ позволенія сѣсть возлѣ нея. Онъ приказалъ подать себѣ рюмку хереса и бутылку зельтерской воды. Кельнеръ принесъ требованное, при чемъ прибавилъ, что графа проситъ къ себѣ его сосѣдъ, господинъ капитанъ фонъ-Хвостовъ.

— Pardon madame, сказалъ графъ, вставая съ дивана: — нашъ соотечественникъ. Мы встрѣтились съ нимъ на желѣзной дорогѣ и рѣшились путешествовать вмѣстѣ, пока не найдемъ нужнымъ разъѣхаться. Графъ пошелъ въ отель.

— Гдѣ это ты шляешься? спросилъ Хвостовъ, когда графъ вошелъ въ его комнату.—Неужели тебѣ не противно гулять въ такую жару, по грязнымъ улицамъ первокласно-отвратительной крѣпости. Я ни минуты не сидѣлъ бы здѣсь долѣе, если бы не имѣлъ глупость написать о высылкѣ мнѣ векселя на Кельнъ.

— И въ Кельнѣ есть люди, отвѣчалъ, самодовольно улыбаясь, графъ:—и еще какія хорошенькія; я и въ Парижѣ не встрѣчалъ такихъ.

— Ужь не вчерашняя ли нѣмочка, на которую ты засматривался во время вечерни? Не знаю, что ты нашелъ въ ней хорошаго; такъ себѣ:—кисель какой-то.

— Какое вчерашняя! Вчерашняя—дрянь! А вотъ сегодня я встрѣтилъ красавицу, такъ красавица; и угадай, какой она оказалась націи?

— А, ты ужъ и о національности освѣдомился.

— Нѣтъ, ты угадай! Какое хочешь пари готовъ держать, что сразу не угадаешь.

— Англичанка?

— Нѣтъ!

— Испанка?

— Нѣтъ!

— Не негритянка ли? Помнишь, въ Парижѣ, ты восхищался бархатностью ихъ кожи.

— Нѣтъ, русская! Изъ нашей матушки Россіи; да какъ хороша! Прелесть!

— И въ русскомъ вкусѣ, т. е. толсторожая, толстокожая, а силищи болѣе чѣмъ у двухъ мужиковъ.

— Нисколько! Тонкая, стройная брюнетка, съ большими, темносиними глазами и удивительными чертами лица. А какая ручка, какая ножка.... прелесть!

— О! И замужемъ?

— Замужемъ.

— И мужъ вмѣстѣ съ нею?

— Вмѣстѣ! Да что̀ мужъ! Онъ ей въ подметки не годится. Тюлень какой-то: патентованный русскій помѣщикъ, озлобленный на все въ мірѣ и вѣроятно мечтающій только объ уничтоженіи указа 19-го Февраля. Да вотъ, посмотри самъ, что за красота.

— Гдѣ?

Хвостовъ всталъ съ кровати и подошелъ къ окну.

— Постой! Надѣнь что нибудь. Нельзя же показываться здѣшней публикѣ безъ панталонъ. Скандалъ поднимутъ! Вонъ. эта рыжая англичанка; —сначала насмотрится, а послѣ жаловаться станетъ.

— Очень мнѣ нужно одѣваться въ такую жару, я вѣдь въ рубашкѣ, чего же больше?

Сорель спустилъ штору. — Ну, теперь смотри, сказалъ онъ,—видишь: сидитъ подъ навѣсомъ. Хороша?

Хвостовъ взялъ бинокль и началъ смотрѣть.

Мери сидѣла, облокотясь рукою на столъ. По сосредоточенно-задумчивому выраженію ея лица видно было, что она думала о чемъ-то весьма серіозномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятномъ. Изъ подъ приподнятаго платья выглядывала маленькая ножка, изящно обутая въ миніатюрный полуботинокъ.

— А въ самомъ дѣлѣ хороша! говорилъ Хвостовъ, разсматривая Мери въ бинокль.—Какъ пріятно смотрѣть на эту маленькую ножку сравнительно съ неуклюжими ногами утино-подобныхъ, сидящихъ возлѣ миссъ. Очень хороша! Жалко, что не видно глазъ, но если глаза дѣйствительно большіе, то она красавица, какихъ рѣдко встрѣтишь на землѣ. Худа немного: ну, да лѣтомъ, это скорѣе достоинство, нежели недостатокъ. Чтожъ, ты думаешь пріударить за ней; а?

— Непремѣнно! Оставить безъ вниманія такую красоту грѣшно.

— Ты и меня познакомь. Хотя мнѣ и трудно соперничать съ тобою, но, все-таки, попробовать не мѣшаетъ.

Просьба Хвостова познакомить его съ Мери не понравилась Сорелю. Хвостовъ былъ и глупъ, и грубъ. Онъ старался казаться совершеннымъ денди и иногда, для оригинальности, позволялъ себѣ такія выходки, послѣ которыхъ

каждый старался избѣгать общества этого неприличнаго и наглаго господина.

Сорель свелъ разговоръ на другое. Хвостовъ завалился на кровать и закурилъ сигару. Сорель послѣдовалъ его примѣру и притворился спящимъ, обдумывая между тѣмъ, какъ бы удобнѣе завязать интригу и въ то же время избавиться отъ непріятнаго контроля Хвостова.

Мери сидѣла подъ навѣсомъ. Передъ нею билъ фонтанъ, пріятно освѣжая своими брызгами душный воздухъ. Мери все думала о странной случайности, столкнувшей ее съ графомъ, о восхожденіи на крышу собора, объ отдыхахъ; припоминала слова графа о впечатлѣніи, произведенномъ на него соборомъ.... Въ этой встрѣчѣ она смутно предчувствовала что-то для себя роковое, что-то страшное, отъ котораго слѣдуетъ поскорѣе бѣжать, пока еще не исчезла сила воли, пока еще есть возможность остановиться и не идти далѣе.....

Пришелъ мужъ. Онъ былъ весь мокрый отъ жару, сердился и ворчалъ, проклиная глупый, банный климатъ западной Европы.

— А гдѣ графъ? спросилъ онъ, немного успокоясь.

— Ушелъ къ себѣ, отвѣчала Мери.

— Ходили вы на верхъ?

— Ходили.

— И тебѣ понравилось?

— Понравилось.

— Пожалуй и еще бы пошла?

— Нѣтъ, довольно: тяжело подниматься.

— Благоразумно! А этотъ графъ премилый человѣкъ. Удивительно любезенъ! Я ему предложу путешествовать вмѣстѣ; онъ человѣкъ бывалый, знаетъ эти мѣста и будетъ намъ весьма полезенъ. И мнѣ веселѣй; по крайней мѣрѣ есть съ кѣмъ перемолвить словечко, а то съ этими нѣмцами молчишь, молчишь: просто одурь взяла. Ни слова, бестіи, не понимаютъ.

— Но графъ, должно быть, богатъ, отвѣчала Мери;—онъ вѣроятно ѣздитъ въ 1-мъ классѣ; останавливается въ дорогихъ отеляхъ; можетъ быть, даже поѣдетъ совсѣмъ въ другую сторону.

— Все можетъ быть! Вотъ переговоримъ, такъ и узнаемъ. А теперь оставайся, если хочешь, здѣсь; я-же пойду въ номеръ, раздѣнусь и лягу отдохнуть. Обѣдать будемъ въ саду, тутъ прохладно.

Лопатинъ ушелъ. Мери осталась подъ навѣсомъ.

«Какъ!» подумала она; «онъ же самъ предлагаетъ графу путешествовать вмѣстѣ съ нами, онъ же самъ будетъ просить его объ этомъ.... Какъ это странно!» И снова стала припоминать Мери эту странную встрѣчу, это восхожденіе и отдыхи, во время которыхъ онъ былъ у ея ногъ..... вдвоемъ....., на каменныхъ ступеняхъ собора.....

Желая яснѣе воспроизвести въ своемъ воображеніи всѣ подробности встрѣчи, Мери закрыла рукою глаза и сидѣла неподвижно, не шевелясь.

— Вы дремлете? спросилъ ее тихо знакомый голосъ, отъ звуковъ котораго она содрогнулась и открыла глаза:—Извините меня; я, кажется, испугалъ васъ? вы уснули?

— Нѣтъ, я не спала, отвѣчала Мери:—я, такъ, задумалась.

— А, понимаю! сказалъ графъ, садясь на стулъ противъ Мери:—вы анализируете впечатлѣніе, произведенное на васъ осмотромъ собора, припоминаете детали.... извините; я помѣшалъ вамъ. Графъ приподнялся.

— Нѣтъ, нисколько! отвѣчала Мери:—пожалуста останьтесь! Вдвоемъ легче будетъ вспомнить, легче провѣрить собственное впечатлѣніе, сравнивая его съ впечатлѣніями другаго....

Графъ остался. Завязался оживленный разговоръ объ искусствѣ, во время котораго графъ краснорѣчиво высказалъ многое, что припомнилъ изъ читанныхъ имъ когда-то книгъ. Для Мери слова графа были новостью; она удивлялась его обширнымъ познаніямъ въ искусствѣ, иногда не соглашалась съ его мнѣніемъ, спорила, возражала, доказывала..... Они говорили совершенно свободно, какъ старые знакомые и, глядя на ихъ одушевленные споры, никому бы не пришло въ голову, что они познакомились только за нѣсколько часовъ назадъ. Время до обѣда пролетѣло незамѣтно.

Въ исходѣ 4-го часа пришелъ Лопатинъ и предложилъ графу пообѣдать вмѣстѣ.

За обѣдомъ присутствіе Лопатина стѣсняло и графа и Мери; разговоръ поминутно прерывался. Графъ говорилъ отрывисто и старался сводить разговоръ на самые обыденные предметы. Между прочимъ онъ ловко спросилъ Лопатина; гдѣ тотъ думаетъ провести лѣто.

Лопатинъ отвѣчалъ, что еще не знаетъ.—Отсюда поѣдемъ въ Боннъ, къ брату моей жены, прибавилъ онъ:—поживемъ немного тамъ, а послѣ и дальше. Гдѣ понравится, тамъ и останемся.

Этотъ, «братъ моей жены» пришелся не по вкусу графу и явился нежданной помѣхой его планамъ. Онъ разспросилъ подробно объ этомъ братѣ и весьма обрадовался, когда узналъ, что Лопатины, можетъ быть, не застанутъ этого непрошеннаго брата въ Боннѣ.

На вопросъ Лопатина: куда Сорель думаетъ ѣхать изъ Кельна? онъ отвѣчалъ, что тоже намѣревается пожить въ Боннѣ, а затѣмъ проѣхать по Рейну, останавливаясь для экскурсій въ болѣе живописныхъ мѣстахъ.

Лопатинъ предложилъ путешествовать вмѣстѣ; Сорель съ удовольствіемъ согласился. «Проѣду въ Боннъ,» подумалъ онъ при этомъ, «и посмотрю: нѣтъ брата,—отправлюсь съ ними дальше, а если онъ тамъ, да еще неравно вздумаетъ поѣхать съ нами по Рейну; ну, тогда, скажу, что получилъ экстренное письмо и разстанусь. Съ братьями шутить нельзя. Это только головы мужей созданы для роговъ, а братья!—тѣ зорки; сейчасъ замѣтятъ.»

— Долго думаете вы оставаться въ Кельнѣ? спросилъ онъ Лопатина въ концѣ обѣда.

— Не знаю, отвѣчалъ тотъ,—какъ жена, а по моему, хоть сейчасъ-дальше: такъ мнѣ надоѣлъ этотъ гадкій городъ съ своими узкими, кривыми улицами и смрадными переулками, въ которыхъ два человѣка не могутъ свободно разойтись. Ни одного деревца! Камень, да смрадъ, и примѣчательностей, кромѣ собора, нѣтъ никакихъ.

— Это правда; за то соборъ, одинъ, въ состояніи вознаградить за все: и за жаръ, и за смрадъ.

— Да и въ соборѣ нѣтъ ничего особеннаго: соборъ, какъ соборъ; только повыше, да фасадъ мудренѣе. Посмотрѣлъ и довольно. Не сидѣть же тамъ цѣлые дни.

Графъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на Лопатина и кивнулъ на него Мери.

— А вы большой прозаикъ, Сергѣй Петровичъ, сказалъ онъ;—въ васъ мало развито чувство изящнаго. Неужели вы не признаете заслуги искусства въ исторіи развитія человѣчества?

— Ну-съ, это вы, какъ я вижу, философскій разговоръ заводите; объ этомъ послѣ успѣемъ поговорить; а теперь надо рѣшить вопросъ болѣе практическій, т. е. когда намъ выѣхать изъ Кельна въ Боннъ.

— Выѣхать можно всегда; хоть сегодня же, прибавилъ графъ, замѣтивъ въ саду Хвостова, который, съ pince-nez на носу, приближался къ своимъ соотечественникамъ.

— А что-жъ, и въ самомъ дѣлѣ, сейчасъ, такъ сейчасъ! Ты, какъ думаешь, Мери?

— Мнѣ все равно; я хотѣла бы, еще разъ, посмотрѣть соборъ...

— Внутри посмотрѣть можешь, а на верхъ не пущу, ни за что не пущу. Надо узнать, въ которомъ часу идетъ поѣздъ.

— Въ половинѣ восьмаго, отвѣчалъ графъ.

— Точно-ли?

— Посмотрите сами, если не вѣрите. Графъ вынулъ росписаніе и показалъ Лопатину.

— Нѣтъ, я не то, чтобы не вѣрить, отвѣчалъ сконфуженный Лопатинъ;—а такъ только, для вѣрности. Вы могли запомнить, ошибиться, спутаться... Мери, прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ:—поди. уложи твои вещи.

— У меня все уложено съ утра; мнѣ незачѣмъ и ходить.

— Ну, такъ ступай, если хочешь, въ соборъ, а я пойду въ отель. Надо потребовать счетъ, да повѣрить, а то они канальи, рады писать:—любятъ! Анатоль Аме...де...е...вичъ, нѣтъ! Я ужъ лучше буду называть васъ просто графомъ:—позволите?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Ну и прекрасно! Такъ не пройдетесь ли и вы, графъ, вмѣстѣ съ моей женою. Ей одной неловко какъ то; еще пожалуй пристанутъ; чего добраго, напугаютъ; она забо-

лѣетъ, тогда возись съ нею въ этомъ городѣ; совсѣмъ оберутъ!

— Ты ставишь графа въ весьма неловкое положеніе: ему не ловко отказаться, даже, если бы онъ и хотѣлъ, перебила Мери, желая прекратить непріятный разговоръ мужа о ея здоровьи.—Графъ и безъ того такъ любезенъ къ намъ, такъ внимателенъ.....

Марья Александровна, это вы ставите меня, вашими словами, въ неловкое положеніе, я не знаю, что и отвѣчать.....

— Ну, вотъ видишь ли: хотѣла сконфузить меня, да сама и попалась. Графъ, какъ видно, большой любитель природы и искусства, ты тоже, и наслаждайтесь себѣ этимъ невиннымъ удовольствіемъ вмѣстѣ. Я, графъ, и на будущее время разсчитываю на васъ при нашемъ путешествіи по Рейну; въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ надо взбираться на горы, или прыгать со скалъ; я до этого, признаться, не охотникъ, и съ удовольствіемъ поручу вамъ свою жену, съ условіемъ только не дозволять ей много рѣзвиться и скакать.

— Благодарю за довѣріе, отвѣчалъ графъ, вставая и кланяясь:—съ своей стороны, я.....

— Съ вашей стороны я потребую только одного: если вамъ надоѣстъ путешествовать вмѣстѣ съ нами, то скажите мнѣ объ этомъ прямо, безъ всякихъ стѣсненій, по военному. Скажете?

— Непремѣнно.

— Ну и прекрасно!

— Лопатинъ всталъ и пошелъ въ отель. Графъ съ Мери отправились въ соборъ. Сидѣвшій недалеко Хвостовъ пошелъ вслѣдъ за ними.

Въ соборѣ шла служба. Мери сѣла на скамейку; графъ помѣстился возлѣ нея. «И онъ, самъ, поручаетъ меня ему», думала Мери, «онъ самъ толкаетъ меня въ пропасть! Боже, спаси меня!»—И горячая молитва Мери понеслась къ престолу Всевышняго вмѣстѣ со многими просьбами, молившихся въ соборѣ людей.

Служба кончилась. Хвостовъ вертѣлся около скамейки, придумывая: съ какой бы эффектной фразой подойти къ Сорелю и тѣмъ обратить на себя вниманіе Мери.

Графъ шепнулъ Мери, что время идти: надо уложить чемоданы, расплатиться. Мери поспѣшно вышла изъ собора. Графъ проводилъ Мери до ея номера, вернулся къ себѣ и началъ собираться въ дорогу.

Минутъ черезъ пять пришелъ Хвостовъ.

— Куда это вы убѣжали изъ собора? спросилъ онъ: — а я только что хотѣлъ было подойти. Э, да ты никакъ собираешься въ дорогу! Съ ними, конечно?

— Да, съ ними.

— Куда-же это?

— Въ Боннъ.

— А послѣ?

— Послѣ.... въ Женеву и въ Біарицъ, солгалъ графъ: — купаться въ открытомъ морѣ. Пріѣзжай и ты.

— Непремѣнно пріѣду, вотъ, какъ только получу вексель, сейчасъ же пріѣду. Я думаю, прямо въ Женеву?

— Нѣтъ, пріѣзжай лучше въ Біарицъ. Въ Женевѣ мы пробудемъ всего нѣсколько дней.

— А! значитъ, настоящая атака начнется въ Біарицѣ! Понимаю!

Графъ не отвѣчалъ.

Въ половинѣ восьмаго Лопатины, вмѣстѣ съ Сорелемъ, выѣхали изъ Кельна въ Боннъ.

III.

Въ Боннѣ Лопатины остановились въ Grand Hôtel Royal. Графу предложили единственную, свободную комнату въ 4-мъ этажѣ. Онъ нашелъ ее для себя неудобной и отправился въ сосѣдній Hôtel Belle-Vue.

Комната Лопатиныхъ была въ 3-мъ этажѣ и выходила окнами на Рейнъ. Мери отворила окно. Ей хотѣлось поскорѣе взглянуть на Siebengebierge, о красотѣ которыхъ такъ много говорилъ ей покойный Фрейгофъ. Но ночь была такъ темна, что глазъ съ трудомъ даже могъ отличать деревья въ саду Королевскаго отеля.

Лопатины пошли пить чай въ столовую. Вскорѣ туда пришелъ и графъ.

— Пойдемте въ садъ, сказалъ онъ:—ночь такъ тепла, что совѣстно сидѣть въ комнатахъ. Посмотрите, прибавилъ онъ, обращаясь къ Мери, когда они вышли на балконъ:—какъ манитъ къ себѣ эта таинственная тьма, какъ пріятно уйти въ этотъ непроглядный мракъ и скрыться поскорѣе отъ этихъ освѣщенныхъ комнатъ, отъ суетливаго движенія, отъ этого шума и говора людей. Тамъ тишина, тамъ полное спокойствіе, тамъ можно услыхать только одинъ шопотъ, или тихій, едва слышный разговоръ, потому что какъ-то странно кажется нарушить громкимъ голосомъ эту таинственную тишину ночи.

Они спустились съ балкона и скрылись во тьмѣ.

Садъ королевскаго отеля расположенъ тремя террасами, которыя раздѣляетъ посреди удобный, отлогій спускъ. Черезъ двѣ половины верхней террасы перекинутъ крутой, высокій мостъ. Нижняя терраса упирается въ довольно высокую каменную стѣну, во всю ширину которой, огромными буквами, написана вывѣска отеля. Лопатины спустились на послѣднюю террасу и сѣли на скамейку. Отсюда глазъ уже могъ различать мутныя, темныя воды Рейна; но на противуположномъ берегу виднѣлись только огоньки въ окнахъ отдѣльныхъ домиковъ и деревень. У ногъ слышался плескъ волненія, разбивающагося о деревянные плоты купаленъ; порой, издалека, доносились отдѣльные звуки пѣсни, крика или громкаго хохота, вылетавшаго изъ здоровой, молодой груди. Посреди Рейна блестѣли неподвижные огоньки на лодкахъ, поддерживающихъ канатъ отъ якоря парома.

Графъ сидѣлъ возлѣ Мери. Онъ сознавалъ, что эта обстановка невольно должна дѣйствовать на нее. Многое хотѣлось ему наговорить Мери такого, чтобы встревожило и взволновало ее, но присутствіе Лопатина портило все дѣло.

Они просидѣли около часа и пошли спать.

На другой день Мери съ мужемъ отправились къ брату.

Она легко отыскала площадь съ памятникомъ Бетховена, нашла домъ Гюнтера и постучала у дверей. Высокая, дородная женщина, въ темномъ капотѣ, отворила дверь и спросила: кого имъ нужно?

— Тарскаго, Александра Тарскаго, отвѣчала Мери:—онъ дома?

— Г-на Тарскаго нѣтъ дома.

— Какъ жаль! Когда онъ придетъ, скажите, что къ нему приходила его сестра; скажите, что мы пріѣхали изъ Россіи и остановились въ Королевскомъ отелѣ.

— А, вы его сестра. Жалко! Г-нъ Тарскій не придетъ домой ни сегодня, ни завтра. Онъ ушелъ на прошедшей недѣлѣ въ Гарцкія горы и вернется не ранѣе сентября.

— Но не знаете ли вы, гдѣ онъ? Я напишу ему:—онъ пріѣдетъ.

— Не знаю. Онъ, вѣдь, путешествуетъ пѣшкомъ. Гдѣ ему понравится, тамъ и остановится. Къ Г-ну профессору онъ не пишетъ, ко мнѣ тоже. Мы не знаемъ. Напишите письмо и отдайте мнѣ; если я, какъ нибудь, узнаю, гдѣ онъ, я перешлю. Извините, мнѣ некогда. Вонъ, Г-нъ профессоръ, уже во второй разъ звонитъ; прощайте!

— Прощайте! Какая досада, прибавила Мери, обращаясь къ мужу:—я такъ желала его видѣть, а онъ ушелъ и неизвѣстно куда.

— Сама виновата, матушка, отвѣчалъ Лопатинъ:—я говорилъ тебѣ, что его надо было предупредить заранѣе письмомъ; ты не хотѣла; ты думала сдѣлать ему сюрпризъ,—а вышло хуже. Ну что-жъ, пойдемъ домой, не стоять-же намъ тутъ на солнышкѣ передъ запертою дверью.

— Погоди! Мери подошла къ памятнику Бетховена, и долго вглядывалась въ рѣзкія, энергическія черты этого геніальнаго лица. Затѣмъ она осмотрѣла памятникъ со всѣхъ сторонъ и тогда уже пошла домой.

— Вишь ты! И памятникъ за музыку поставили; смѣялся дорогой Лопатинъ:—ужъ чего эти нѣмцы не выдумаютъ, право!

А Мери думала совсѣмъ о другомъ. Она жалѣла о томъ, что не застала брата; но съ другой стороны, была отчасти и довольна этимъ.

Братъ могъ-бы легко подмѣтить ея чувства къ графу, могъ во многомъ стѣснить ее, могъ даже вынудить графа разстаться съ нею; а этого она боялась болѣе смерти.

Вечеромъ Лопатины, вмѣстѣ съ графомъ, пили на террасѣ чай и опять просидѣли до полуночи въ саду.

Присутствіе Лопатина начинало бѣсить графа. Проводивъ ихъ до отеля, онъ вернулся обратно въ садъ и началъ придумывать: какъ бы пристроить Лопатина подальше отъ его жены.

Онъ припомнилъ, что видѣлъ сегодня, послѣ обѣда, на верхней террасѣ, одного, разслабленнаго старика, который игралъ съ молодымъ мальчикомъ въ пикетъ. Мальчику видимо надоѣло играть; онъ игралъ небрежно, а старикъ сердился и выходилъ изъ себя при каждомъ промахѣ или ошибкѣ со стороны своего юнаго партнера. «Отлично», подумалъ графъ, «сведу ихъ вмѣстѣ: пусть играютъ.»

На другое же утро онъ забрался въ садъ и сталъ ожидать, скоро ли вывезутъ старика на террасу. Наконецъ, высокій, старый лакей, привезъ старика, поставилъ кресло на обычное мѣсто, придвинулъ маленькій столикъ, разложилъ на немъ: книгу, очки, табакерку, платокъ, колокольчикъ и ушелъ.

Графъ разговорился со старикомъ. Его везли изъ Берлина на воды, въ Крейцнахъ; но въ Боннѣ, по совѣту доктора, онъ остановился отдохнуть на нѣсколько дней. Графъ свёлъ разговоръ на игру. Старикъ жаловался на одиночество и скуку.

— Меня теперь ничто не занимаетъ, говорилъ онъ, — кромѣ игры въ пикетъ, до которой я страстный охотникъ. Къ сожалѣнію, я не могу отыскать себѣ порядочнаго партнера; этотъ мальчикъ не имѣетъ никакого понятія объ игрѣ.

— Хотите, я замѣню вамъ его? сказалъ графъ.

— Сдѣлайте одолженіе, отвѣчалъ старикъ,—я вамъ буду весьма благодаренъ. Только я вѣдь по маленькой,—такъ, для препровожденія времени.

— Конечно не для выигрыша.

— Такъ мы можемъ сейчасъ же и начать. Старикъ хотѣлъ позвонить.

— Нѣтъ, погодите, сказалъ графъ, останавливая его за руку.—Самъ я играю очень плохо и не буду играть съ вами. Но здѣсь, въ отелѣ, живетъ мой соотечественникъ, М-г Лопатинъ. Онъ очень любитъ игру и вѣроятно не откажется составить вамъ партію. Хотите, я приведу его и познакомлю съ вами?

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ; весьма буду обязанъ, говорилъ старикъ, посылая, отъ радости, въ обѣ ноздри порядочное количество табаку.

Графъ отыскалъ Лопатина въ тѣнистомъ университетскомъ саду, противъ отеля. Лопатинъ полулежалъ на скамейкѣ и курилъ.

— Что вы тутъ подѣлываете? спросилъ графъ.

— Да вотъ, сижу, курю и зѣваю, отвѣчалъ Лопатинъ и зѣвнулъ.

— Скучно?

— Скучно!

— Хотите, я доставлю вамъ маленькое развлеченіе?

— Въ какомъ родѣ?

— Партію въ пикетъ.

— Съ вами?

— Нѣтъ, не со мной.

— Съ кѣмъ же?

— Замѣтили вы вчера старика, который игралъ на терасѣ съ мальчикомъ въ пикетъ?

— Замѣтилъ.

— Хотите играть съ этимъ старикомъ?

— Но, я его не знаю.

— Я васъ познакомлю; онъ недоволенъ игрой мальчика и просилъ меня найти ему лучшаго игрока.

— Вы его знаете?

— Знаю.

— Пожалуй, пойдемте.

Въ этотъ вечеръ графъ сидѣлъ съ Мери, на нижней терасѣ, только вдвоемъ. Никто не мѣшалъ ему, никто не препятствовалъ говорить все, что взбредетъ на умъ. Онъ говорилъ увлекательно, говорилъ горячо, красно.

Мери жадно ловила его слова. До сихъ поръ никто, никогда, не говорилъ съ нею подобнымъ образомъ; до сихъ поръ она еще не слыхала отвѣта на многое, что волновало ея душу; а теперь! Въ этотъ таинственный, темный вечеръ, она слышала живую, восторженную рѣчь, упивалась выразительной интонаціей тихаго, симпатичнаго голоса—и наслаждалась, и вѣрила, и соглашалась во всемъ. Днемъ: на балконѣ ли отеля или въ прохладномъ, сыромъ гротѣ, или

въ бесѣдкахъ террасъ, она слышала варьяціи все той же темы, которую готова была слушать безъ конца.

Графъ предложилъ Мери осмотрѣть развалины замка Драхенфельса. Къ его досадѣ Лопатинъ изъявилъ желаніе ѣхать вмѣстѣ съ ними.

— Надо побывать хотя въ одномъ замкѣ, говорилъ онъ,— а то совѣстно будетъ вернуться домой.

Послѣ обѣда, въ 6-мъ часу, Лопатины съ графомъ сѣли на пароходъ и доѣхали до Кёнигсвинтера, небольшаго городка у подошвы Драхенфельса. Мери хотѣла взбираться на гору пѣшкомъ, но, по совѣту графа, взяла верховую лошадь.

Двинулись въ путь.

Лошадь шла медленно, осторожно взбираясь по крутому подъему горы. Проводникъ отмахивалъ кнутомъ докучный рой мухъ. Лопатинъ скоро усталъ. Онъ снялъ съ себя пиджакъ, разстегнулъ жилетъ и шелъ, тяжело опираясь на палку. Графъ легко и свободно шелъ возлѣ Мери, называя ей различные, открывавшіеся ихъ взорамъ горы и города. Наконецъ, добрались до вершины. Лопатинъ сердился и ворчалъ.

— Очень нужно было тащиться сюда, говорилъ онъ, снимая пиджакъ и растягиваясь на скамейкѣ:—Усталъ, какъ собака; весь мокрый какъ мышь; а тутъ вѣтеръ, холодно! Легко простудиться, заболѣть! И вида никакого особеннаго нѣтъ, только и разницы, что высоко. Эй! Дайте мнѣ бутылку вина.

— Какого вамъ угодно? спросилъ его содержатель ресторана.

— Все равно, какого-нибудь!

— Краснаго, или бѣлаго?

— Дайте бѣлаго!

Ему принесли бутылку Lorcher. Онъ выпилъ стаканъ и снова завалился на скамейку.

Мери обошла съ графомъ развалины, осмотрѣла ихъ со всѣхъ сторонъ и отойдя подальше отъ ресторана, сѣла въ глубокой нишѣ, полуразвалившагося окна. Графъ сѣлъ возлѣ нея. Видъ изъ окна былъ великолѣпный. На сѣверъ тянулась необозримая равнина, посреди которой извивался Рейнъ. Съ юга, равнину окаймляли горы; они становились все выше и выше, и сливались вдали съ туманомъ. Солнце почти совсѣмъ скры-

лось за горизонтомъ и только его послѣдніе лучи освѣщали высокую башню Драхенфельса. Окраины равнины подернулись дымчатымъ паромъ, изъ-за котораго медленно выплывала большая, красная луна.

— Посмотрите, какъ хорошо, говорилъ графъ:—какая необъятность, какой просторъ, какая прелесть! Какъ легко и свободно дышется на этой высотѣ, какъ сильно бьется сердце, какъ свѣтло и спокойно становится на душѣ. Человѣкъ забывается въ безмолвномъ восторгѣ, посреди этой прекрасной природы; его охватываетъ какое-то сильное, могучее чувство, чувство невѣдомое тамъ! на поверхности ровной земли. Но это только первое впечатлѣніе, а за тѣмъ.... За тѣмъ начинается другое. Человѣкъ чувствуетъ свое одиночество, сознаетъ свое безсиліе, сознаетъ свое ничтожество передъ этою массою, которую объемлетъ его глазъ. Въ человѣкѣ является желаніе раздѣлить съ кѣмъ нибудь охватившее его чувство. Природа хороша, но она мертва! Ей можно удивляться; но любить ее такъ, какъ способенъ любить человѣкъ—нельзя! Она слишкомъ необъятна; ея объятія слишкомъ тяжелы, слишкомъ велики; въ нихъ не можетъ успокоиться человѣкъ. Природа вызываетъ чувство, но не можетъ удовлетворить его. Она хороша какъ средство, но не какъ цѣль. Живому, одушевленному существу, нужно другое, такое же существо, которое въ состояніи было бы проникнуться тѣмъ же чувствомъ искренней, взаимной любви. Необходимымъ дополненіемъ къ этой прекрасной природѣ должна быть ея царица! женщина! вѣнецъ творенія земли. И эта женщина должна любить человѣка, должна быть любима имъ самимъ. Тогда является полное наслажденіе, полное счастіе, которое только доступно намъ на землѣ. Тогда, одно безмолвное пожатіе руки, одинъ пристальный, полувлажный взглядъ выскажутъ многое, чего нельзя выразить словами, чего не понять холодной, бездушной толпѣ. Счастливъ тотъ, кому привелось испытать это чувство; немногимъ дается оно на землѣ!

Графъ умѣлъ говорить, и часто самъ удивлялся своему краснорѣчію. Иногда онъ даже увлекался, но увлеченіе это никогда не шло далѣе словъ; оно являлось слѣдствіемъ

оскорбленнаго самолюбія, а не потребностью молодаго, неиспорченнаго сердца.

Луна поднялась по небу и освѣтила туманную окрестность. Черезъ Рейнъ перекинулся узенькій серебрянный мостикъ, который переливался милліонами звѣздочекъ и сверкалъ отъ тихаго волненія рѣки.

— Пора и домой, сказалъ, подходя къ женѣ Лопатинъ;— сыро: долго оставаться нельзя.

— Подождемъ еще немного, здѣсь такъ хорошо, просила Мери.

— Хорошенькаго понемножку, отвѣчалъ Лопатинъ—ты рада просидѣть тутъ цѣлую ночь; а для твоей слабой груди этотъ сырой, свѣжій вѣтеръ не годится.

— А неправда ли, славный видъ, сказалъ графъ:—полюбуйтесь-ка теперь, когда вы отдохнули отъ тяжелаго подъема.

— Особеннаго ничего не замѣчаю, отвѣчалъ Лопатинъ:— много деревушекъ, много зелени, да рѣка. Такихъ видовъ и у насъ на Волгѣ довольно. Я уже далъ себѣ слово взбираться впередъ на горы неиначе, какъ верхомъ, или въ экипажѣ, да и то, когда гора будетъ не очень высока. Пойдемте; пора!

Они спустились съ горы.

Графъ предложилъ ѣхать въ Боннъ, на лодкѣ. Лопатинъ боялся сырости; графъ отдалъ ему свой небольшой, но теплый пледъ, который всегда бралъ съ собою при прогулкахъ на горы. Мери взялась управлять рулемъ, Лопатинъ сѣлъ на первую скамейку, графъ на вторую и обернулся лицомъ къ Мери. Лодка тихо скользила по спокойной поверхности рѣки. Графъ сидѣлъ противъ Мери и все смотрѣлъ на нее тѣмъ взглядомъ, которымъ до сихъ поръ, никто, никогда, не смотрѣлъ на нее.

Старика увезли. Лопатинъ снова началъ всюду торчать около Мери и мѣшать графу. Послѣдній началъ придумывать новое средство къ его удаленію. Въ разговорѣ, онъ подмѣтилъ страсть Лопатина къ игрѣ. «Заманю его въ Висбаденъ», думалъ графъ, «пусть онъ попробуетъ въ рулетку; она его развлечетъ».

Разъ, послѣ обѣда, когда они усѣлись вдвоемъ на террасѣ и закурили сигары, графъ, какъ бы мимоходомъ, спросилъ Лопатина: — долго ли онъ думаетъ оставаться въ Боннѣ.

— Незнаю, отвѣчалъ Лопатинъ, морщась и поглаживая руками свое правое колѣно.

— Что съ вами?

— Ревматизмъ проклятый! Прогулка на Драхенфельсъ не прошла безнаказанно: съ той же ночи заломило колѣни; вотъ и теперь—нѣтъ, нѣтъ, да такъ заноетъ, хоть волкомъ вой!

— Извините меня; я не зналъ, что вы страдаете ревматизмомъ; я не предложилъ бы вамъ кататься ночью на лодкѣ.

— Ну, да ужъ знали-ли, не знали-ли, это дѣло прошлое; назадъ не вернешь.

— Давно ли вы страдаете ревматизмомъ?

— Давно! Года два не безпокоилъ: я думалъ было, что совсѣмъ прошелъ; а вотъ, опять!

— Такъ что же вы сидите тутъ, въ Боннѣ, безъ всякой пользы. Поѣзжайте въ Висбаденъ! Пейте и купайтесь въ Кохбруненѣ:—какъ рукой сниметъ.

— Я, что-то не очень вѣрю всѣмъ этимъ водамъ; это, скорѣе, похоже на шарлатанство.

— Нѣтъ! Кохбруненъ просто дѣлаетъ чудеса. Полумертвымъ калекамъ, людямъ разбитымъ параличемъ, подагрикамъ онъ возвращаетъ здоровье и отпускаетъ съ такимъ запасомъ силъ, которыхъ, при благоразумной жизни, хватитъ на долго. Я самъ знаю много примѣровъ изъ числа моихъ знакомыхъ; я просто не вѣрилъ своимъ глазамъ.

— Благодарю васъ за совѣтъ; я съ удовольствіемъ поѣду. Не знаю только, какъ жена.

— Со стороны Марьи Александровны, я не думаю, чтобы встрѣтились препятствія.

— Мери, спросилъ Лопатинъ, когда она пришла къ нимъ и усѣлась съ работой за столъ;—вотъ, графъ, совѣтуетъ мнѣ ѣхать лечиться въ Висбаденъ; какъ ты думаешь объ этомъ?

— Въ Висбаденъ?

— Да, въ Висбаденъ! Графъ говоритъ, что тамъ лучшій источникъ противъ ревматизма.

— Но тамъ эта азартная игра,—рулетка.

— О, не бойтесь! перебилъ ее графъ.—Несмотря на рулетку, общество тамъ весьма порядочное; есть много людей, которые даже и не заглядываютъ никогда въ игорныя комнаты. Тамъ свой постоянный кружокъ любителей и поклонниковъ богини случая, т. е. фортуны.

— Для меня все равно; но для мужа.... Онъ любитъ поиграть. Игра будетъ волновать его, будетъ вредить его здоровью, и тотъ запасъ, который онъ пріобрѣтетъ отъ источника, онъ, съ избыткомъ, оставитъ въ курзалѣ.

— О, неужели! Сергѣй Петровичъ такъ благоразуменъ, что съумѣетъ удержаться.

— Разумѣется, объ этомъ нечего и говорить! перебилъ его Лопатинъ, недовольно посматривая на Мери.—А вы съ нами, графъ?

— Съ вами. У меня на Висбаденъ взятъ вексель. Поѣдемте, Марья Александровна. Окрестности Висбадена восхитительны; климатъ превосходный! Мы сядемъ здѣсь на пароходъ и проѣдемъ лучшія мѣста Рейна до Бибриха, а тамъ, черезъ полчаса, и въ Висбаденѣ. Поѣдемте завтра; дни стоятъ теплые, свѣтлые; прогулка по Рейну доставитъ вамъ большое удовольствіе. Мы выѣдемъ изъ Бонна въ часъ, а въ 11-ть уже будемъ въ Висбаденѣ. Скоро, спокойно и хорошо!

Онъ убѣдилъ ихъ ѣхать завтра.

Мери не хотѣла ѣхать въ Висбаденъ; она боялась за своего мужа. Но съ другой стороны, прогулка съ *нимъ* по Рейну, поѣздки съ *нимъ* по окрестностямъ Висбадена были такъ заманчивы, что она согласилась.

— Какъ же ты не хотѣлъ заѣзжать въ тѣ города, гдѣ есть рулетка? спросила она мужа, когда ушелъ графъ.

— Я бы не поѣхалъ, но этотъ проклятый ревматизмъ, замучилъ совсѣмъ;—покоя нѣтъ!

— А ты не будешь играть?

— Не знаю; заранѣе обѣщать не могу.

— Но будешь благоразуменъ?

— Конечно!

— Дай мнѣ слово! Она протянула къ нему свою руку.

— Изволь, даю, отвѣчалъ онъ, сжимая ея маленькую ручку въ своей широкой, мускулистой ладони.

Лопатины съ вечера уложили свои вещи. На другое утро они отправили ихъ съ портье, а сами пошли на пристань, по берегу Рейна, пѣшкомъ. Графъ взялъ имъ билеты.

Огромный, американскій пароходъ показался снизу и подошелъ къ пристани. Много пассажировъ высадилось въ Боннѣ, много вошло на пароходъ, но порядокъ на пристани не нарушался. Сначала выпустили тѣхъ, кто сходилъ на берегъ, потомъ пустили желающихъ ѣхать. Не было ни шума, ни давки, ни тѣсноты. Единственный, полицейскій стоялъ у спуска, но и его присутствіе было почти излишне. Каждый самъ заботился о порядкѣ, каждый самъ привыкъ къ нему съ дѣтства, каждый убѣдился въ его необходимости и пользѣ.

Пароходъ подождалъ ровно столько, сколько ему слѣдовало; за тѣмъ свистнулъ—и отошелъ отъ пристани.

VI.

Мери усѣлась на самомъ концѣ носовой палубы, возлѣ нея сѣлъ графъ, сбоку, на скамейкѣ—Лопатинъ.

Вотъ остался позади и садъ Королевскаго отеля, въ которомъ Мери провела хотя и короткое, но счастливое время, и котораго она не надѣялась болѣе увидѣть въ своей жизни.

Пароходъ присталъ къ Кенигсвинтеру, гдѣ высадилъ много путешественниковъ. На палубѣ стало просторнѣе и тише.

Мери любовалась великолѣпными видами, которые поминутно мѣнялись передъ ея глазами. Она знала эти берега; она знала ихъ еще съ дѣтства, по разсказамъ покойнаго Фрейгофа и невольно вспомнила о немъ, проѣзжая его любимыя, родныя мѣста. «Не годится,» припомнилось ей. «О, еще какъ не годится!» подумала она, посматривая на мужа. «Ни тѣни чувства, ни тѣни любви къ изящному, ничего! положительно ничего!»

Лопатинъ лежалъ на скамейкѣ и игралъ съ маленькой, привязанной къ столу собаченкой. Къ нему подошелъ кельнеръ съ вопросомъ: желаетъ ли онъ обѣдать за table d'hôte?

— Мери, ты будешь обѣдать? спросилъ Лопатинъ.

— Нѣтъ, я ни за что не сойду съ этого мѣста, отвѣчала она:—я не хочу пропустить ни одного вида; я лучше пообѣдаю послѣ, когда мы пріѣдемъ въ Висбаденъ.

— Зачѣмъ же послѣ, вмѣшался графъ.—Можно устроить иначе. Велите подать обѣдъ сюда. Мы придвинемъ къ вамъ этотъ маленькій столикъ, и вы можете, въ противность пословицѣ, дѣлать два дѣла разомъ; т. е. обѣдать и любоваться природой!

— Пожалуй, сказалъ Лопатинъ:—я согласенъ; на воздухѣ какъ то больше аппетита.

Пароходъ поднимался по Рейну, разсѣкая гладкую, но мутную поверхность воды. Справа его обогналъ поѣздъ желѣзной дороги; онъ долго извивался по склону горы и наконецъ исчезъ изъ глазъ. По горамъ, сплошною массою зеленѣли виноградники, между которыми мелькали крошечные домики сторожей. По обоимъ берегамъ бѣлѣлись чистенькіе, веселые городки съ мрачными, готическими церквами, да остатками старинныхъ башенъ и стѣнъ.

Графъ совѣтовалъ пообѣдать до пріѣзда въ Кобленцъ, потому что тамъ, вѣроятно, сядетъ много народа и кельнеру неловко будетъ пробираться по палубѣ. Лопатинъ заказалъ обѣдъ. Передъ Мери поставили столъ, накрыли приборы. Графъ устроилъ такъ, что Мери не пришлось даже сдвинуться съ мѣста.

Пообѣдали скоро. Лопатинъ съ графомъ выпили по бутылкѣ рейнвейна и заставили Мери попробовать изъ каждой бутылки, говоря, что стыдно ѣхать по Рейну и не попробовать мѣстнаго вина. Рейнвейнъ не понравился Мери.

— Кисло, крѣпко и нехорошо; сказала она.

— Не понимаешь толку, отвѣчалъ Лопатинъ.

Послѣ обѣда онъ растянулся на скамейкѣ и заснулъ. Графъ велѣлъ убрать столъ, подставилъ Мери табуретъ и предложилъ ей протянуть ноги. Она поблагодарила и съ удовольствіемъ протянула свои маленькія, кокетливо обутыя ножки.

Пароходъ зашелъ въ Кобленцъ, прошелъ черезъ разведенный мостъ и продолжалъ подниматься по рѣкѣ. Виды измѣнялись. Все чаще и чаще стали попадаться дикія, голыя скалы, на неприступныхъ вершинахъ которыхъ виднѣ-

лись развалины старинныхъ замковъ. Мери знала исторію ихъ, знала связанныя съ ними народныя легенды и разсказывала ихъ графу простымъ, но поэтическимъ языкомъ. Она одушевилась. Въ этихъ легендахъ говорилось все о любви. Правда, она часто кончалась весьма печально, но за то, иногда увѣнчивалась прочнымъ, истиннымъ счастіемъ на всю жизнь.

Рейнъ дѣлалъ частые и крутые повороты, такъ что Мери казалось, будто она переѣзжаетъ безконечный сплошной рядъ озеръ. Природа становилась все суровѣе и безлюднѣе. По обоимъ берегамъ Рейна тянулись насыпи желѣзныхъ дорогъ, которыя часто пропадали въ мрачныхъ отверзтіяхъ туннелей. Вѣтеръ свѣжѣлъ и порядочныя волны заходили по рѣкѣ. Пароходъ приближался къ знаменитой Lurleifelsen.

Почти отвѣсная скала выступила впередъ и, казалось, заграждала путь.

Ни одного деревца, ни одной травки не было замѣтно на ея голой вершинѣ и крутыхъ, слоистыхъ бокахъ. Поѣздъ желѣзной дороги выскочилъ изъ туннеля, пронизавшаго этого великана и тотчасъ же пропалъ въ другомъ. Дикія скалы со всѣхъ сторонъ окружили пароходъ. Никакого движенія, никакихъ слѣдовъ жизни не было замѣтно на ихъ неприступныхъ вершинахъ. Только мутныя волны Рейна съ шумомъ разбивались объ ихъ гранитныя подножья и дробясь, отступали назадъ. Дикій пейзажъ былъ поразительно волшебно хорошъ. Тутъ никогда не было тишины, тутъ всегда завывалъ вѣтеръ, свободно разгуливающій по узкимъ ущельямъ.

Мери съ большимъ чувствомъ прочла графу поэтическую балладу Гейне о Лурлеѣ. Графъ попросилъ повторить. Она съ удовольствіемъ повторила еще разъ.

Потянулся длинный рядъ заброшенныхъ, разваливающихся замковъ. Вотъ показался и Пфальцъ, высокая крѣпковыстроенная, на островѣ, посреди Рейна, крѣпостца, когда-то гроза и ужасъ проходящихъ судовъ. Пароходъ спокойно обогнулъ знаменитую, взорванную Пруссаками скалу, Bingerloch, около которой, въ прежнее время, много гибло неуклюжихъ, тяжелыхъ кораблей. Промелькнула на островѣ и старая, но хорошо сохранившаяся башня, извѣстная по

своей поэтической легендѣ о съѣденномъ мышами епископѣ Гатто. Справа показалось устье Наге. Пароходъ причалилъ къ Бингену. Солнце исчезало за склономъ разступившихся горъ. Свѣжій, весьма холодный вѣтеръ пронималъ насквозь. Лопатинъ ушелъ въ каюту. Мери надѣла пальто. Графъ укуталъ ее своимъ широкимъ пледомъ. За Бингеномъ, Рейнъ расширяется почти вдвое. Часто стали попадаться острова. Горы отошли на далекій, задній планъ. Потянулись низменныя, покрытыя лѣсомъ мѣста. Темнота быстро охватила землю. На мачтахъ парохода зажгли фонари. Пассажиры толпились около машины, согрѣваясь теплымъ, выходившимъ изъ растворенныхъ оконъ, воздухомъ.

Мери задремала, укачиваемая мѣрнымъ шумомъ разсѣкаемыхъ волнъ. Пароходъ присталъ къ Бибриху. Мери полусонная влѣзла въ нанятую коляску и дорогой заснула опять. Пріѣхали въ Висбаденъ. Мери едва только добралась до комнаты, какъ проворно раздѣлась и тотчасъ же уснула крѣпкимъ, мертвымъ сномъ.

Лопатины, по совѣту графа, остановились въ отелѣ Зеленаго лѣса.

Отель этотъ находится возлѣ главной лютеранской церкви и потому, какъ говорилъ графъ, всегда легко можетъ быть отысканъ. Но при этомъ у графа была другая цѣль, о которой онъ, конечно, не сказалъ никому. Графъ зналъ, что въ этомъ отелѣ никогда не останавливаются Русскіе, выбирающіе мѣста поближе къ источнику или къ рулеткѣ; а для графа присутствіе въ одномъ отелѣ съ Лопатиными кого нибудь изъ ихъ соотечественниковъ было бы весьма непріятно потому, что Русскіе, за границей, съ удвоеннымъ усердіемъ занимаются сплетнями про всѣхъ своихъ.

Самъ графъ помѣстился въ отелѣ Нассау. Онъ, когда былъ при деньгахъ, любилъ окружать себя всевозможнымъ комфортомъ и потому останавливался всегда въ отеляхъ, гдѣ не могло встрѣтиться препятствій его избалованному, прихотливому вкусу.

На другой день пришлось Воскресенье.

Мери, еще на пароходѣ, предупредила графа, что ея первый выѣздъ въ Висбаденѣ будетъ къ обѣднѣ, въ православную церковь. Она проснулась довольно поздно, проворно одѣлась и едва растолкала своего мужа, который долго ворчалъ и не хотѣлъ вставать. Едва они успѣли напиться чаю, какъ пришелъ графъ.

— Пора ѣхать, сказалъ онъ.—Я уже нанялъ коляску; она дожидается насъ у подъѣзда.

Они усѣлись и поѣхали. Графъ нарочно выбралъ коляску поуже. Онъ сидѣлъ на маленькой скамеечкѣ, противъ Мери и, какъ бы невольно, касался своими колѣнами ея ногъ.

Наша русская, православная церковь расположена за городомъ на склонѣ высокой, поросшей лѣсомъ горы. Она стоитъ на тщательно расчищенной и усыпанной пескомъ площадкѣ, къ которой ведетъ нѣсколько дорогъ. Церковь не велика, но построена съ большимъ вкусомъ, просто и безъ всякихъ излишнихъ вычуръ и затѣй. Ея высокіе, прочно и ярко вызолоченные купола блестятъ на далекое разстояніе.

Коляска подъѣхала къ церкви. На паперти, у дверей, стоялъ осанистый, пожилой человѣкъ, въ черномъ длинноломъ нѣмецкомъ сюртукѣ, и съ черной же, невысокой шляпой на головѣ.

— Это смотритель церкви, сказалъ графъ.

— Что, обѣдня уже началась? спросилъ Лопатинъ.

Смотритель не отвѣчалъ. Лопатинъ повторилъ вопросъ. Тотъ все-таки молчалъ. Графъ улыбался.

— Что, онъ глухъ, что ли? спросилъ Лопатинъ, обращаясь къ графу.

— Нисколько, отвѣчалъ тотъ: — онъ нѣмецъ и ни слова не понимаетъ по-русски.

— Какъ! Смотритель нашей церкви, и не понимаетъ по-русски? спросила, съ удивленіемъ, Мери.

— Да! Его дѣло наблюдать за порядкомъ, показывать церковь и собирать за это на водку.

— Но развѣ для этого не могли выписать изъ Россіи русскаго, знающаго нѣмецкій языкъ. Одинъ видъ этого нѣмца, обязаннаго показывать любопытнымъ нашу церковь-

произвелъ на меня непріятное, тяжелое впечатлѣніе. Что можетъ онъ объяснить имъ, когда онъ самъ не понимаетъ значенія каждой стоящей въ церкви вещи, когда онъ самъ смотритъ на свою обязанность, только какъ на средство получать ежедневный доходъ.

— Всяко бываетъ! отвѣчалъ съ усмѣшкой Лопатинъ: — еще этотъ нѣмецъ получаетъ за свой трудъ нѣмецкія деньги, а сколько есть ихъ у насъ, въ Россіи, которые занимаютъ коронныя мѣста, живутъ на нашъ счетъ и даже не зададутъ себѣ труда выучиться порядочно говорить по-русски.

— Служба началась? спросилъ, по-нѣмецки, графъ.

— Да, отвѣчалъ нѣмецъ.

Мери вошла въ церковь и встала въ уголокъ, передъ правымъ, устроеннымъ по недостатку мѣста, въ задней сторонѣ церкви, клиросомъ. Она такъ давно не слыхала службы на своемъ родномъ языкѣ; она такъ давно не молилась въ православномъ храмѣ, въ которомъ привыкла молиться съ дѣтскихъ лѣтъ, что на нее, эта тихая, наизусть извѣстная ей служба произвела отрадное, давно уже не испытанное ею впечатлѣніе. Она опустилась на колѣни и забылась въ безмолвной, жаркой молитвѣ Творцу.

Обѣдня еще не начиналась. Въ алтарѣ слышался тихій голосъ священника, произносившаго извѣстныя молитвы при приготовленіи Святыхъ Даровъ. Дьячекъ, не торопясь, внятно и съ глубокимъ чувствомъ, читалъ псалтырь. Народу въ церкви не было почти никого. Графъ съ Лопатинымъ встали у входа и осматривали церковь. Внутри, она вся обложена мраморомъ, а куполъ украшенъ изящными медаліонами Евангелистовъ и Святыхъ. Къ ея лѣвому боку примыкаетъ довольно большая, полукруглая пристройка, въ которой стоитъ великолѣпный изъ бѣлаго мрамора саркофагъ. Онъ поставленъ надъ могилой супруги герцога Нассаусскаго В. К. Елизаветы Михаиловны и отдѣленъ отъ церкви массивными, бархатными портьерами, обложенными по краямъ широкою золотою бахрамою.

Лопатинъ вполголоса распрашивалъ графа о разныхъ примѣчательностяхъ церкви.

— Позвольте молиться, сказалъ дьячекъ, обратившись къ разговаривающимъ.

Эти слова были сказаны такъ кротко, такъ вѣжливо, что Лопатинъ невольно покраснѣлъ и замолчалъ.

Началась обѣдня. Церковь по-немногу стала наполняться русскими; пріѣхали кое-кто и изъ иностранцевъ.

Среди этой съ дѣтства знакомой службы, при звукахъ небольшаго, но стройнаго хора, поющаго православныя молитвы на родномъ, русскомъ языкѣ, какъ-то невольно забываешься и только, по окончаніи обѣдни, когда выйдешь на паперть, нѣмецкая рѣчь, да полное отсутствіе нищихъ напоминаютъ, что вы находитесь въ чужой, иновѣрной странѣ.

По окончаніи обѣдни, Мери изъявила желаніе отслужить молебенъ. Горячо молилась она, когда священникъ провозгласилъ молитву за страждущихъ, путешествующихъ, недугующихъ и плѣненныхъ. Она тоже путешествовала; она тоже страдала; но вмѣстѣ съ тѣмъ, это страданіе служило для нея источникомъ безконечныхъ радостей на землѣ.

Послѣ молебна Лопатины осмотрѣли церковь, гробницу и пошли на русское кладбище. Оно находится недалеко отъ церкви, но скрыто отъ нея высокими, густо разросшимися деревьями. Кладбище расположено двумя террасами и обнесено довольно высокою, каменною стѣною. Стѣна, вся покрыта сплошною массою вьющейся зелени, которая поднимается по воротамъ и обвиваетъ массивный каменный крестъ. Внутренность кладбища скорѣе похожа на уединенный, заросшій цвѣтами садъ. Могилы расположены по краямъ стѣны; середина занята искусно распланированными куртинами цвѣтовъ, между которыми проложены, чисто выметенныя, усыпанныя краснымъ пескомъ дорожки. Почти каждый памятникъ обнесенъ чугунною рѣшеткою и обсаженъ миртами, лаврами, да кустами роскошныхъ, пахучихъ розъ. На многихъ могилахъ стоятъ вазы съ большими букетами свѣжихъ цвѣтовъ. Верхняя терасса оканчивается полукружіемъ, въ центрѣ котораго стоитъ небольшая часовня, съ неугасимою лампадою передъ образомъ Богоматери и младенца Христа.

Мери читала надгробныя надписи, изъ которыхъ нѣкоторыя были на иностранныхъ языкахъ.

У подножья одного бѣлаго мраморнаго памятника сидѣла молодая женщина, вся въ черномъ, съ выраженіемъ глубокой печали на блѣдномъ, миловидномъ лицѣ. Въ ея правой рукѣ былъ большой букетъ цвѣтовъ; въ лѣвой она держала бѣлую фарфоровую вазу, наполненную свѣжей водой. Другой такой же букетъ уже былъ опущенъ въ другую вазу, стоящую на послѣдней мраморной ступени. Не трудно было догадаться, что молодая женщина принесла изъ города букеты на дорогую для нея могилу, вставила одинъ изъ нихъ, хотѣла вставить и другой, но остановилась,—и какая-то печальная дума овладѣла ея головой. Она сидѣла неподвижно, прислонясь къ холодному мрамору памятника. У ея ногъ, прехорошенькая 3-хъ лѣтняя дѣвочка весело и беззаботно играла вынутыми букетами увядшихъ цвѣтовъ.

Мери прошла мимо этой женщины и три раза перекрестилась, помянувъ молитвой неизвѣстнаго ей покойника.

Лопатинъ съ графомъ сняли шляпы и послѣдовали ея примѣру. Молодая вдова поблагодарила ихъ легкимъ наклоненіемъ головы.

Въ правомъ углу кладбища, на высокой гранитной скалѣ, Мери прочла слѣдующую трогательную надпись: Миръ праху твоему, ангелъ-женушка. Благодарю тебя за жизнь между нами, благодарю за нѣжную любовь, за дружбу и за счастливѣйшую, семейную нашу жизнь! Да воздастъ тебѣ Господь Богъ за все и все.... сторицею!!!

«Вотъ эта такъ была счастлива,» подумала Мери, «ей суждено было составить и счастье другаго. Надъ моею могилой не будетъ такой надписи: моя семейная жизнь!... Да ея не существуетъ вовсе!» Рядомъ съ этимъ памятникомъ едва замѣтна крошечная насыпь съ маленькимъ мраморнымъ крестомъ, почти скрытымъ за массою мелкихъ цвѣтовъ. Это могила дѣвочки, которой только два мѣсяца суждено было пожить на землѣ. Мери невольно вспомнила и о своемъ малюткѣ-сынѣ. Тотъ умеръ прежде рожденія, прежде чѣмъ успѣла проявиться сила жизни въ его почти готовомъ для ея воспріятія организмѣ.

Графъ предложилъ съѣздить за одно на Неробергъ; но Мери устала. Она вернулась домой и легла отдохнуть.

Въ четыре часа они пошли на музыку въ курзалъ.

Зданіе курзала построено въ одинъ этажъ. Середину составляетъ большая зала для баловъ и концертовъ; вправо, идутъ игорныя и читальныя комнаты; влѣво: — столовая, бильярдная и кухня. За курзаломъ—обширная площадка, до половины усаженная деревьями, подъ тѣнью которыхъ разставлено множество скамеекъ и столовъ. За площадкой—большой прудъ, съ островкомъ, мостиками, лебедями, дикими утками и массою различной, мелкой рыбы. Кормленіе этой рыбы служитъ не малымъ развлеченіемъ для взрослыхъ и для дѣтей. За прудомъ—обширный тѣнистый садъ. Комнаты курзала роскошно убраны большими зеркалами, бронзою и украшены живописью по потолку и стѣнамъ. Масса позолоты бьетъ въ глаза.

Мери осмотрѣла комнаты и вышла вмѣстѣ съ графомъ на площадку. На эстрадѣ играла музыка. Графъ отыскалъ для Мери свободный стулъ и ушелъ заказать къ 5-ти часамъ обѣдъ.

Лопатинъ тоже осмотрѣлъ комнаты; но его не поразило, ни роскошное убранство, ни разговоръ на различныхъ языкахъ; нѣтъ! Его вниманіе привлекли небольшія кучки людей, стоящихъ около длинныхъ, поставленныхъ посреди комнаты овальныхъ столовъ. «Такъ вотъ она, рулетка!» подумалъ онъ.

Лопатинъ подошелъ поближе къ одной изъ кучекъ; взглянулъ.... На обтянутомъ зеленымъ сукномъ столѣ были нарисованы какія-то клѣтки съ надписями, номерами и нашитыми четыреугольниками изъ краснаго и чернаго сукна. На сукнѣ, въ различныхъ мѣстахъ, лежали золотыя и серебряныя монеты: нѣкоторыя—въ клѣткахъ, нѣкоторыя—по краямъ. Посреди стола, съ обѣихъ сторонъ, сидѣли по два крупье. Около нихъ лежали длинные столбики серебра, стояли чашки съ золотомъ и металлическіе ящички для банковыхъ ассигнацій и билетовъ. По одному крупье сидѣло и на каждомъ краю стола.

Въ середину стола вдѣланъ деревянный полушаръ, по окружности котораго расположены 37-мь небольшихъ гнѣздъ. Передъ каждымъ гнѣздомъ поставленъ, на обведенномъ квадратикѣ, номеръ. Половина квадратиковъ окрашена въ красный, другая—въ черный цвѣтъ. Посреди полушара, на

вертикальной, стальной оси вращается деревянный кругъ, поверхность котораго выложена мѣдью и немного приподнята къ центру.

Маленькій, бѣленькій шарикъ быстро кружился по окраинѣ полушара, затѣмъ, соскочивъ на колесо, скатился въ одно изъ гнѣздъ. Крупье выкликнулъ номеръ. Черныя лопаточки заходили по столу. Однѣ обирали проигранныя деньги, другія прибирали выигрышъ. Затѣмъ отовсюду протянулись руки и начали раскладывать деньги по столу. Снова завертѣлось колесо, и опять кое-кто выигралъ; а большая часть проиграла. Игра шла быстро. Деньги неслышно скользили по сукну, и только звукъ сталкивающихся монетъ нарушалъ тишину.

Въ игорныхъ комнатахъ разговаривать запрещено.

Лопатинъ посмотрѣлъ и пошелъ въ другую комнату. Тамъ играли въ «trente et quarante». То же устройство, но нѣтъ номеровъ и колеса. Одинъ изъ крупье раскладывалъ карты въ два ряда, считая въ каждомъ до 30-ти и выбрасывая затѣмъ, еще одну карту (фигуры считаются за 10-ть). Въ которомъ ряду бо́льшая цифра, та сторона и выиграла.

Въ третьей комнатѣ опять играли въ рулетку; въ четвертой—въ «trente et quarante».

Послѣдняя игра показалась Лопативу менѣе занимательною, онъ опять подошелъ къ рулеткѣ, посмотрѣлъ—и поставилъ гульденъ на «rouge». Черная лопаточка придвинула къ его гульдену другой. Лопатинъ протянулъ было руку, чтобы достать выигрышъ; но почувствовалъ, какъ кто-то тянулъ его за полу жакета. Онъ оглянулся. Сзади, изъза толпы, манилъ его графъ и показывалъ пальцемъ на открытый ротъ. Лопатинъ взялъ деньги и пошелъ обѣдать.

— Соблазнились? спросилъ его графъ, когда они вышли изъ игорныхъ комнатъ.

— Только что передъ вами, отвѣчалъ Лопатинъ,—и выигралъ.

— Кто умѣетъ играть, тотъ всегда выиграетъ, сказалъ графъ и слегка усмѣхнулся.—Надо только наблюдать, выжидать полосы, и пользоваться ею.

Послѣ обѣда они пошли, всѣ трое, на площадку, потребовали кофе и незамѣтно проболтали часа полтора.

Графъ предложилъ Мери прогуляться по саду. Она согласилась. Графъ пригласилъ и Лопатина, но тотъ отказался, подъ предлогомъ, что онъ, сегодня, все утро былъ на ногахъ и очень усталъ.

— Я пойду, почитаю, сказалъ онъ.

— И поиграю? прибавилъ, улыбаясь, графъ.

Мери съ укоризной взглянула на мужа.

— Нѣтъ, не буду, отвѣчалъ онъ зѣвая:—надоѣдаетъ стоять, а до стульевъ не доберешься: вѣчно заняты.

Мери съ графомъ пошли по аллеѣ около пруда. Лопатинъ посидѣлъ немного, затѣмъ всталъ и пошелъ въ курзалъ. До читальныхъ комнатъ онъ не дошелъ, а остановился около рулетки и началъ по-немногу принимать участіе въ игрѣ.

На другой день графъ повелъ Мери на Неробергъ, а вечеромъ они опять сошлись въ курзалѣ; на третій—они осмотрѣли вмѣстѣ развалины Зоненберга; на четвертый—съѣздили, въ колескѣ, въ Бибрихъ. Эти ежедневныя прогулки, вдвоемъ, по разнообразнымъ, живописнымъ окрестностямъ Висбадена, невольно дѣлали Мери болѣе откровенною передъ графомъ, сближали ее съ нимъ и неудержимо влекли впередъ. Она чувствовала, какъ графъ, съ каждымъ днемъ, опутывалъ ее своими чарами, чувствовала, что онъ скоро овладѣетъ ею; но не имѣла силы оттолкнуть его, не имѣла воли отказаться отъ его любви. Возвращаясь съ прогулки, графъ провожалъ Мери до дверей ея комнаты и тотчасъ же уходилъ. Онъ сознавалъ, что эта красавица скоро будетъ принадлежать ему, онъ выжидалъ случая, но не считалъ комнату Мери удобною для своихъ цѣлей и не позволялъ себѣ дать хотя малѣйшаго повода къ сплетнямъ между болтливою прислугою отеля.

V.

— Сегодня я приготовилъ вамъ сюрпризъ, сказалъ графъ, входя къ Лопатинымъ въ одинъ ясный, безоблачный майскій день.

— Что такое? спросила Мери.

— Вы не откажетесь?

— Не знаю; скажите, что такое!

— Нѣтъ! Сначала дайте слово, что не откажетесь.

— Такъ нельзя давать слова, заранѣе, вмѣшался Лопатинъ: — а если вы предложите что нибудь невозможное?

— За кого же вы меня принимаете? спросилъ, съ легкой укоризной, графъ.

— Ну хорошо; я согласна; я исполню; быстро сказала Мери:—только говорите скорѣе, что такое?

— Помните: вы вчера говорили мнѣ, что, въ прежнее время, очень любили и часто катались верхомъ; я не забылъ вашихъ словъ и вчера отыскалъ верховую лошадь, великолѣпно выѣзжанную подъ дамское сѣдло.

— А... благодарю васъ; но я такъ давно не ѣздила, я не знаю....

— Съ нею можетъ сдѣлаться дурно, вмѣшался Лопатинъ.

— Мы попробуемъ, отвѣчалъ графъ:—можете вы ѣхать: —поѣдемъ; не можете:—возьмемъ экипажъ. Только прогулки верхомъ доставляютъ гораздо болѣе удовольствія; можно смотрѣть такія мѣста, которыя недоступны для экипажей и до которыхъ далеко пробираться пѣшкомъ. За лошадь я вамъ ручаюсь, прибавилъ онъ: я самъ пробовалъ ее вчера. Спокойна, какъ кресло и слушается просто одного голоса, безъ всякаго движенія рукъ.

— Хорошо, попробуемъ! Съ вами я не боюсь:—вы не допустите меня упасть. Кстати я, совершенно случайно, захватила съ собою амазонку.....

— Прекрасно! Единственное затрудненіе, которое могло бы задержать прогулку, и то исчезло. Отобѣдайте сегодня пораньше; въ два часа. Къ тремъ я велю привесть лошадей—и поѣдемъ. Графъ ушелъ.

Въ три часа онъ уже стучалъ въ комнату Мери.

— Вы однѣ? спросилъ онъ.

— Одна, отвѣчалъ за нея Лопатинъ.

Мери была уже одѣта.

— Ѣдемте! сказала она, прикалывая кокетливо надѣтую маленькую, сѣрую мушкатерку:—ѣдемте! Я готова.

Они спустились съ лѣстницы и вышли на улицу. Графъ вынесъ стулъ, помогъ Мери сѣсть въ сѣдло, взялъ лошадь за поводья и повелъ по улицамъ.

— Ничего, оставьте! говорила Мери;—я и одна справлюсь.

— Нѣтъ! Здѣсь, въ узкихъ улицахъ, я не рѣшаюсь; лошадь можетъ испугаться чего нибудь, отскочить въ сторону.... и тогда...

— Не позволяйте ей долго скакать! крикнулъ имъ вслѣдъ Лопатинъ:—ей это вредно.

— Постараюсь! отвѣчалъ графъ.

Когда они выѣхали на широкую Elisabeth-Straße, графъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ рядомъ съ Мери. Она смѣло сидѣла въ сѣдлѣ. Она хотѣла было поднять лошадь въ галопъ, но графъ отсовѣтовалъ.

— Дорога идетъ довольно крупно въ гору, сказалъ онъ:—мѣсто открытое;—можно скоро утомить лошадей. Тамъ, въ лѣсу, пробуйте сколько угодно, я за васъ не боюсь. Сейчасъ видно, что вы были хорошею наѣздницею и не отвыкли до сихъ поръ.

Они выѣхали за городъ и, шагомъ, начали взбираться на Неробергъ. День былъ великолѣпный. Ни одно облачко не блуждало по свѣтлосинему небу. Солнце пекло довольно сильно; лошади медленно поднимались по горѣ. Мери выпустила поводья и, держась руками за луку́, полудремала, укачиваемая мѣрною походкою своего коня.

Наконецъ добрались до вершины Нероберга. Графъ велѣлъ подать бутылку лимонада. Холодный лимонадъ пріятно освѣжилъ Мери. Графъ предложилъ отдохнуть. Мери не согласилась, она изъявила желаніе ѣхать дальше.

— Куда же мы поѣдемъ? спросилъ графъ.

Мери подъѣхала къ столбу, къ которому были прибиты доски съ надписями, указывающими дорогу въ окрестныя мѣста, и время, въ которое пѣшеходъ можетъ ихъ достигнуть. Felsengruppe—¼ Stunde, прочла Мери.

— Что это за группа; вы были тамъ, графъ? спросила она Сореля.

— Не знаю; отвѣчалъ онъ;—не былъ.

— Поѣдемте туда; кстати дорога идетъ лѣсомъ:—пріятнѣе ѣхать.

Она повернула лошадь и поскакала; графъ послѣдовалъ за нею. Дорога дѣйствительно шла лѣсомъ. Сначала она поднималась въ гору, затѣмъ круто повернула влѣво и начала спускаться, извиваясь между большими, старыми деревьями. Наконецъ она уперлась въ узкую гряду скалъ. Мери соскочила съ лошади.

— Взберемтесь туда и отдохнемъ; я устала, сказала она графу.

Графъ привязалъ лошадей къ дереву. Мери подобрала на руку длинное платье и пошла по узенькой тропинкѣ, пролегающей по вершинѣ скалы. Она дошла до ея середины и остановилась.

Скала крутымъ обрывомъ спускалась глубоко внизъ. По обрыву росли большія деревья. Справа отъ Мери вилась вырубленная въ камнѣ лѣстница, исчезавшая подъ нависшимъ гребнемъ скалы.

Мери хотѣла спуститься по этой лѣстницѣ, но боялась запутаться въ длинномъ шлейфѣ своего платья. Она встала на первую ступень и, въ нерѣшимости, остановилась.

Графъ сошелъ ниже и, обернувшись къ Мери, подалъ ей свою руку. Мери слегка облокотилась на нее своей маленькой ручкой и начала осторожно спускаться.

Они пришли на небольшую площадку. Ее скрывалъ отъ вершины нависшій уступъ скалы. Косо растущія по обрыву деревья образовали надъ площадкой густой, зеленый шатеръ. Отъ края площадки шелъ крутой обрывъ, почти сплошь покрытый небольшою елью, да сосной. Внизу, у подножья обрыва, вилось широкое шоссе, пропадавшее между деревьями, за угломъ. За дорогой поднималась гора; на ней гдѣ-то, невидимо, бѣжалъ ручей и его мелодическое журчаніе одно прерывало торжественную тишину знойнаго дня. На площадкѣ лежали причудливые отломки скалъ; въ ея глубинѣ стояла прислоненная къ скалѣ деревянная скамейка, вокругъ которой были разбросаны ощипанные, увядшіе цвѣты.

Это былъ прелестный, уединенный уголокъ, скрытый совершенно отъ глазъ любопытныхъ и, казалось, самою природою устроенный для таинственныхъ, нѣжныхъ сценъ

любви. Мери сѣла на скамейку, прислонясь къ углу. Графъ сѣлъ на другомъ концѣ.

Мери вытянула на скамейкѣ свои маленькія ножки и жадно вдыхала въ себя знойный воздухъ, навѣвавшій какое-то томленіе и дремоту.

Графъ невольно любовался стройною фигурою Мери и ея раскраснѣвшимся отъ скорой ѣзды личикомъ. Онъ пожиралъ ее глазами. Чувство бѣшеной, животной страсти клокотало въ его груди и яркой краской выступало на щекахъ. Онъ всталъ со скамейки и сѣлъ у ногъ Мери, на выступившій обломокъ скалы.

Мери старалась избѣгать его страстнаго взгляда. Предчувствіе близкой опасности стѣснило ея грудь; но какая-то неотразимая сила влекла ее къ любимому человѣку. Мери опустила головку и полузакрыла глаза.

Тихимъ, взволнованнымъ голосомъ началъ говорить ей графъ о своей любви; онъ клялся въ искренности и чистотѣ своего чувства; просилъ выслушать его до конца; упрекалъ Мери въ холодности и яркими красками описывалъ безконечное счастіе взаимной любви. Въ его голосѣ слышались слезы.

Этотъ дрожащій, прерывающійся голосъ обаятельно дѣйствовалъ на горячую натуру Мери. Впервые слышала она, полныя огня слова страсти и отъ кого же? Отъ человѣка, котораго любила сама, которому—будь она свободна—отдалась бы безъ малѣйшаго колебанія, навсегда! Она видѣла передъ собою прекрасное, оживленное страстью лицо любимаго человѣка.... у нея кружилась голова.... Графъ взялъ ея маленькія ручки, поднесъ ихъ къ своимъ пылающимъ губамъ и осыпалъ безконечными поцѣлуями.....

Вокругъ не было ни души.... Легкій вѣтерокъ еще болѣе разжигалъ горячую кровь.

Уже рука графа охватила стройную талію Мери... она чувствовала его горячее дыханіе, слышала его страстный шепотъ..... Инстинктивнымъ движеніемъ откинула она назадъ свою головку: ея длинные, черные волосы выбились изъ подъ сѣтки и разсыпались по плечамъ. Мери не помнила себя; какая-то чудная нѣга разливалась по ея жиламъ, какое-то новое, томительно-сладостное чувство охваты-

вало душу.. .. сильно забилось сердце..... она закрыла глаза.....

По ступенямъ лѣстницы раздались звуки тяжелыхъ человѣческихъ шаговъ. Графъ съ проклятіемъ отскочилъ отъ Мери. Какой то туристъ осторожно спускался со скалы. По его худощавой, рыжей фигурѣ не трудно было признать въ немъ представителя великой британской націи.

Увидя посторонняго, Мери опомнилась. Она проворно вскочила со скамейки, быстро прошла мимо англичанина, поправляя свои выбившіеся волосы, сама отвязала лошадь, вскочила въ сѣдло и полнымъ галопомъ начала подниматься на гору. Графъ послѣдовалъ за нею. Англичанинъ сошелъ на площадку, досталъ изъ кармана гидъ, прочиталъ нѣсколько строкъ, спряталъ книгу въ карманъ, вынулъ бинокль и началъ разсматривать окрестный видъ.

Мери доскакала до площадки, на которой расположена русская церковь. Здѣсь она остановилась, соскочила съ лошади, взошла на паперть и постучала въ запертую дверь. Дверь отворилась. Мери вошла въ церковь и опустилась на колѣни передъ образомъ Богоматери. Нѣмецъ вышелъ. Мери отерла свое мокрое отъ волненія и скорой ѣзды лицо и склонила передъ образомъ свою головку. Вспомнилась ей другая церковь, вспомнилась недѣля говѣнія, припомнились и правдивыя слова исповѣдника-священника.... Мелькнуло и то, какъ близко была она сейчасъ отъ паденія.....

Мери хотѣла молиться, но не могла. Ей грезилось страстное лицо, слышался его тихій, взволнованный голосъ; она еще чувствовала его горячее дыханіе на своихъ пылавшихъ щекахъ. Она подождала немного; но молитва не шла на умъ. Она вышла изъ церкви.

Графъ стоялъ на площадкѣ и курилъ. Онъ держалъ за поводья лошадей, которыя уныло склонили головы отъ жары. Онъ помогъ Мери сѣсть на лошадь. Мери галопомъ пустила лошадь подъ гору и такъ доскакала до города. Здѣсь она поѣхала шагомъ, доѣхала до отеля, не дожидая помощи графа, сама соскочила съ лошади и быстрыми шагами начала подниматься по лѣстницѣ. Графъ велѣлъ ком-

миссіонеру отвести лошадей. Онъ догналъ Мери у дверей ея комнаты.

— Оставьте меня... я устала... извините, прошептала Мери, затворяя за собою дверь.

Графъ постоялъ, подождалъ и пошелъ въ курзалъ. Тамъ онъ сѣлъ на площадкѣ у незанятаго стола. Къ нему подскочилъ garçon. Онъ прогналъ его къ чорту. Garçon не понялъ, но отошелъ. Графъ сидѣлъ, похлыстывая себя тросточкой по сапогамъ и съ ненавистью посматривалъ на бродившихъ англичанъ, изъ которыхъ, одинъ, такъ глупо, помѣшалъ ему достигнуть давно задуманной и столь жадно желанной цѣли.

Мери, не раздѣваясь, бросилась на диванъ и долго лежала не шевелясь. Многое передумала она и послѣ долгаго колебанія, рѣшилась избѣгать впередъ всякой возможности оставаться съ графомъ наединѣ.

На другой день Мери, съ утра, ушла въ курзалъ. Она долго читала газеты, затѣмъ пошла гулять по саду; вернулась только къ обѣду, отыскала мужа и, къ его крайнему удивленію, предложила пообѣдать вмѣстѣ. Лопатинъ не понималъ, съ чего это жена торчитъ цѣлое утро въ курзалѣ; онъ подумалъ, что она пришла наблюдать за нимъ, надулся и сидѣлъ цѣлый обѣдъ молча. Послѣ обѣда Мери снова пошла въ садъ.

Сорель заходилъ утромъ въ отель. Ему сказали, что Мери ушла. Онъ зашелъ послѣ обѣда. Тотъ же отвѣтъ. Онъ пошелъ въ курзалъ, увидѣлъ тамъ Мери, подошелъ къ ней и завелъ какой-то пустой разговоръ. Возлѣ нихъ сидѣло много знакомыхъ графу русскихъ. Графъ предложилъ Мери пройтись по саду. Она отказалась. Немного спустя онъ предложилъ ей, на завтра, прогулку верхомъ; она снова отказалась, подъ предлогомъ, что верховая ѣзда слишкомъ вредно дѣйствуетъ на ея слабую грудь. Графъ посидѣлъ съ Мери еще немного и всталъ.

— Пойду играть, сказалъ онъ ей тихо.—Сегодня я долженъ много, много выиграть.

— Почему? спросила Мери.

— По пословицѣ! отвѣчалъ онъ вздохнувъ.

На другой день Мери, все утро, просидѣла дома. Во второмъ часу графъ постучалъ въ дверь ея комнаты и попро-

силъ позволенія войти. Мери извинилась, но не пустила графа подъ предлогомъ, что она не совсѣмъ хорошо чувствуетъ себя со вчерашняго вечера. Графъ ушелъ.

Вечеромъ они снова увидѣлись въ саду. Графъ предложилъ Мери прогулку въ экипажѣ; Мери отказалась.

Такъ прошло четыре дня.

Безконечно длинными и грустными показались они Мери. Не легко обходилась ей ея рѣшимость. Она, цѣлые дни, непрерывно думала о немъ, о своемъ любимомъ Анатолѣ; она цѣлый часъ плакала навзрыдъ послѣ того, какъ не пустила его, подъ предлогомъ нездоровья, къ себѣ въ комнату. По вечерамъ, она сидѣла въ саду; она говорила вздоръ, когда онъ сидѣлъ возлѣ нея; но за то не спускала съ него глазъ и пристально слѣдила за нимъ все время, пока онъ гулялъ по площадкѣ или присаживался къ кружку знакомыхъ ему семействъ. Такъ тянулся безконечный убійственный день.

Настанетъ длинная темная ночь—Мери не спится. Неровными, сильными ударами билось въ ея груди неспокойное сердце; кровь огнемъ разливалась по жиламъ, и жгла, и томила ее.

По цѣлымъ часамъ лежала она на спинѣ, закинувъ назадъ свою головку и широко раскрывъ глаза. Она жаждала отвѣта на свое чувство; ей грезились: страстные взоры, горячія объятія, поцѣлуи..... ея обнаженныя руки тщетно обнимали воздухъ, а полураскрытыя уста шептали чье-то завѣтное, дорогое имя.

Возлѣ спалъ мужъ и мѣрно всхрапывалъ. Мери старалась отогнать неотвязно преслѣдовавшій ее образъ любимаго человѣка и поминутно ворочалась, желая скорѣе уснуть. Мужъ просыпался, спрашивалъ Мери, что съ нею, не больна ли она, прикладывалъ руку къ ея пылающему лбу; но не получая отвѣта, переворачивался на другой бокъ, засыпалъ и снова начиналъ храпѣть. А Мери, охвативъ руками свою головку, рыдала какъ безумная и боясь разбудить мужа, прятала свое личико въ холодныя подушки.

Не скоро засыпала она; но и во снѣ не знала, бѣдная, покоя. Разгоряченное воображеніе рисовало предъ ней такія картины счастія, которыя въ дѣйствительности были невоз-

можны, о которыхъ она боялась даже мечтать. Ей снилось, что она его невѣста! Въ великолѣпно освѣщенномъ храмѣ шелъ обрядъ вѣнчанія. Священникъ обмѣнялъ ихъ кольца, обвелъ вокругъ алтаря и велѣлъ, по обычаю, поцѣловать другъ друга. Съ какою гордостью, съ какимъ могучимъ чувствомъ безграничнаго счастія поцѣловала она своего милаго. Отнынѣ, — она его законная жена; отнынѣ, никто, кромѣ нея, не имѣетъ права назвать ея Анатоля своимъ.... Никто! А гдѣ же тотъ, чье имя она носила до этого завѣтнаго, давно желаннаго дня.... Мери тревожно оглядывалась вокругъ. Вотъ онъ вошелъ въ церковь, подошелъ къ священнику и началъ что-то тихо говорить ему.... Вдругъ, все измѣнилось! Въ храмѣ потухли свѣчи; Мери въ глубокомъ траурѣ стояла на колѣняхъ, склонивъ на грудь свою головку; а священникъ, поднявъ надъ головою крестъ, проклиналъ клятвопреступницу, проклиналъ ту, которая нарушила добровольно данную клятву и покрыла позоромъ имя своего мужа. Вокругъ виднѣлись незнакомыя лица, слышались угрозы, оскорбленія.... Мери становилось страшно; она громко вскрикивала, и просыпалась. Лопатинъ приписывалъ эти припадки приливамъ крови къ головѣ и совѣтовалъ Мери пить на ночь стаканъ холодной воды.

Мери чувствовала, что еще нѣсколько дней—и она не въ силахъ будетъ совладѣть съ своимъ чувствомъ; она хотѣла во всемъ открыться мужу, уѣхать куда нибудь подальше, и разстаться навсегда съ тѣмъ, кого любила всѣми силами своей души, всѣмъ могуществомъ, всею страстью первой любви. Не разъ подходила она къ мужу, пристально всматривалась въ его глаза и.... и слова признанія замирали на ея губахъ. «Нѣтъ», думала она, «онъ не пойметъ меня, ему покажутся дики мои рѣчи, онъ еще будетъ смѣяться надъ ними».

Мери, какъ мы знаемъ, никогда не любила своего мужа, она даже не уважала его; а теперь, положительно презирала эту холодную, эгоистичную натуру, смотрѣвшую на жену, какъ на красивую игрушку и считавшую любовь пустымъ словомъ, не стоющимъ вниманія практическаго человѣка.

Тяжела была дли Мери эта постоянная борьба между чувствомъ и долгомъ, и дорого обходилась она ей. Мери была одна; ей некому было довѣриться, не съ кѣмъ было раздѣлить того чувства, которое такъ сильно владѣло ея сердцемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тревожило ея еще чистую совѣсть.

Съ своей стороны графъ, въ первый разъ въ жизни встрѣтившій столь упорное сопротивленіе въ молодой женщинѣ, рѣшился, во чтобы-то ни стало, овладѣть ею. Его самолюбіе было сильно раздражено и онъ, со свойственной ему опытностью, придумалъ новый планъ дѣйствій.

VI.

Графъ началъ ухаживать за одной молодой русской барышней, недурненькой, но весьма глупой и притомъ окончательно сбитой съ толку своей милой мамашей, которая всѣми средствами старалась поскорѣе сбыть дочку съ рукъ.

Графъ думалъ возбудить въ Мери ревность и не ошибся. Мери не могла равнодушно выносить ухаживанья графа; она сердилась на него, сердилась на себя, сердилась на все окружающее ее общество.

Она приходила въ курзалъ къ вечерней музыкѣ и оставалась до ея конца.

Графъ изрѣдка подходилъ къ Мери, говорилъ съ нею о разныхъ пустякахъ, затѣмъ вскорѣ раскланивался и подсаживался къ русской барышнѣ. Онъ позволялъ себѣ обращаться съ нею весьма свободно: шутилъ, смѣялся, шепталъ ей на ухо всякій вздоръ и вообще держалъ себя, какъ человѣкъ, которому подобное препровожденіе времени доставляетъ большое удовольствіе. Барышня вертѣлась какъ стрекоза, говорила бездну глупостей, била графа вееромъ по рукамъ, весьма искусно сердилась, надувала губки и тщательно исполняла всѣ пріемы, которымъ научила ее нѣжная maman. Maman сидѣла возлѣ, но дѣлала видъ, будто не замѣчаетъ многаго, хотя чутко прислушивалась къ словамъ и нашептываніямъ графа.

А у Мери слезы застилали глаза, и какое-то скверное, злобное чувство копошилось въ груди. Она ненавидѣла эту молодую дѣвушку; она не разъ пристально и подробно осмо-

трѣла ее, сравнила съ собой и не понимала, что нашелъ въ ней графъ, чѣмъ могла увлечь его эта весьма обыденная и пустая дѣвочка. Правда, она держитъ себя съ нимъ совершенно иначе; но вѣдь она свободна.....

Мери рѣшилась не ходить болѣе въ курзалъ. Она оставалась дома или уходила гулять на Неробергъ; но, безъ графа, прогулка не доставляла ей никакого удовольствія; ничто не занимало ея, ничто не могло замѣнить его присутствія, къ которому она такъ легко и такъ скоро привыкла.

Два дня выдерживала Мери эту пытку. На третій, когда ея мужъ ушелъ по обыкновенію въ курзалъ, она долго сидѣла въ какой-то нерѣшимости на диванѣ, затѣмъ подошла къ столу, взяла маленькій листокъ бумаги и написала:

«Умоляю тебя всѣмъ, что для тебя свято и дорого на «свѣтѣ, уѣзжай!—не мучь меня долѣе».

М.

Она свернула письмо, задумалась, потомъ медленно разорвала его и написала другое, замѣнивъ слово «тебя» словомъ «васъ» и измѣнивъ окончанія глаголовъ.

Она вложила письмо въ первую, попавшуюся ей подъ руки книгу, завернула ее въ бумагу и отослала къ графу.

Прошло нѣсколько минутъ. Врожденная гордость упрекала Мери за ея поступокъ. Она позвонила, хотѣла вернуть посланнаго, но уже было поздно.

Когда графу принесли книгу, онъ сидѣлъ у открытаго окна и курилъ сигару.

— Отъ кого? спросилъ онъ.

— Отъ г-жи Лопатиной.

Графъ развернулъ бумагу. Увидя книгу, онъ немного удивился; но затѣмъ, тотчасъ-же взялъ ее за обѣ стороны переплета и встряхнулъ. Изъ книги вывалилась записка. Графъ самодовольно улыбнулся.

«Ага,» подумалъ онъ, «теперь ты моя!» Онъ прочиталъ письмо, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и началъ писать отвѣтъ.

«Благодарю васъ, Мери,» писалъ онъ, «за ваше письмо, «за ваше довѣріе ко мнѣ. Ни минуты не медля, исполнилъ «бы я вашу просьбу; но не могу! Нѣтъ силъ, нѣтъ воли! «Я люблю васъ, люблю такъ, какъ никого, никогда не лю-

«билъ! День, проведенный безъ встрѣчи съ вами, для меня «потерянный день. Безъ васъ, для меня нѣтъ счастья, нѣтъ «цѣли въ жизни! Зачѣмъ мы не встрѣтились раньше, зачѣмъ «другой предупредилъ меня и связалъ вашу жизнь желѣз«ною цѣпью брака!...

«Повѣрьте! я мучусь не менѣе васъ; но я счастливъ, я «безгранично счастливъ! Теперь я увѣренъ, что ты любишь «меня, моя дорогая, моя чудная Мери! Зачѣмъ же ты всюду «избѣгаешь меня? Не бойся своей любви; довѣрься вполнѣ «этому высокому чувству, вѣрь мнѣ: оно честно, и потому «не доведетъ тебя до дурнаго. Стань выше предразсудковъ «глупаго свѣта и не скрывай того, что достойно взаимно«сти, а не тайны. Ты свободна! Что далъ тебѣ мужъ? Онъ «не съумѣлъ понять, не съумѣлъ оцѣнить твоей прекрасной, «жаждующей любви души и потому не имѣетъ надъ тобою «никакого права.

«Сегодня, вечеромъ, онъ, по обыкновенію, уйдетъ въ кур«залъ. Позволь-же мнѣ придти расцѣловать твои маленькія «ручки и высказать то, что такъ сильно волнуетъ сердце, «но выходитъ такъ мертво и холодно на бумагѣ».

Твой Анатоль.

Графъ перечиталъ письмо, повозился надъ знаками препинанія, тщательно заклеилъ конвертъ, вложилъ его въ одинъ изъ взятыхъ у Мери томовъ Шиллера и позвонилъ. Вошелъ кельнеръ.

— Въ отель Зеленаго Лѣса, г-жѣ Лопатиной, № 30-й, сказалъ графъ, отдавая кельнеру книгу.

— Schön! отвѣчалъ тотъ.

Графъ закурилъ потухшую сигару и спустился въ столовую, обѣдать.

Какъ ни старался онъ растянуть свой обѣдъ, времени оставалось еще много. Онъ вернулся въ свою комнату; попробовалъ заснуть—не спится; читать—но книга валилась изъ рукъ. Онъ затворилъ ставни, спустилъ шторы, легъ на диванъ и курилъ сигару за сигарой, поминутно посматривая на часы. Наконецъ онъ задремалъ.

Насталъ желанный часъ. Графъ, съ особеннымъ стараніемъ, занялся своею наружностью; выбралъ наиболѣе идущій къ нему костюмъ, повертѣлся передъ зеркаломъ, ста-

раясь придать этому костюму изысканно-небрежный видъ, и пошелъ, увѣренный на этотъ разъ въ полномъ успѣхѣ своей послѣдней, рѣшительной атаки.

Онъ пришелъ въ отель Зеленаго Лѣса и началъ подниматься по лѣстницѣ, шагая разомъ черезъ нѣсколько ступеней.

Г-на Лопатина нѣтъ дома! закричалъ ему снизу портье, знавшій, что графъ, только и ходитъ въ отель къ однимъ Лопатинымъ.

— Знаю, отвѣчалъ, не останавливаясь графъ.

— И его супруги тоже!

На этотъ разъ графъ остановился.—Тоже? спросилъ онъ,

— Да!

— Вы не ошибаетесь?

— Нѣтъ! Я самъ видѣлъ, какъ она ушла. Да вотъ и ключъ отъ ихъ номера.

«Что за чортъ!» подумалъ графъ:—Давно ушли?

— Часа полтора.

— Вмѣстѣ?

— Вмѣстѣ!

Графъ медленно спустился съ лѣстницы и вышелъ на улицу. «Не обидѣлась ли она», думалъ онъ, «я, кажется, ужъ черезъ чуръ рѣзко хватилъ. Она, должно быть, не поддается нахальству, какъ другія. Странная женщина! Какъ она разжигаетъ меня своимъ поведеніемъ: я просто готовъ, хоть въ петлю влѣзть, только бы овладѣть ею. Надо поправить ошибку. Куда она пошла? Если вмѣстѣ съ мужемъ, то въ курзалъ:—у того другой дороги нѣтъ. Пойду туда! Только надо переодѣться; этотъ костюмъ не годится. Онъ слишкомъ кидается въ глаза и обращаетъ на себя вниманіе».

Графъ пришелъ домой, переодѣлся, придумалъ что сказать Мери при встрѣчѣ и отправился въ курзалъ. На площадкѣ было непроходимо тѣсно. Игралъ оркестръ военной музыки изъ Майнца. Густая толпа медленно двигалась на встрѣчу графу и сплошною массою окружала эстраду. Всѣ стулья были заняты. Графъ два раза обошелъ площадку, затѣмъ всталъ у дерева и внимательно осмотрѣлъ проходившую мимо него толпу. Мери не было. Онъ хотѣлъ пройти во внутрь курзала, но его окликнула одна изъ знакомыхъ ему

русскихъ барышенъ. Онъ невольно остановился. Барышня начала разсказывать ему какую-ту свѣжую сплетню про одну изъ своихъ соотечественницъ. Онъ выслушалъ ее разсѣянно, извинился и пошелъ въ курзалъ.

Лопатинъ сидѣлъ за игорнымъ столомъ. Передъ нимъ лежала порядочная кучка золотыхъ. «Онъ здѣсь,» подумалъ графъ, «значитъ и она должна быть тутъ же.» Онъ осмотрѣлъ читальныя комнаты, заглянулъ въ столовую: Мери не было. Онъ пошелъ по аллеѣ вокругъ пруда.

Мери сидѣла въ темномъ уголкѣ, на самомъ берегу пруда, почти скрытая отъ проходящихъ низко нависшими вѣтвями растущей возлѣ ивы. Она задумчиво смотрѣла на ярко освѣщенную площадку, которая массою огня отражалась въ темной глубинѣ пруда. Надъ курзаломъ всходила луна и ея блѣдные лучи казались какимъ-то мертвеннымъ свѣтомъ въ сравненіи съ яркожелтыми огнями фонарей.

— Наконецъ то я нашелъ васъ, сказалъ графъ, садясь на скамейку возлѣ Мери:—я такъ давно ищу васъ. Вы сердитесь на меня? Простите!

Мери молчала.

— Я не хотѣлъ оскорбить васъ. Это письмо было продиктовано сердцемъ, и только одно сердце и могло не оскорбиться имъ. Вы не сердитесь?

Мери молчала.

— Вы просили меня уѣхать. Но я не могу, поймите же меня! я не могу исполнить вашей просьбы! Я люблю васъ, Мери! Простите меня: я не могу называть васъ иначе, когда говорю о моей любви къ вамъ; я люблю васъ такъ, какъ только могу, какъ умѣю любить! (Эту фразу графъ вычиталъ въ какомъ-то романѣ и съ тѣхъ поръ постоянно употреблялъ ее). Я не могу уѣхать! Но выслушайте меня! Онъ наклонился къ ней такъ близко, что она чувствовала тонкій душистый запахъ его напомаженныхъ волосъ.—Если въ васъ нѣтъ никакого чувства ко мнѣ, если вы въ состояніи удовлетвориться вашимъ настоящимъ положеніемъ, если ваше сердце спокойно, если мои слова въ эту тихую ночь, при свѣтѣ луны, при звукахъ этой чарующей музыки (оркестръ игралъ попури изъ Фауста—Гуно) не возбуждаютъ

въ васъ ничего, ничего.... то скажите мнѣ сейчасъ, прямо, въ глаза: уѣзжай! и я уѣду. Какъ ни дорого обойдется мнѣ моя рѣшимость, какъ ни тяжко будетъ мнѣ покинуть васъ на всегда.... но я уѣду! Я унесу съ собой разбитую надежду на возможность новаго, неиспытаннаго. истиннаго счастія, я, можетъ быть, даже не вынесу подобной рѣшимости.... но я все-таки уѣду! Говорите же! Здѣсь! передо мной! ни разсудокъ, ни чувство долга не заставятъ васъ солгать! здѣсь, вы скажете правду! Говорите же!

Онъ смотрѣлъ на Мери и ждалъ. Издалека доносились звуки оркестра, игравшаго хорошо извѣстный Мери дуэтъ изъ 3-го дѣйствія оперы Фаустъ. Мери сидѣла, опустивъ головку и молчала. Она хотѣла сказать то слово, котораго требовалъ отъ нея графъ, но не могла. Это было свыше ея силъ.

— Экъ вы забрались въ какую темень! раздался возлѣ нихъ сердитый голосъ Лопатина:—и не найдешь! Пойдемъ домой, сказалъ онъ, обращаясь къ Мери:—пора!

Онъ взялъ ее подъ руку и повелъ. Графъ шелъ возлѣ Мери.

— Уѣзжать мнѣ, или нѣтъ? спросилъ онъ ее тихимъ голосомъ.

— Ты будешь ужинать или пройдешь прямо на верхъ? спросилъ ее въ то же время Лопатинъ.

— Нѣтъ! отвѣчала она имъ обоимъ.

VII.

Лопатинъ не скучалъ. Время его проходило по разъ заведенному порядку. Онъ вставалъ въ 6-ть часовъ, отправлялся прямо къ Кохбрунену, бралъ теплую ванну, затѣмъ приходилъ домой и ложился спать до 10-ти, а чаще до 11-ти часовъ. Потомъ пилъ чай и уходилъ въ курзалъ.

О женѣ онъ не безпокоился. Онъ предоставилъ ей полную свободу разгуливать вмѣстѣ съ графомъ по окрестностямъ и былъ очень благодаренъ послѣднему, избавившему его отъ скучной обязанности угождать странному, прихотливому вкусу жены. Мысль о томъ, какія послѣдствія могутъ произойти отъ подобнаго тѣснаго сближенія молодаго

человѣка съ молодою женщиною, никогда не приходила ему въ голову. Онъ все измѣрялъ по своей холодной натурѣ и не допускалъ увлеченія тамъ, гдѣ его не должно было быть.

Въ курзалѣ Лопатинъ странствовалъ изъ одной игорной комнаты въ другую и ставилъ небольшіе куши въ рулетку и въ trente et quarante. До остальнаго ему не было дѣла. Въ комнаты для чтенія онъ не заглянулъ ни разу. Его нисколько не интересовали политическія и литературныя новости; для него несравненно пріятнѣе былъ звукъ металла, скользившаго по натянутому зеленому сукну. Въ пятомъ часу онъ обѣдалъ въ ресторанѣ курзала, затѣмъ выкуривалъ на эстрадѣ сигару, выпивалъ чашку кофе и уходилъ домой отдыхать, а вечеромъ, снова начиналъ свое похаживаніе около игорныхъ столовъ.

Онъ бралъ съ собою немного денегъ и игралъ съ перемѣннымъ счастіемъ. Если ему случалось проигрывать всю принесенную имъ сумму, онъ не уходилъ. Онъ оставался до конца игры и слѣдилъ за тѣми игроками, которые ставили большіе куши. Онъ радовался ихъ выигрышу и съ замираніемъ сердца смотрѣлъ на крупье, когда тотъ быстро раскладывалъ карты по столу.

Въ 11-ть часовъ кончалась игра. Лопатинъ приходилъ домой, пилъ вмѣстѣ съ Мери чай, ужиналъ и ложился спать.

Но вскорѣ мелкая игра перестала его занимать. Онъ началъ увеличивать ставки—и проигрывалъ. Съ нимъ повторялась та же исторія, которая, такъ печально, окончилась для него въ залѣ Петербургскаго благороднаго собранія. Желаніе отыграться заманивало его все далѣе и далѣе. Онъ размѣнивалъ съ утра ассигнацію въ 100 талеровъ; ему давали массу золота, затѣмъ золото мѣнялось на серебро и къ концу вечера не оставалось ничего. Онъ сознавалъ, что дѣлаетъ непростительную глупость, бранилъ себя, обѣщалъ остановиться—и снова, каждое утро, уходилъ въ курзалъ, и снова возвращался домой, проигравъ все, что было взято съ собой. Страсть губила его. Онъ чувствовалъ гибель, сознавалъ свое безсиліе и продолжалъ играть, не думая о будущемъ, не думая о скоромъ, печальномъ концѣ.

Деньги исчезали какъ дымъ, а страсть разгоралась все сильнѣе и сильнѣе.... Онъ вставалъ въ 9-ть часовъ, къ 10-ти уже былъ въ курзалѣ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ начала игры, которая открывалась въ 11-ть. Приносили массу билетовъ, золота, серебра; кассиры повѣряли суммы по табелямъ; крупье занимали свои мѣста, складывали билеты въ устроенные для нихъ ящички, развертывали свертки, раскладывали монеты по ихъ достоинству. Лопатинъ стоялъ и жадно смотрѣлъ на груды металла. Едва только крупье открывалъ игру словами: faites votre jeu, Messieurs! какъ Лопатинъ садился на стулъ, на свой постоянный стулъ, слѣва, возлѣ крупье и начиналъ играть.

Онъ игралъ въ рулетку. Trente et quarante не доставляла ему того наслажденія. Въ рулетку было болѣе риска, болѣе разнообразія, можно было болѣе варьировать игру.

Золото и серебро начинали безконечно двигаться по зеленому сукну: то придвигалась порядочная кучка къ какому нибудь счастливцу, то снова уходила назадъ, собираемая привычною рукою крупье, который быстро сортировалъ собранное, поправляя увеличивающіеся столбики серебра и откидывая золото въ разгороженныя деревянныя чашки. Придвигалась иногда порядочная кучка и къ Лопатину; но кончалось все-таки тѣмъ, что онъ вставалъ изъ за стола, проигравъ всѣ принесенныя имъ съ собою деньги. Игра довела его до какого-то страннаго, болѣзненнаго состоянія. Внѣ игры, для него не было ничего.

Воскресенье, когда въ курзалѣ не бываетъ игры, казалось ему безконечнымъ. Онъ слонялся по комнатамъ и саду курзала, бродилъ по городу, или оставался дома и лежалъ на постели, громко зѣвая и съ нетерпѣніемъ ожидая слѣдующаго дня. На жену онъ уже не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Ему было все равно. Онъ думалъ объ игрѣ—и только объ одной игрѣ.

Наконецъ, у него остался только одинъ послѣдній билетъ въ 1000 франковъ. Онъ подошелъ къ коммоду, хотѣлъ достать эти послѣднія деньги, выдвинулъ ящикъ и задумался. «Что же будетъ потомъ, когда ты проиграешь и это?» спросила его совѣсть, «вѣдь ты не одинъ, вѣдь съ тобою жена.» «Все равно», подумалъ онъ, «авось отыграюсь.» «А если нѣтъ?»

«Ну, тогда подумаю!»

Онъ однако зашелъ въ столовую залу и потребовалъ счетъ.

— Monsieur уѣзжаетъ? спросилъ его оберъ-кельнеръ.

— Нѣтъ!

Онъ заплатилъ по счету около 80 талеровъ и пошелъ въ курзалъ. Крупье, привыкшій къ своему сосѣду, встрѣтилъ его дружелюбнымъ кивкомъ головы. Лопатинъ отложилъ на всякій случай ассигнацію во 100 талеровъ въ бумажникъ, а на остальныя сталъ играть.

Но несчастіе его преслѣдовало. Къ вечеру, онъ дрожащею рукою досталъ бумажникъ и размѣнялъ свои послѣднія деньги. Ушелъ и послѣдній гульденъ. Лопатинъ посмотрѣлъ нѣкоторое время на зеленое сукно рулетки, всталъ и пошелъ домой. «Что же теперь», думалъ онъ. «Чѣмъ жить?.... Съ чѣмъ вернуться домой?. Все проиграно!.... Все!... До послѣдней копѣйки....»

Въ комнатѣ было темно.

— Это ты! спросила его Мери, которая лежала въ кровати, но не спала.

— Я, отвѣчалъ онъ сквозь зубы. Онъ раздѣлся и легъ, не зажигая свѣчи. Ему было совѣстно взглянуть на свою жену.

Но онъ долго не могъ заснуть. Онъ началъ придумывать различные планы, какъ бы вывернуться изъ этого глупаго положенія и остановился на томъ, что попроситъ у графа взаймы 200-ти рублей и завтра же уѣдетъ въ Россію. «Графъ не откажетъ,» думалъ онъ, «у него теперь много денегъ. Вотъ онъ такъ умѣетъ играть. Подойдетъ, поставитъ и уйдетъ. Только это не игра. Эмоціи мало, жилы не тянетъ.... А у меня такъ все вытянуло!.... все!..»

Онъ долго не могъ заснуть; его мучила страсть, его упрекала совѣсть; его тревожила мысль просить денегъ: онъ досихъ поръ ни разу не просилъ ихъ.

А возлѣ него, въ той же комнатѣ, также мучилась, среди темной ночи, его молодая жена. Ею тоже овладѣла другая, самая благородная, самая лучшая въ мірѣ страсть; но она боролась противъ сильнаго, ежедневнаго искушенія, она сдерживала себя до послѣднихъ предѣловъ возможности, хо-

тя тоже сознавала свою слабость, свое безсиліе и близость скораго, рѣшительнаго конца-

---

На другой день, въ тотъ самый день когда Мери написала графу свое коротенькое письмо, Лопатинъ съ утра ушелъ въ курзалъ. При немъ принесли деньги; при немъ пересчитали ихъ; при немъ началась игра; но его мѣсто уже занималъ другой. Его игра была кончена. Онъ пошелъ бродить по комнатамъ отъ одного стола къ другому, присматриваясь къ капризнымъ поворотамъ счастія. Но желаніе играть не давало ему покоя. Онъ готовъ былъ все отдать за возможлость сѣсть къ столу и играть, хотя по самой мелкой, наименьшей ставкѣ. Онъ часто слышалъ вокругъ себя русскія слова и бѣсился, что не успѣлъ ни съ кѣмъ познакомиться изъ своихъ соотечественниковъ... «Можно было бы занять», думалъ онъ, «а теперь не у кого, никто не дастъ.... никто!»

Онъ побродилъ часа два, сѣлъ на диванъ и задремалъ. И пригрѣзилось ему, будто какія-то невидимыя руки сгребаютъ къ нему со всѣхъ сторонъ золото, которое, звѣня и свѣркая, разсыпалось по полу. Груда увеличивалась все болѣе и болѣе; вотъ она дошла до его груди.... поднялась до рта.....

Лопатинъ вздрогнулъ, проснулся и вышелъ освѣжиться въ садъ. Онъ обошелъ прудъ и остановился на мостикѣ смотрѣть, какъ двѣ молодыя дѣвочки кормили хлѣбомъ рыбъ. Десятки рыбокъ, между которыми отличались своею блестящею чешуей красные карпы, бросились на кусокъ хлѣба и разрывали его на мелкіе куски. Подъ конецъ, одна изъ дѣвочекъ бросила цѣлую булку. Рыбы, разомъ накинулись на нее и погнали передъ собою, отрывая на пути мелкіе кусочки намокшаго тѣста. Лопатинъ долго слѣдилъ за плаваніемъ этой булки. Булка подплыла подъ мостъ и выплыла съ другой стороны; Лопатинъ тоже перешелъ на другую сторону и все слѣдилъ. Наконецъ, рыбы подогнали булку къ берегу и, накинувшись со всѣхъ сторонъ, разорвали по кусочкамъ намокшее тѣсто.

Дѣвочки ушли. Лопатину эта булка напомнила объ обѣдѣ. Онъ пошелъ къ себѣ въ отель. Тамъ ему вѣрили въ

кредитъ, а здѣсь, въ этомъ курзалѣ, ему даже не на что было купить и такой булки, которою дѣвочки кормили рыбъ.

Послѣ обѣда онъ зашелъ къ себѣ. Мери надѣвала шляпку.

— Куда ты? спросилъ ее Лопатинъ.

— Въ курзалъ, отвѣчала она.

— Подожди немного..... пойдемъ вмѣстѣ. Онъ безъ всякой цѣли перемѣнилъ жакетъ, потомъ подошелъ къ женѣ, хотѣлъ ей что-то сказать, но раздумалъ и остановился.

— Пойдемъ, сказалъ онъ:—я готовъ.

Они пришли въ курзалъ. Лопатинъ оставилъ жену на эстрадѣ, а самъ пошелъ въ игорныя комнаты. Эти освѣщенныя, залитыя золотомъ комнаты притягивали его къ себѣ, какъ чарующіе глаза змѣи притягиваютъ свои безсильныя жертвы.

Онъ смотрѣлъ на играющихъ, мысленно ставилъ деньги на различные номера и какъ на зло, угадалъ три раза подъ рядъ. Онъ стоялъ, заложивъ въ карманы свои ненужныя руки, а его пальцы тщетно искали, хотя одного гульдена, который можно было бы поставить на столъ. Онъ пошелъ въ читальныя комнаты, сѣлъ въ послѣдней изъ нихъ и началъ просматривать иллюстрованные журналы. Онъ просмотрѣлъ ихъ, затѣмъ вышелъ въ садъ, отыскалъ свободный складной табуретъ, поставилъ его подъ деревомъ, подальше отъ гуляющихъ, сѣлъ и закурилъ сигару. Легкій, прохладный вѣтерокъ немного успокоилъ его. Ему захотѣлось спать. Онъ долго не могъ отыскать своей жены, и наконецъ, нашелъ ее, вмѣстѣ съ графомъ, на скамейкѣ, возлѣ пруда.

VIII.

— Мнѣ-бы нужно было поговорить съ вами, графъ, сказалъ Лопатинъ, когда они подходили къ отелю.

— Когда угодно, отвѣчалъ Сорель:—только не завтра: завтра я съ утра уѣзжаю на охоту. Съ удовольствіемъ-бы не поѣхалъ, да нельзя, прибавилъ онъ, обращаясь къ Мери.— Баронъ Фонъ-Польнеръ, адъютантъ герцога, выпросилъ у него позволеніе поохотиться за оленями на Platté. Онъ при-

гласилъ нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и меня. Отказаться нельзя: я самъ просилъ его устроить эту охоту. Я думаю вернуться завтра вечеромъ или послѣ завтра утромъ, не позже.

Я постараюсь отдѣлаться поскорѣе и незамедлю, шепнулъ онъ Мери.

— Все равно, сказалъ Лопатинъ:—я успѣю; тутъ нѣтъ ничего спѣшнаго.... такъ.... пустяки.

— Я, какъ только пріѣду, сейчасъ же дамъ вамъ знать, или лучше приду самъ....

— О! не безпокойтесь; я лучше самъ зайду къ вамъ. До свиданія! Не желаю вамъ ничего, потому что охотникамъ ничего желать не слѣдуетъ.

Графъ простился съ Лопатинымъ и пошелъ къ себѣ. «О чемъ это онъ хочетъ говорить со мною,» думалъ онъ, «не о своей ли женѣ? Нѣтъ! онъ ничего не могъ замѣтить. Или, можетъ быть, она показала ему мое письмо: тогда дѣло дрянь. Впрочемъ, этого не можетъ быть! Она не такъ глупа; да и онъ не обращался бы такъ со мною, и не отложилъ бы разговора до послѣ завтра. Подобныя объясненія не откладываются.» Графъ пришелъ къ себѣ и началъ собирать необходимое для охоты.

На другой день, утромъ, часовъ около девяти, когда Лопатинъ еще лежалъ въ кровати, (онъ не пошелъ брать ванны, потому-что у него не было даже 30 копѣекъ заплатить за нее,) кто-то сильно постучалъ къ нему въ дверь. Мери была уже одѣта.

— Войдите, сказала она.—Вошелъ запыленый егерь и подалъ письмо.

— Отъ графа Сореля, г-ну Лопатину, сказалъ онъ,— весьма спѣшное. Лопатинъ распечаталъ конвертъ. Графъ посылалъ Лопатину ключи и просилъ его зайти къ нему въ отель Нассау, отворить самый большой чемоданъ и съ правой стороны, внизу, достать коробку съ патронами. «Я ошибся сходствомъ коробокъ», писалъ онъ, «и взялъ, вмѣсто патроновъ, зубной порошокъ. Пришлите скорѣй,» оканчивалъ онъ свое письмо, «патроны другихъ не подходятъ къ моему ружью; мнѣ придется не принимать участія въ охотѣ и вернуться домой, посыпавъ свою

главу, аки пепломъ, этимъ проклятымъ зубнымъ порошкомъ.»

Лопатинъ проворно одѣлся, пошелъ въ номеръ графа, перерылъ его вещи, нашелъ патроны совсѣмъ не въ томъ углу и даже не въ томъ чемоданѣ, о которомъ упоминалъ графъ и отдалъ ихъ егерю.

Егерь тотчасъ же ускакалъ. Ключи остались у Лопатина.

Онъ уложилъ вещи, заперъ чемоданы, сѣлъ на диванъ и задумался. Когда онъ отыскивалъ патроны, его рука нащупала, на днѣ большаго чемодана, толстый кожаный бумажникъ. «Возьми!» шепталъ ему какой-то внутренній голосъ, «возьми! отыграйся!—и сегодня же положи назадъ.» «А если проиграю?»—«Играй осторожнѣе, играй разумно....»

— Нѣтъ! вѣдь это воровство! сказалъ онъ громко. Онъ всталъ, хотѣлъ уйти, но остановился и подошелъ къ окну. «Уходи, уходи скорѣе!» говорила ему совѣсть.—«Возьми!» шепталъ чей-то голосъ, «пользуйся случаемъ. Отыграешься, вернешь все—и разомъ поправишь свои дѣла.» Лопатинъ закрылъ глаза. Въ его воображеніи мелькнулъ знакомый зеленый столъ; въ его ушахъ раздался звукъ падающихъ каскадомъ монетъ. Онъ спустилъ шторы, подошелъ къ двери и заперъ ее на ключъ.—«Что ты дѣлаешь! что ты дѣлаешь?» говорила совѣсть. Онъ остановился; но передъ его глазами все вертѣлся маленькій, бѣленькій шарикъ и звуки падающаго серебра раздавались въ ушахъ....

Онъ отперъ чемоданъ, запустилъ руку на дно и досталъ бумажникъ. Въ бумажникѣ, въ первомъ отдѣленіи, лежалъ смятый комокъ билетовъ французскаго банка. Лопатинъ развернулъ ихъ, разгладилъ на своемъ колѣнѣ, сосчиталъ.... Билетовъ оказалось шесть, каждый въ 1000 франковъ. Онъ снова задумался—«Бери! что-жъ ты?» шепталъ все тотъ же голосъ.—«Вѣдь это единственное средство. Шесть тысячъ!.... сколько шансовъ!.... Бери же!» Онъ отложилъ два билета, а остальные хотѣлъ положить обратно въ бумажникъ.—«Бери всѣ!» шепталъ ему голосъ. «Не все ли равно: два или шесть, — отвѣтъ одинъ!» И снова забѣлѣлъ шарикъ, и снова раздался звукъ серебра.

Лопатинъ проворно сунулъ деньги въ карманъ, кинулъ бумажникъ въ чемоданъ, заперъ его, положилъ ключъ въ

карманъ своего жилета, вышелъ изъ комнаты, заперъ дверь и пошелъ по лѣстницѣ внизъ. Проходя мимо портье, онъ покраснѣлъ до ушей. Ему было совѣстно смотрѣть на людей; ему казалось, что всѣ должны уже знать о его безсовѣстномъ поступкѣ.

Онъ пошелъ прямо въ курзалъ. Игра еще не начиналась. Онъ бродилъ по комнатамъ, поминутно посматривая на часы. Его пробирала нервная, лихорадочная дрожь. Онъ пошелъ въ столовую, спросилъ бутылку рейнвейна и выпилъ ее залпомъ. Дрожь не унималась.

Къ началу игры онъ уже сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ и попросилъ размѣнять билетъ. Его руки дрожали, отдавая чужія, украденныя деньги. Крупье придвинулъ къ нему массу золотыхъ. Лопатинъ началъ играть. Несчастіе преслѣдовало его неумолимо. Онъ перемѣнялъ куши, выжидалъ,—ничто не помогало. Онъ вынималъ билетъ за билетомъ, и присылаемыя кучки золота цѣликомъ возвращались назадъ. Въ комнатахъ зажгли лампы; въ саду стало темно, а Лопатинъ все игралъ, ни на минуту не отходя отъ стола. Онъ съ утра ничего не ѣлъ; у него мутилось въ глазахъ, звенѣло въ ушахъ и все та же нервная дрожь пробѣгала по спинѣ. Наконецъ онъ размѣнялъ послѣдній, шестой билетъ. Ему немного повезло. Онъ ободрился, повеселѣлъ. Онъ поставилъ порядочный кушъ на impaire. Дали. Онъ не снялъ. Дали опять. Онъ оставилъ еще; но счастіе недотянуло.... Онъ проигралъ. Черезъ четверть часа отъ него укатился послѣдній золотой изъ числа 6-ти тысячъ франковъ, взятыхъ имъ утромъ у графа изъ чемодана.

Лопатинъ всталъ и шатаясь отошелъ отъ стола. Его руки инстинктивно обшарили всѣ карманы.... Въ одномъ изъ нихъ нашелся забытый гульденъ. Какъ обрадовался онъ этому ничтожному куску серебра! Онъ внимательно осмотрѣлъ его; гульденъ оказался 1856 года. Лопатинъ сосчиталъ цифры; вышло 20-ть. Онъ подошелъ къ столу и поставилъ гульденъ на 20-й номеръ. Съ страстнымъ замираніемъ сердца смотрѣлъ онъ на зловѣщее колесо, отъ каприза котораго зависѣла теперь его послѣдняя надежда.

Вотъ, чья-то рука повернула рулетку и пустила маленькій, бѣленькій шарикъ, который завертѣлся такъ быстро,

что глазу представлялся одинъ узенькій, бѣлый кругъ. Сдѣлавъ нѣсколько оборотовъ, шарикъ соскочилъ на металлическую поверхность колеса и скатился въ одно изъ расположенныхъ вокругъ гнѣздъ.

Vingte et un! rouge! passe! сказалъ крупье, захватывая черной лопаточкой, въ числѣ многихъ другихъ, и послѣдній гульденъ Лопатина. Лопатинъ стоялъ и смотрѣлъ на ту клѣтку, гдѣ былъ его гульденъ. На его мѣстѣ лежалъ теперь маленькій золотой. Снова завертѣлось колесо. Vingt! noir! passe!—и та же лопаточка придвинула къ 20-му номеру 35-ть новенькихъ, золотыхъ монетъ. Лопатинъ постоялъ еще немного, вышелъ въ садъ и пошелъ по аллеѣ, около пруда. «Le jeu est fait, rien ne va plus» были послѣднія слова, которыя долетѣли до него изъ открытыхъ оконъ курзала. «Моя игра тоже кончена,» подумалъ онъ, «rien ne va plus.»

Была одна изъ тѣхъ непроглядно темныхъ ночей, когда, какъ говорится, не видно зги. Небо кругомъ облеклось тучами, которыя темнымъ шатромъ нависли надъ землею. Въ саду, передъ воксаломъ, не было никого. Лопатинъ обогнулъ прудъ и оглянулся на курзалъ. Ярко горѣли его окна, отражаясь въ темной глубинѣ пруда. Внутри, въ раззолоченныхъ салонахъ, виднѣлись люди, толпившіеся около игорныхъ столовъ. Лопатинъ пошелъ далѣе. Онъ дошелъ до послѣдняго освѣщавшаго садъ фонаря; впереди углублялась въ мракъ, хорошо извѣстная ему по прежнимъ прогулкамъ, аллея. Онъ пошелъ по ней. «Однимъ разомъ позже,» думалъ онъ, «только однимъ разомъ,—и я получилъ бы 35-ть гульденовъ, и была бы надежда отыграться; а теперь....»

Въ аллеѣ было темно, какъ въ могилѣ. Слѣва, гдѣ-то внизу, подъ деревьями, шумѣлъ быстро бѣжавшій ручей. Лопатинъ все шелъ впередъ. «Vingt et un! rouge!» мелькало въ его головѣ; «и отчего я поставилъ на 20-ть, а не на 21-нъ. Только на полвершка правѣе и тогда....» Лопатинъ не думалъ о всей проигранной имъ суммѣ; нѣтъ! онъ думалъ только объ этомъ послѣднемъ гульденѣ, съ которымъ исчезла для него послѣдняя надежда. «Сначала бы на 21-нъ; а послѣ передвинуть на 20-ть....» Лопатинъ шелъ впередъ. Невдалекѣ отъ него, съ правой стороны аллеи, показались

три загородныя виллы. Онѣ были освѣщены и въ послѣдней изъ нихъ, изъ отвореннаго окна, неслись стройные звуки мужскаго и женскаго голосовъ. «Поютъ,» подумалъ Лопатинъ, «весело! а тутъ.... 21! 21!» неотвязно слышалось ему; «отчего-же 21-нъ? а не 20-ть? и не 31-нъ?.... Какъ это глупо! И на чемъ основанъ этотъ глупый законъ, толкающій шарикъ въ то или другое гнѣздо?....»

Виллы исчезли изъ глазъ. Только шумъ бѣжавшаго ручейка прерывалъ торжественную тишину темной ночи. Стало такъ темно, что Лопатинъ вынужденъ былъ почти ощупью пробираться впередъ.

«Воръ! воръ!» крикнула вдругъ его совѣсть такъ внезапно, что онъ, невольно, отскочилъ въ сторону. «Воръ! воръ!» кричала она ему въ оба уха; «воспользовался довѣріемъ! укралъ! укралъ и проигралъ! Все потерялъ! Гдѣ твоя честь? гдѣ твое честное, благородное имя? Ты промѣнялъ его на горсть золота, ты продалъ его за то, чтобы еще разъ насладиться твоею гнусною, позорною страстью. Ты обманулъ жену, ты дошелъ до того, что укралъ деньги! Да понимаешь ли ты всю гнусность этого подлаго поступка? Укралъ, стянулъ, вытащилъ; воришка! воръ! воръ! воръ!» Холодный потъ выступилъ на лицѣ Лопатина отъ этого грознаго крика его совѣсти. Онъ почти бѣжалъ по аллеѣ и тщетно старался заглушить въ себѣ этотъ неумолкаемый, внутренній голосъ, который безотвязно упрекалъ его, называя настоящимъ именемъ его безчестный поступокъ. «Что же мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать?» спрашивалъ онъ самъ себя. «Умереть!» отвѣчала совѣсть, «искупить смертью несмываемый въ жизни позоръ.» «Умереть?—нѣтъ, это невозможно!» «Воръ и трусъ! трусъ и воръ!» кричала совѣсть, «справедливо говорятъ что негодяи всегда бываютъ и трусами. Что-жь, отопрись! къ суду не притянутъ; уликъ нѣтъ! Можетъ быть и еще удастся украсть! Трусъ! воръ! lâche!»

Ни слово трусъ, ни слово воръ не производили на Лопатина такого ужаснаго впечатлѣнія, какъ это послѣднее французское слово. Дыбомъ встали у него волосы; нервный трепетъ пробѣжалъ по всему его тѣлу и холоднымъ потомъ выступилъ на груди. «Да! умереть! умереть! болѣе ничего

не остается въ жизни,» думалъ онъ. «Я докажу тебѣ, что я не lâche, что я съумѣю искупить свою вину, что я не побоюсь взглянуть смерти прямо въ глаза!....»

Аллея продолжалась безъ конца. Съ ея лѣвой стороны все шумѣлъ невидимый ручей; съ правой—поднималась высокая, крутая, поросшая лѣсомъ гора. Лопатинъ почти бѣжалъ. Вдругъ, передъ нимъ, изъ-за деревьевъ, мелькнулъ огонекъ. Онъ вспомнилъ, что тутъ недалеко, впереди, должна быть деревня. Онъ перепрыгнулъ черезъ канаву и ползкомъ началъ взбираться на гору. Маленькія деревья хлестали его своими тонкими вѣтками по лицу; ноги поминутно скользили по песчаной крутизнѣ, но онъ продолжалъ ползти и, цѣпляясь за стволы деревьевъ, медленно поднимался по горѣ. Обильный потъ смочилъ его бѣлье; крупныя капли катились по его горѣвшему лицу; онъ задыхался отъ тяжкаго труда, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ радъ этому труду, который хотя немного заглушалъ внутренній голосъ неустанно и все сильнѣе укорявшей его совѣсти. Ему не хватало воздуха. Онъ сорвалъ съ себя галстукъ и, рванувъ обѣими руками, сразу разстегнулъ жилетъ.

Наконецъ онъ выбился изъ силъ и въ изнеможеніи опустился на землю, прислонясь къ стволу большаго, широко раскинувшаго свои вѣтви дерева. «Куда ты бѣжишь?» спрашивала его совѣсть, «ты никуда не уйдешь отъ меня. Умереть можно и здѣсь; смерть всегда въ твоихъ рукахъ». «Но какъ же умереть?» думалъ онъ, «какъ на зло тутъ нѣтъ нигдѣ воды, гдѣ бы можно было утопиться.»

«А дерево!» шепнула совѣсть. «Повѣситься... повѣситься... брр!..» и ему ясно представилась фигура повѣсившагося солдата, которую онъ видѣлъ во время своей службы въ полку. «И я буду также висѣть съ высунутымъ языкомъ, съ синимъ распухшимъ лицомъ, брр!.»

«Lâche!» крикнула совѣсть, «Lâche et triple coquin!!!»

Онъ закрылъ руками свое лицо и инстинктивно заткнулъ уши, стараясь избавиться отъ этого страшнаго внутренняго голоса. Но совѣсть не унималась. Страшными упреками буравила она пылавшій мозгъ, и раскаленнымъ желѣзомъ жгли душу несчастнаго эти роковыя, но справедливыя слова.

Мокрое бѣлье льдистымъ покровомъ облегло его разгоряченное тѣло, которое содрогалось отъ холоднаго ночнаго воздуха. «Повѣситься,» думалъ онъ, «удавиться; но чѣмъ же?...» Его руки медленно опустились на грудь и скользнули по холодной кожѣ подтяжекъ. Онъ поднялъ голову. Въ немъ пробудилась твердая рѣшимость; на душѣ стало спокойно, самая совѣсть замолкла въ ожиданіи торжественныхъ грядущихъ минутъ. Лопатинъ медленно отстегнулъ шесть пуговицъ, медленно снялъ подтяжки и, взявъ ихъ за два боковыхъ ремня, нѣсколько разъ попробовалъ крѣпость средней перемычки. Перемычка выдержала пробу. Лопатинъ медленно приподнялся, всталъ на выдавшійся невысоко отъ земли бугоръ ствола, охватилъ его лѣвою рукою, а правою провелъ въ воздухѣ надъ головой. Ему попался небольшой, но крѣпкій сукъ. Онъ охватилъ его обѣими руками и повисъ. Сукъ выдержалъ. Лопатинъ спрыгнулъ на землю, сѣлъ, взялъ подтяжки и пропустилъ одинъ ремень сквозь отверзтіе другаго. Образовалась широкая, просторная петля. Лопатинъ осторожно надѣлъ ее на шею. Прикосновеніе холодной кожи невольно заставило его вздрогнуть. Онъ снялъ петлю. Его пальцы задѣли за золотую цѣпочку висѣвшаго на шеѣ креста. Онъ взялъ этотъ крестъ, поднесъ его ко рту и крѣпко прильнулъ къ нему своими засохшими, горячими губами. Въ эти минуты онъ не думалъ ни о чемъ. «Пора!» мелькнуло въ его головѣ. Онъ поцѣловалъ крестъ, инстинктивно снялъ его съ шеи и отбросилъ далеко въ сторону. Затѣмъ онъ опять всталъ на бугоръ, охватилъ обѣими руками сукъ, перекинулъ подтяжки, стянулъ ихъ тремя узлами и, ухватившись руками, нѣсколько разъ качнулся по воздуху. Подтяжки выдержали. Лопатинъ снова спрыгнулъ на землю. Прошло нѣсколько секундъ... «Ну,» шепнула совѣсть.

Онъ въ третій разъ всталъ на бугоръ, лѣвою рукою ухватился за сукъ, а правою поймалъ петлю; медленно надѣлъ ее на шею и слегка затянулъ. Петля съузилась и плотно облегла его мокрую шею. Наступилъ послѣдній, торжественный моментъ. Лопатинъ не рѣшался отнять руки отъ петли. Имъ овладѣла нерѣшимость, невольный страхъ близкой, неминуемой смерти. Была минута, когда ему захотѣлось

сбросить съ себя эту петлю и бѣжать, бѣжать безъ оглядки отъ этого ужаснаго, роковаго мѣста. Уже рука его начала тянуть петлю съ тѣмъ, чтобы расширить ея узкое отверзтіе; но тутъ онъ снова почувствовалъ, какъ зашевелилась его замолкнувшая на время совѣсть,.... снова раздались въ его ушахъ зловѣщія слова..... Сильнымъ движеніемъ оттолкнулся онъ отъ дерева и два раза медленно качнулся по воздуху.

Нѣсколько судорогъ свели его тѣло...- еще разъ скорчились ноги... затѣмъ они вытянулись, и онъ повисъ неподвижно, почти касаясь земли.

«Боже, помилуй меня!» было его послѣднею мыслею.....

Утромъ, кто-то изъ проходящихъ замѣтилъ висѣвшаго между деревьями человѣка и сообщилъ о томъ въ курзалѣ. Тотчасъ же дали знать начальнику городской полиціи. Тотъ, пригласивъ съ собою доктора, поспѣшилъ на мѣсто печальнаго событія; велѣлъ снять Лопатина съ дерева и положить, въ сторонѣ отъ аллеи, на травѣ. Разрѣзали петлю; освободили шею; докторъ осмотрѣлъ трупъ и нашелъ, что смерть послѣдовала около восьми часовъ назадъ. Надежды спасти, разумѣется, не было никакой. Осмотрѣли тщательно всѣ карманы Лопатина, но не нашли ничего, что могло бы дать возможность узнать, кто такой былъ этотъ мертвый человѣкъ.

Въ боковомъ карманѣ жакета нашли большой номерованный ключъ отъ дверного замка. По этому ключу предположили, что неизвѣстный вѣроятно жилъ въ отелѣ или въ chambres-garnies, а потому, тотчасъ же потребовали отъ всѣхъ этихъ мѣстъ свѣдѣнія: кто изъ жильцовъ не ночевалъ у себя въ номерѣ.

Одинъ изъ разсыльныхъ пришелъ и въ отель Зеленаго Лѣса. Хозяинъ позвалъ мальчика, чистившаго обувь, которому лучше всѣхъ должно было быть извѣстно, у какого номера, въ это утро, не было выставлено за дверями сапогъ. Мальчикъ припомнилъ, что у номера, занимаемаго Лопатиными всегда стояли сапоги и ботинки, а сегодня—только одни ботинки.

Хозяинъ самъ пошелъ въ номеръ.

Мери давно уже была одѣта. Она очень удивилась, когда, проснувшись утромъ, замѣтила, что Лопатина не было дома. Она подумала, что онъ ушелъ брать ванну; но нѣтъ! его кровать не была смята; значитъ, онъ не ложился вовсе. Мери начинала безпокоиться; она не могла вообразить, гдѣ бы могъ оставаться цѣлую ночь ея мужъ. Она боялась, не познакомился ли онъ съ какими-нибудь шулерами, которые заманили его играть и обыгрываютъ на-вѣрняка.

Кто-то постучалъ въ дверь.

— Войдите, сказала Мери.

Вошелъ хозяинъ и вѣжливо освѣдомился: ночевалъ ли ея мужъ дома эту ночь?

— Нѣтъ, не ночевалъ; а что?

— И онъ не говорилъ вамъ, что думаетъ поѣхать куда нибудь, въ окрестности: во Франкфуртъ, напримѣръ, или въ Гамбургъ.

— Нѣтъ, онъ никуда не уѣзжалъ; онъ вчера ушелъ въ курзалъ и не возвращался. Да что такое? зачѣмъ вы меня такъ распрашиваете? скажите: не случилось ли съ нимъ чего?

— Нѣтъ, вы не пугайтесь. Видите ли: сегодня утромъ, нашли, въ саду за курзаломъ, повѣсившагося человѣка; ну, полиція и собираетъ свѣдѣнія.... Да вы не безпокойтесь, это вѣроятно не вашъ супругъ....

Мери не слушала далѣе. Она проворно надѣла шляпку и побѣжала въ курзалъ. «Онъ! вѣроятно онъ,» думала она, «проигрался, и....»

Она обошла запертый курзалъ и бѣжала по аллеѣ, обгоняя любопытныхъ, которые тоже шли поглазѣть на чуждый имъ трупъ.

Толпа праздныхъ зрителей указала ей мѣсто, гдѣ, вѣроятно, лежалъ ея мужъ. Она протискалась сквозь толпу, взглянула.... и безъ чувствъ упала на руки, во время поддержавшихъ ея полицейскихъ.

Она тотчасъ же узнала своего мужа, но его распухшее, синебагровое лицо, высунутый языкъ и выкатившіеся, застывшіе глаза произвели на нее такое впечатлѣніе, что съ нею сдѣлался сильный, продолжительный обморокъ.

Когда она очнулась, возлѣ нея не было никого. Она лежала въ своей комнатѣ, на кровати, почти полураздѣтая, съ мокрымъ, повязаннымъ вокругъ головы платкомъ. Мужа не было. Она вспомнила о его смерти, встала, хотѣла опять идти къ нему;—но ея глаза упали на большой крупно исписанный листъ бѣлой бумаги, нарочно положенный на виду, на столъ.

«Оставайтесь дома и будьте спокойны», прочла она, «я все устрою и приду посовѣтоваться съ вами о дальнѣйшихъ мѣрахъ».

Весь вашъ, графъ Сорель.

Она все-таки хотѣла пойти, но ей припомнилось это страшное, искаженное лицо—и она осталась.

Графъ вернулся съ охоты почти на разсвѣтѣ. Онъ не хотѣлъ безпокоить Лопатина изъ за ключа и легъ спать въ ближайшемъ пустомъ номерѣ.

Онъ проснулся довольно рано, позвонилъ и велѣлъ кельнеру сходить къ Лопатину и взять ключъ. Кельнеръ сообщилъ графу извѣстіе, что какой-то иностранецъ повѣсился, сегодня ночью, въ саду курзала и что полиція уже приходила въ отель, собирая свѣдѣнія о всѣхъ, кто не ночевалъ, въ эту ночь, у себя.

«Проигрался, должно быть, сердечный», подумалъ графъ, «не изъ нашихъ ли, изъ русачковъ? Мы, скорѣе всѣхъ, способны на подобную глупость. Пойти посмотрѣть: я никогда не видалъ повѣсившихся людей. Говорятъ: самая пріятная смерть..... Впрочемъ смерть тоже вѣдь изображаютъ въ видѣ женщины.....»

Графъ одѣлся и пошелъ въ курзалъ.

Толпа любопытныхъ не уменьшалась около трупа. Она только раздѣлилась на двѣ кучки, изъ которыхъ послѣдняя, по мѣрѣ возможности, принимала участіе въ безчувственно лежащей, на ближайшей скамейкѣ, Мери.

Графъ подошелъ сначала къ этой послѣдней кучкѣ. «Боже мой, да это Мери! Что съ нею?... какъ она попала сюда?» Онъ бросился къ другой толпѣ и увидѣлъ лежащаго, на травѣ мертваго Лопатина.

Онъ проворно объяснилъ полицейскому все, что зналъ о Лопатинѣ, послалъ за коляской, уложилъ въ нее Мери, обѣщалъ сейчасъ же пріѣхать назадъ и повезъ Мери въ отель.

Самъ, на своихъ рукахъ, отнесъ онъ Мери въ ея комнату, уложилъ на кровать, сдалъ ее на попеченіе горничной и, написавъ записку, поѣхалъ назадъ.

Теперь онъ спокойнѣе и подробнѣе разсказалъ все, что ему было извѣстно о Лопатиныхъ, объяснилъ, какимъ образомъ у Лопатина очутился въ карманѣ ключъ отъ номера отеля Нассау и выразилъ подозрѣніе, что причиною самоубійства Лопатина былъ, вѣроятно, сильный проигрышъ въ рулетку. Случайно находившійся въ числѣ любопытныхъ крупье подтвердилъ подозрѣніе графа, разсказавъ, что, не далѣе какъ вчера, Лопатинъ игралъ цѣлый день и пропгралъ порядочное количество банковыхъ билетовъ.

Со словъ графа былъ составленъ актъ. Начальникъ полиціи просилъ графа поскорѣе похоронить несчастнаго, чтобы не возбуждать долго празднаго вниманія толпы.

Трупъ отнесли въ одну изъ часовень, въ которыя постоянно переносятъ умершихъ въ отеляхъ иностранцевъ, изъ боязни, присутствіемъ покойника разогнать трусливыхъ жильцевъ.

Графъ заказалъ гробъ и отправился къ русскому священнику. Священникъ пожалѣлъ о несчастной жертвѣ игры; но объявилъ графу, что, согласно строгимъ правиламъ православной церкви, не можетъ совершить погребальнаго обряда надъ самоубійцей, и что Лопатинъ долженъ быть зарытъ въ землю просто, безъ всякихъ напутственныхъ обрядовъ и молитвъ. Графъ не настаивалъ. Онъ просилъ только дозволить похоронить Лопатина за оградой православнаго кладбища, поближе къ своимъ. Священникъ отвѣчалъ, что земля за оградой принадлежитъ не церкви. Съ моей стороны, прибавилъ онъ, — препятствій на это встрѣтиться не можетъ. Графъ поблагодарилъ и поѣхалъ къ Мери.

Мери встрѣтила его съ радостью и дружески пожала ему руку.

— Благодарю васъ, сказала она: — безъ васъ я совершенно растерялась бы и не знала къ кому обратиться.

— Полноте, отвѣчалъ графъ. Я очень радъ, что могу быть вамъ чѣмъ-нибудь полезенъ, хотя причина, по которой понадобились мои услуги, такъ печальна.... такъ неожиданна....

Они начали придумывать, чтобы могло быть причиною насильственной смерти Лопатина и остановились на сильномъ проигрышѣ.

Въ числѣ найденныхъ у Лопатина и отданныхъ Сорелю ключей, одинъ былъ отъ комода, въ которомъ Лопатинъ хранилъ деньги. Мери отперла комодъ, достала бумажникъ;—онъ былъ пустъ.

— Проигралъ, сказала она,—все проигралъ. Неужели изъ-за этого онъ рѣшился на самоубійство? Мы могли бы занять, вернуться въ Россію, продать одно изъ нашихъ имѣній и расплатиться со всѣми долгами. Такъ мало вѣры!.. такъ мало думать о будущей жизни, о страшномъ судѣ!....

Графъ подробно разсказалъ Мери все, что онъ сдѣлалъ; сообщилъ и слова священника. Они рѣшили похоронить Лопатина завтра вечеромъ.

Графъ посидѣлъ немного, извинился усталостью, обѣщалъ зайти еще разъ послѣ обѣда и ушелъ. Онъ чувствовалъ голодъ: онъ съ утра ничего не ѣлъ.

Когда графъ отперъ свой большой чемоданъ, чтобы достать чистое бѣлье, онъ замѣтилъ лежащій сверху бумажникъ; не досчитался въ немъ шести тысячъ франковъ—и тогда только окончательно уяснилъ себѣ причину самоубійства Лопатина. «Взялъ, проигралъ и повѣсился», подумалъ онъ, «что жъ, это благородно, хотя и не практично. Я бы этого не сдѣлалъ».

Начальникъ города дозволилъ похоронить Лопатина за оградой русскаго кладбища и только взялъ за это незначительную сумму въ пользу бѣдныхъ. Графъ самъ выбралъ мѣсто, нанялъ могильщиковъ и велѣлъ имъ къ утру приготовить могилу.

Подъ вечеръ онъ зашелъ къ Мери и въ разговорѣ, какъ будто невзначай, сообщилъ ей о пропажѣ своихъ денегъ, причемъ намекнулъ слегка о подозрѣніи, падающемъ на ея мужа. «Это не лишнее», подумалъ онъ, «это окончательно заставитъ ее презирать глупаго игрока».

Дѣйствительно, Мери глубоко оскорбилъ такой нечестный поступокъ ея мужа. Она извинилась передъ графомъ и просила его подождать, обѣщая, тотчасъ по возвращеніи въ Россію, уплатить этотъ долгъ

— Я буду просить васъ, графъ, прибавила она:—вести счетъ всѣмъ вашимъ издержкамъ: я съ благодарностью возвращу ихъ вамъ.

Графъ притворился оскорбленнымъ. Онъ увѣрялъ Мери, что если и рѣшился сообщить ей о поступкѣ Лопатина, то вовсе не съ цѣлью потребовать у нея уплаты.

— Я только хотѣлъ объяснить вамъ истинную причину его самоубійства, говорилъ онъ.—Вашъ мужъ поступилъ благородно: его увлекла страсть, но онъ смертью искупилъ свою вину. На его мѣстѣ, ни одинъ порядочный человѣкъ не могъ-бы поступить иначе. Если вы не хотите оскорбить меня, прибавилъ онъ:—я буду просить васъ, никогда, не напоминать мнѣ объ этихъ деньгахъ. Я не возьму ихъ. За нихъ уже заплачено,—и заплачено жизнью.

Онъ просидѣлъ у Мери до девяти часовъ; условился съ нею на счетъ похоронъ, которыя они назначили въ пять часовъ и ушелъ.

Мери осталась одна. Странно! смерть мужа не возбуждала въ ней никакого горестнаго чувства. Они уже давно были совершенно чужды другъ другу, а послѣдній поступокъ Лопатина съ графомъ возбудилъ въ Мери только чувство презрѣнія къ этому безчестному, воспользовавшемуся довѣріемъ воровству. Мери раздѣлась и легла на кровать. Но едва только она потушила свѣчу, какъ ею овладѣлъ сильный страхъ. Ей грезилось раздутое, синебагровое лице ея мужа, которое такъ сильно поразило ее утромъ въ саду; упорно смотрѣли на нее выкатившіеся глаза.... медленно двигался во рту распухшій языкъ....

Мери зажгла свѣчи и не тушила ихъ всю ночь.

Она придвинула кресло къ свободному углу комнаты, сѣла и со страхомъ, творя молитву, смотрѣла на пустую постель своего мужа.

Когда она проснулась, въ комнатѣ было свѣтло; слабый свѣтъ горѣвшихъ свѣчей поглащался яркими лучами лѣтняго солнца, прямо ударявшаго въ окно.

Въ исходѣ 5-го часа двинулась печальная процессія изъ часовни къ русскому кладбищу, на горѣ. Четыре носильщика несли простой, обитый чернымъ гробъ. Сзади шла Мери; возлѣ нея графъ, на шляпѣ и рукавѣ котораго виднѣлся черный крепъ. Дошли до приготовленной могилы... опустили гробъ.... Мери бросила первую горсть земли; за нею посыпалась масса другихъ—и вскорѣ гробъ исчезъ подъ толстымъ слоемъ известковаго песку.

Мери стало жалко своего неотпѣтаго мужа, зарытаго въ чужой, иновѣрной землѣ. Она спустилась въ церковь и начала горячо молиться за того, кому церковь отказала въ своемъ послѣднемъ напутствіи въ загробный міръ.

IX.

Мери вернулась къ могилѣ, прочла надъ нею всѣ, какія только знала, заупокойныя молитвы и вмѣстѣ съ графомъ вернулась домой.

Ночью ей снова сталъ грезиться мужъ; она не могла спать и всю ночь просидѣла на креслѣ, при зажженныхъ свѣчахъ. Она разсказала о своемъ страхѣ графу и просила его найти ей недорогую, меблированную квартиру въ частномъ домѣ. Графъ, которому такая просьба была весьма и весьма пріятна, въ тотъ же день нашелъ ей небольшую квартирку, почти на самомъ краю города, въ глухой, уединенной сторонѣ. Квартира состояла изъ одной просторной комнаты въ два окна и небольшой спальни, отдѣленной толстымъ суконнымъ драпри. Передъ домомъ былъ небольшой, тщательно расчищенный садъ, усаженный группами розъ и другихъ мелкихъ цвѣтовъ. Въ окно виднѣлись зеленыя, раскинувшіяся по горѣ поля, между которыми вилось шоссе, исчезавшее въ долинѣ, за горой.

Мери была очень довольна этимъ тихимъ, уединеннымъ уголкомъ. Въ небольшомъ домѣ было спокойно и тихо. Въ квартирахъ жили все пожилые, одинокіе люди, которые не только не мѣшали никому, но напротивъ, сами искали покоя и тишины. Прислугою служила одна молодая, некрасивая Гретхенъ, успѣвавшая во время угодить всѣмъ жильцамъ.

Проходили дни. Мери жила въ своемъ новомъ жилищѣ, ходила въ церковь, служила панихиды, (за которыя графъ заплатилъ разомъ впередъ), принимала графа и ни о чемъ болѣе не думала. Ей не приходило въ голову, что надо уѣзжать, надо разсчитаться съ графомъ, разстаться съ нимъ и начать новую жизнь въ глуши приволжскихъ деревень.

Разстаться съ графомъ.... это казалось ей невозможнымъ. Теперь, когда она свободна, когда счастіе не встрѣчаетъ болѣе препятствій.... и уѣхать, уѣхать навсегда! На это у нея не хватало рѣшимости. Она надѣялась, ждала и продолжала жить, не думая о будущемъ, не думая объ отъѣздѣ, не думая ни о чемъ, кромѣ своей любви, которая жаждала отвѣта, которая должна была дойти до извѣстнаго конца.

Графъ проводилъ у Мери почти цѣлые дни.

Она всегда одинаково принимала его; она обращалась съ нимъ, какъ съ другомъ, какъ съ братомъ; она во всемъ довѣрялась ему, слушала его и исполняла всѣ его совѣты. Эта довѣрчивость еще болѣе стѣсняла графа. Его страсть разгоралась все сильнѣе и сильнѣе, и ему стоило большихъ усилій сдерживать свои бѣшеные порывы. Смерть Лопатина только отдалила его отъ желанной цѣли. Онъ понималъ очень хорошо, что теперь, въ виду еще свѣжей могилы, начать снова атаку, значитъ испортить все дѣло; что теперь, можетъ быть только одинъ исходъ: это предложеніе на бракъ, но на это онъ еще не рѣшался. Онъ медлилъ: это казалось ему безразсудствомъ, непоправимою глупостью, глупостью, отъ которой зависѣла вся будущность, вся жизнь.

Мери все также страстно любила графа; по теперь, когда она стала свободна, она сдерживала себя въ его присутствіи; она ждала перваго шага съ его стороны, она не желала стѣснять его, она все предоставила на его волю. Она обращалась съ нимъ какъ съ братомъ и тщательно избѣгала всего, что могло коснуться ея чувства, ея страсти къ нему. Она не забыла его признанія въ любви и ждала развязки, т. е. предложенія, такъ какъ другой развязки она не могла и придумать.

Время шло. Графъ бѣсился и выходилъ изъ себя. А Мери была еще прекраснѣе, въ своемъ скромномъ траурномъ ко-

стюмѣ, такъ хорошо гармонировавшимъ съ ея блѣднымъ, миніатюрнымъ личикомъ.

Прошло болѣе мѣсяца. Графъ не отступалъ и не подвигался впередъ. Онъ ждалъ случая и готовъ былъ на все.

Въ одинъ теплый лѣтній вечеръ графъ предложилъ Мери пойти погулять. Они вышли за городъ и пошли напрямикъ лѣсомъ, по склону горы. Мягкій грунтъ прошлогоднихъ листьевъ скрывалъ ихъ шаги. Въ лѣсу было тихо: ни одинъ листокъ не шевелился на деревьяхъ, и только пѣніе мелкихъ пташекъ одно нарушало тишину.

Они добрались до небольшой полукруглой скамейки, пріютившейся подъ сѣнью широковѣтвистаго дуба и сѣли. Графъ снялъ шляпу и сидѣлъ, опустивъ голову. Онъ чертилъ по песку какія-то безсвязныя фигуры и часто взглядывалъ на Мери, любуясь ея красотой. Мери прислонилась къ дереву и кокетливо обмахивалась вееромъ, полузакрывъ свои большіе, темносиніе глаза. Графа передергивало. Нервная дрожь пробѣгала по его тѣлу и сладкой истомой замирала въ груди.

— Мери! что ты со мною дѣлаешь? спросилъ онъ, подвигаясь къ ней ближе и взявъ своими дрожащими руками ея тонкую, изящную руку.

Мери съ удивленіемъ взглянула на графа, но не отняла руки.

— Мери, я съ ума сойду! Я люблю тебя! Я полюбилъ тебя со дня нашей первой встрѣчи; я не могу жить безъ тебя..... Я молчалъ; я ждалъ; но теперь, когда ты свободна.... Мери, не откажи мнѣ! Я буду любить тебя вѣчно, я.... Мери! позволь же мнѣ, предъ лицомъ всего свѣта, назвать тебя своею женою съ тѣмъ, чтобы никогда не разлучаться съ тобой, съ тѣмъ, чтобы, всегда, вездѣ, быть съ тобою вмѣстѣ. О! не откажи мнѣ,..... неужели я ошибался? неужели ты не любишь меня? неужели?... нѣтъ! не можетъ быть!

Онъ всталъ передъ ней на колѣни; охватилъ ее и съ безумнымъ восторгомъ прижался къ ея ногамъ. Она молчала. Онъ поднялся; взглянулъ ей въ глаза и крѣпко сжавъ ея

руки, судорожно прошепталъ: — Мери! ради Бога, отвѣчай мнѣ:.... согласна..... да?

— Да, отвѣчала она едва слышно. Я тоже люблю.....

Онъ не далъ ей договорить и впился своими сухими губами въ ея маленькій полураскрытый ротикъ.....

Мери съ трудомъ вырвалась изъ его объятій.

Пойдемъ домой, сказала она;—сейчасъ будетъ дождь.

Дѣйствительно, мрачныя тучи поднимались со стороны Рейна. Сильный порывъ вѣтра зашумѣлъ между деревьями и разбудилъ дремавшій лѣсъ.

Они пошли домой. Мери шла такъ быстро, что графъ едва успѣвалъ поспѣвать за нею. Она вошла въ комнату, сбросила съ себя шляпку и сѣла на подоконникъ, у открытаго окна. Графъ сѣлъ на стулъ, у ея ногъ. Мери не помнила себя. Какое-то радостное, безконечно пріятное чувство наполняло ея сердце; она молчала и съ безмолвной улыбкой счастія смотрѣла на сидящаго у ея ногъ Анатоля. Лицо графа горѣло. Онъ не выпускалъ ея рукъ и шепталъ страстное признаніе въ любви.

— Мери, ты моя! говорилъ онъ, обнимая ея колѣни:—ты моя, отнынѣ и навсегда! Ты любишь меня! Зачѣмъ же ты молчишь? Я хочу, еще разъ, услышать отъ тебя признаніе, еще разъ выслушать твое согласіе; я готовъ безъ конца слушать его. Говори же!.. скажи мнѣ, что ты любишь меня, что ты моя!

— Да, я твоя! отвѣчала она.

— Моя! Такъ поцѣлуй же меня, предъ лицомъ Бога и освяти этимъ первымъ поцѣлуемъ нашу взаимную любовь!

Онъ близко придвинулъ къ ней свое безумное отъ палящей страсти лицо. Она обняла его и крѣпко, крѣпко поцѣловала. Онъ не выпускалъ ея изъ рукъ. Она испугалась этого бѣшеннаго, налитаго кровью взгляда, хотѣла освободиться, но онъ держалъ ее въ крѣпкихъ, могучихъ объятіяхъ.....

Окно опустѣло!.....

. . . . . .

Кто-то тихо постучалъ у дверей, то была Гретхенъ принесшая въ обычное время вечерній чай. Отвѣта не было.

Гретхенъ подождала и постучала снова. Отвѣта вновь не послѣдовало. Гретхенъ стала прислушиваться.

Сквозь запертыя двери слышался тихій шепотъ.....

— Кто тамъ? спросилъ графъ:—ступайте; васъ позовутъ, когда будетъ нужно. Гретхенъ ушла.

Мери не слыхала стука въ дверь. Для нея весь міръ сосредоточился въ лицѣ ея любимаго Анатоля. Она только видѣла передъ собой это завѣтное лицо; слышала страстныя, прерываемымъ шепотомъ произносимыя слова, и какъ безумная упивалась первыми ласками первой любви.

Анатоль говорилъ ей «ты». Какимъ нѣжнымъ, волшебногармоническимъ звукомъ казалось ей это короткое слово! Какъ радостно отдавалось оно въ сердцѣ; какою небесною музыкою лелѣяло слухъ.... А его поцѣлуи! Какимъ огнемъ жгли они; какую палящую страсть зажигали въ груди; какъ нѣжили, какъ ласкали, какъ томили ее..... Она жила всѣмъ богатымъ запасомъ столь долго сдерживаемаго чувства; она любила, была любима взаимно, была счастлива вполнѣ....

. . . . . .

Солнце давно уже скрылось за домами; непроглядная тьма спустилась на землю, но этой тьмы не боялась Мери. Другой свѣтъ, таинственный свѣтъ любви горѣлъ въ ея сердцѣ, отражался въ глазахъ и помогалъ ей ясно отличать дорогія черты милаго лица.

За стѣною часы медленно пробили 11-ть. Графъ всталъ и зажегъ свѣчу.

Мери сидѣла на диванѣ. Ея личико горѣло; ея волосы въ безпорядкѣ обвивались вокругъ головы, а глаза!.,... глаза выражали все, что она чувствовала; все, что хотѣла, но не знала, не находила словъ, какъ сказать, какъ передать охватившее ее чувство.

Графъ сѣлъ возлѣ Мери и тихо привлекъ ее къ себѣ на грудь. Страстные порывы замѣнились тихою нѣжною лаской; головка Мери отдыхала на груди графа, а ея сердце билось возлѣ другаго сердца и частыми ударами выдавало свою завѣтную, столь долго хранимую тайну.

Пробило 12-ть. Графъ, въ послѣдній разъ, сжалъ въ своихъ объятіяхъ Мери, покрылъ поцѣлуями ея горящее лицо, ея дрожащія ручки, медленно спустился съ лѣстницы, съ

трудомъ растолкалъ спящую внизу, въ каморкѣ, Гретхенъ и вышелъ на улицу. Проходя мимо оконъ Мери, онъ увидѣлъ силуэтъ послѣдней, отражавшійся на освѣщенной шторѣ открытаго окна. Графъ замѣтилъ, какъ колыхалась эта штора отъ дрожанія приподнявшей ея руки, снялъ шляпу и, нѣсколько разъ, слегка, кивнулъ головой.

Зайдя за уголъ, онъ остановился, спокойно закурилъ сигару и пошелъ, напѣвая извѣстную, любимую имъ арію «La donna e mobilé.» изъ Риголетто. Онъ былъ вполнѣ доволенъ собой. Наконецъ то, добился онъ цѣли; наконецъ то, сдалась ему эта гордая, неприступная женщина.

Самолюбіе его было блистательно удовлетворено; слѣдовательно, онъ былъ счастливъ, потому что другаго счастія не признавалъ и не понималъ этотъ ничтожный, презрѣнный и жалкій человѣкъ.

А Мери! Когда ея Анатоль скрылся за угломъ, она потушила свѣчу, подняла штору, и облокотилась на подушку у открытаго окна.

Долго оставалась она въ этомъ положеніи. Ночной туманъ пріятно освѣжалъ ея пылавшую головку; ночная тьма скрывала ее отъ любопытнаго взгляда постороннихъ людей, а ночной вѣтеръ навѣвалъ ей тихія грезы, первыя, завѣтныя воспоминанія первой любви.

На другое утро Мери едва только успѣла одѣться, какъ графъ пришелъ къ ней. Она предложила ему, вмѣстѣ, напиться чаю. Графъ согласился. Принесли приборъ, масло и хлѣбъ. Графъ взялъ булку и хотѣлъ намазать ее масломъ.

— Оставьте, сказала Мери, взявъ его за руку;—отнынѣ это будетъ моею обязанностью; я все приготовлю вамъ.

— Хорошо, отвѣчалъ онъ, цѣлуя ея руку, — только не намазывай много масла, я не люблю....

— Знаю, давно знаю, перебила Мери, улыбаясь и съ любовью смотря ему въ глаза: — знаю всѣ ваши привычки и постараюсь устроить такъ, чтобы ни чѣмъ не стѣснить ихъ.

Хорошо было имъ въ небольшой уютной комнаткѣ. Закрытыя ставни избавляли ихъ отъ лучей жгучаго солнца, но пропускали достаточно Божьяго свѣта. Не долго испол-

няла Мери обязанности хозяйки: вскорѣ она очутилась на колѣняхъ графа и болтала безъ умолку, и рѣзвилась, какъ птичка, отъ избытка счастія и любви.

Графъ предложилъ Мери послать за лошадьми и ѣхать верхомъ обѣдать куда нибудь, за городъ. Мери съ радостью согласилась. Графъ написалъ коротенькую записку и велѣлъ отнести ее къ старшему берейтору герцога. Мери пошла въ свою спальню переодѣться.

Черезъ нѣсколько минутъ она вышла, подошла къ зеркалу и начала поправлять свой туалетъ. Графъ тихо подошелъ къ ней сзади, взялъ ее за остренькій подбородокъ, слегка нагнулъ ей голову назадъ и крѣпко поцѣловалъ.

— Какая ты у меня хорошенькая, сказалъ онъ, любуясь ея граціозной головкой.

— Приколи мнѣ шляпу, сказала Мери, медленно освобождаясь изъ его рукъ.

Она подала ему длинную шпильку и кокетливо надѣла себѣ на голову маленькую сѣрую шляпу.

— Не такъ, не такъ! продолжала она, качая головой.

Графъ хотѣлъ вынуть шпильку и запутался въ ея длинныхъ, густыхъ волосахъ. Она закинула назадъ руки и начала освобождать глубоко воткнутую шпильку, а графъ только мѣшалъ ей, цѣлуя ея длинные, тонкіе пальцы.

— Что же это такое, наконецъ! сказала она, полуулыбаясь, полусердясь:—долго ли вы будете мѣшать мнѣ вашими поцѣлуями; у меня совсѣмъ отекли руки. Она обернулась къ нему лицомъ:—Сядь на диванъ! непослушный, сядь!

Графъ стоялъ и смотрѣлъ на ея маленькія, слегка нахмуренныя брови.

— Будете ли вы слушаться меня, или нѣтъ? прибавила Мери и начала наступать своими ножками на ноги графа. Тотъ ловко отнималъ ихъ и медленно отступалъ. Такъ дошли они до дивана. Графъ опустился на диванъ и охватилъ Мери за талію.

— Оставь меня: ты опять испортишь мою прическу, сказала она, вырываясь изъ его рукъ.

— Времени много: успѣешь, отвѣчалъ онъ тихо, привлекая ее къ себѣ на грудь.

Привели лошадей. На этотъ разъ графъ, вмѣсто стула, предложилъ Мери свое колѣно, и Мери не отказалась.

Они выѣхали за городъ.

— Куда же мы поѣдемъ? спросилъ графъ, когда они доѣхали до перекрестка.

— Поѣдемъ въ Fazanerie, отвѣчала Мери:—я еще ни разу не была тамъ.

— Fazanerie—¾ Stunde, прочелъ графъ надпись на доскѣ:—недалеко.

Они поѣхали по широкому, тѣнистому шоссе. Порывистый вѣтерокъ пріятно освѣжалъ лицо и уменьшалъ знойный жаръ лѣтняго солнца.

Болтая, обгоняя другъ друга, и поминутно придумывая разныя невинныя, почти дѣтскія шалости, они проѣхали болѣе двухъ верстъ и не замѣтили поворота влѣво, который велъ въ Fazanerie. Столбъ съ надписью былъ сломанъ и валялся въ канавѣ поворота. Они продолжали ѣхать по шоссе; лошади устали и отказывались болѣе скакать.

— Однако, вотъ уже полтора часа, какъ мы ѣдемъ, а дорогѣ не видно конца, сказалъ графъ, посматривая на часы.

— Ахъ! какъ хорошо было бы заблудиться, перебила его Мери.—Да впрочемъ, тутъ и заблудиться нельзя. Все расчищено; все прибрано; всюду надписи; точно садъ, а не лѣсъ.

Наконецъ, они доѣхали до постоялаго двора, скрытаго между деревьями въ лѣсу. Сзади дома, на разчищенной площадкѣ, были разставлены деревянныя стулья и столы. За однимъ изъ нихъ сидѣли трое поселянъ и пили дешевое яблочное вино. Сбоку на лужайкѣ, стояла тяжелая повозка, запряженная цугомъ двумя лошадьми.

Скоро ли будетъ Fazanerie? спросилъ графъ, подходившую къ нему старую женщину, съ ребенкомъ на рукахъ.

— Fazanerie тамъ! отвѣчала она, указывая пальцемъ влѣво:—эта дорога идетъ въ Швальбахъ. Fazanerie въ сторонѣ.

— Досадно будетъ вернуться назадъ, проворчалъ графъ, обращаясь къ Мери.—А до Швальбаха далеко?

— Два съ половиною часа.

— А до Fazanerie?

— По этой дорогѣ полчаса. И женщина указала рукою на не широкую просѣку, поросшую густою, зеленою травою.

— Графъ приказалъ подать двѣ кружки молока. Они выпили и поѣхали по полянѣ, которая довольно круто спускалась внизъ.

Минутъ черезъ двадцать, они добрались до Fazanerie.

Посреди довольно широкой долины, стоялъ небольшой 2-хъ этажный домъ съ высокою, во столько же этажей, германскою крышею. Передній фасадъ его весь былъ покрытъ сплошною массою вьющейся зелени. Справа, тянулись разныя службы. Домъ, службы и небольшой садъ были обнесены прочною деревянною оградою. Передъ домомъ былъ крошечный прудъ, почти скрытый подъ нависшими вѣтвями трехъ плакучихъ ивъ, растущихъ по его огороженнымъ, едва замѣтнымъ берегамъ. Подъ ивами стояли чистые деревянные столы и окрашенныя зеленою краскою скамейки. За прудомъ тянулись большія засѣянныя поля; за ними виднѣлся монастырь св. Клары, отъ котораго вся долина получила названіе Кларенталь.

Фазановъ въ домѣ не было ни одного. Онъ оказался обыкновенною фермою.

Изъ дома вышла молодая, миловидная женщина и, подойдя къ Мери, спросила не угодно ли ей кофе. Графъ велѣлъ зажарить трехъ цыплятъ и подать: кофе, хлѣба, масла и вареныхъ яицъ.

Мери сѣла подъ ивою. Графъ хотѣлъ привязать лошадей къ дереву, но къ нему подошелъ рослый работникъ и предложилъ отвести лошадей на конюшню.

Мери начало сильно клонить ко сну. Графъ благоразумно захватившій съ собою пледъ, разложилъ его на мягкой, густой травѣ, подъ тѣнью ивы, и велѣлъ принести подушку. Мери скоро уснула крѣпкимъ сномъ.

Прошло болѣе получаса. Принесли обѣдъ. Графъ всталъ на колѣни, у изголовья Мери, хотѣлъ разбудить ее, но остановился и невольно заглядѣлся на это прекрасное существо, мирно спящее на мягкой, зеленой травѣ.

Мери проснулась. Лѣниво потянулась она послѣ крѣпкаго, освѣжившаго ее сна; затѣмъ проворно вскочила съ зем-

ли, оправляя свои густыя, выбившіеся изъ подъ сѣтки, волосы.

— Какъ я скоро заснула, сказала она: — какъ пріятно спать въ тѣни, на мягкой травѣ.

Они сѣли за столъ.

Послѣ обѣда графъ велѣлъ принести два бокала и бутылку самаго лучшаго рейнскаго вина. Онъ налилъ ихъ до краевъ.

— За нашу любовь, за наше счастіе, за вчерашній, сегодняшній и будущіе дни! сказалъ онъ, подавая Мери бокалъ. Они чокнулись и выпили залпомъ до конца. Графъ взялъ Мери за руки и крѣпко ее поцѣловалъ. Она долго сжимала его руки. Близкое присутствіе постороннихъ, мѣшало ей отвѣчать болѣе нѣжною горячею ласкою на этотъ завѣтный, радостный тостъ. Нѣсколько минутъ сидѣли они, держась за руки и страстно смотря другъ другу въ глаза.

— Пора ѣхать, сказалъ графъ, цѣлуя еще разъ руку Мери.

Онъ расплатился и велѣлъ привести лошадей.

— Пойдемъ лучше пѣшкомъ! сказала Мери.

Влѣво отъ дома, по склону горы, шло широкое обсаженное густыми, тѣнистыми деревьями, шоссе. Вскорѣ, влѣво отъ него отдѣлилась проселочная дорога, которая извивалась посреди густаго лѣса, паралельно шоссе. Они свернули на эту дорогу. Графъ велъ Мери подъ руку, а въ другой держалъ поводья лошадей. Онъ нѣжно сжималъ ея тонкіе, гибкіе пальцы и часто прикладывалъ ихъ къ своимъ губамъ. Личико Мери сильно разгорѣлось; ея глаза подернулись какимъ то туманомъ, а грудь вздымалась высоко и тяжело.

На дорогѣ, съ краю лежало большое срубленное дерево. Мери молча высвободила свою руку и сѣла на старый полусгнившій стволъ.

На встрѣчу имъ шелъ маленькій, лѣтъ семи, мальчикъ. Графъ привязалъ лошадей, подозвалъ мальчика, шепнулъ ему что-то; затѣмъ подошелъ къ Мери, взялъ ее за голову и пристально посмотрѣлъ ей въ глаза. Она охватила его руками и жадно прильнула къ его полуоткрытымъ губамъ. Онъ едва замѣтно улыбнулся, взялъ ее на руки и понесъ въ душистый, прохладный лѣсъ. . . . . .

Лошади стояли понуривъ головы и отгоняли хвостомъ докучныхъ мухъ. Мальчикъ сидѣлъ на срубленномъ деревѣ, съ нетерпѣніемъ поглядывая въ таинственную глубину лѣса. Тамъ было темно..... Тысячи разнообразныхъ звуковъ смѣшивались съ голосами птицъ и сливались въ одинъ стройный диссонансъ.

Наконецъ графъ и Мери показались между деревьями. Они шли медленно. Головка Мери покоилась на груди графа, который обнялъ ее своею правою рукою. Графъ посадилъ Мери на лошадь, сѣлъ самъ, вынулъ первую, попавшуюся ему монету и бросилъ ее мальчику. Монета оказалась полугульденомъ. Мальчикъ, неожидавшій такого щедраго вознагражденія, снялъ фуражку и кланялся до тѣхъ поръ, пока графъ не скрылся за поворотомъ. Тогда онъ надѣлъ фуражку, еще разъ взглянулъ на новенькую монету, крѣпко сжалъ ее въ своемъ маленькомъ кулачкѣ и побѣжалъ безъ оглядки домой.

X.

Земля безостановочно двигалась вокругъ своей оси. Измѣнялась относительная величина дня и ночи, но сутки, всѣ, одинаково походили одни на другія и постоянно измѣрялись одинаковымъ числомъ равныхъ 24-хъ часовъ. Такъ проходило время по законамъ природы, но не такъ измѣряли его люди. Для однихъ оно казалось безконечно долгимъ; для другихъ — почти незамѣтнымъ, и не было человѣка, которому оно казалось бы одинаковымъ въ тяжелыя и счастливыя минуты короткой человѣческой жизни.

Для Мери оно казалось однимъ безконечно-радостнымъ днемъ.

Она была счастлива вполнѣ. Все, о чемъ она мечтала, на что уже привыкала смотрѣть, какъ на безумную, несбыточную надежду, все сбылось, все осуществилось и притомъ такъ, что оказалось далеко лучше мечты. Она была счастлива. Ея настоящее было такъ полно, что даже не давало ей ни минуты подумать о будущемъ. Да и самое будущее! Чѣмъ могло быть оно, какъ ни продолженіемъ того же счастія, которое она испытывала каждый день.

Мысль о бракѣ страшила ее. Для этого была необходима разлука, хотя краткая, но все таки разлука. А разстаться съ нимъ теперь, не видѣть его не часъ, а нѣсколько дней, даже, можетъ быть, нѣсколько недѣль.... Нѣтъ! это невозможно! И она съ нетерпѣніемъ ожидала прихода Анатоля, а въ его присутствіи забывала все, кромѣ своей привязанности, своей любви къ нему.

Для графа первая недѣля пролетѣла также незамѣтно. Онъ придумывалъ разныя экскурсіи по окрестностямъ Висбадена, при чемъ однако всегда выбиралъ такія мѣста, гдѣ неразсчитывалъ встрѣтить кого нибудь изъ своихъ многочисленныхъ знакомыхъ.

Къ концу второй недѣли, подобное препровожденіе времени показалось ему довольно однообразнымъ. Постоянство онъ считалъ порокомъ. Его не могла удовлетворить полная, безграничная привязанность одной женщины. Для него, избалованнаго безчисленными побѣдами, нужно было разнообразіе. Его могла увлечь надолго только такая женщина, которая, нисколько не увлекаясь имъ самимъ, постоянно давала бы ему надежду достигнуть цѣли и вмѣстѣ съ тѣмъ играла бы имъ, кокетничала, возбуждала въ немъ ревность, раздражала самолюбіе, разжигала страсть. Такая женщина могла бы сдѣлать его своимъ послушнымъ, покорнымъ рабомъ. Онъ любилъ только тѣхъ, кто сопротивлялся и не сдавался ему; на побѣжденныхъ онъ не обращалъ болѣе вниманія, потому что привязанность тяготила его, а постоянство не было въ числѣ качествъ, которыми одарила его природа.

Онъ попробовалъ одинъ день не придти къ Мери. Онъ ушелъ, съ утра въ курзалъ; проигралъ тамъ часа два въ рулетку, затѣмъ вышелъ освѣжиться въ садъ.

На эстрадѣ сидѣлъ обычный кружокъ фешенебельной, титулованной молодежи Висбаденскаго общества: два Англичанина, Австріецъ, Итальянецъ и трое Русскихъ.

— Гдѣ это вы пропадаете. графъ? васъ нигдѣ не видно, вѣрно уѣзжали въ Гомбургъ? спросилъ его Австріецъ.

— Да, уѣзжалъ, отвѣчалъ графъ.

— Пробовали счастіе?

— Пробовалъ.

— Удачно?

— Не знаю: не считалъ; знаю только, что не въ проигрышѣ.

— А замѣтили вы тамъ, графъ, спросилъ одинъ изъ русскихъ,—испанку, синьору Беллу? Что за прелесть!

— Нѣтъ, не видалъ.

— О! неужели не видали. Она всегда бываетъ на музыкѣ. Какія глаза, какая ножка: обворожительно!

— Да, прибавилъ англичанинъ: — кровная андалузянка, рѣдкая порода!

И знаете графъ, продолжалъ русскій: — ни-ни! Обожателей тьма, весь Гомбургъ просто съ ума сошелъ; предложенія баснословныя... и ничего! Выслушаетъ снисходительно, поблагодаритъ, подаритъ чуднымъ взглядомъ, удивительной улыбкой.... и только!

— Кто же она?

— Примадонна какого то испанскаго театра. Пріѣхала отдохнуть и посмотрѣть тѣ города, куда стекается на лѣто все, что есть порядочнаго въ Европѣ. А какую она штуку сыграла съ лордомъ Д.... Отлично! Совершенно по испански. Садитесь, я вамъ разскажу.

Графъ подсѣлъ къ кружку. Время шло въ разсказахъ о различныхъ кокеткахъ Гомбурга и Висбадена. Австріецъ предложилъ пообѣдать всѣмъ вмѣстѣ. Пообѣдали. Велѣли принести шампанскаго, выпили за здоровье красавицы испанки и за того счастливца, который, первый, добьется ея благосклонности. Послѣ обѣда просидѣли на террасѣ до вечера и въ восьмомъ часу разошлись.

Графъ пошелъ домой.

— Никого не было? спросилъ онъ портье.

— Никого, отвѣчалъ тотъ, подавая письмо.

— Кто принесъ?

— Коммиссіонеръ.

— Давно?

— Въ третьемъ часу.

— Сказалъ отъ кого?

— Нѣтъ.

Графъ взглянулъ на адресъ. Отъ Мери. Онъ ожидалъ длиннаго посланія. Развернулъ записку....

«Здоровъ ли ты?» было тамъ написано.

Графъ постоялъ, подумалъ—и пошелъ къ Мери.

Мери съ утра ждала графа. Въ третьемъ часу она послала къ нему записку. Коммиссіонеръ вернулся и сказалъ, что графа нѣтъ дома. Мери сѣла къ окну и все ждала.

— Наконецъ то, мой милый? встрѣтила она графа, бросаясь къ нему на шею.—Я ужъ думала: не болѣнъ ли ты; посылала узнать.

Графъ ждалъ упрековъ, объясненій, слезъ. Ничего не послѣдовало. Мери даже не спросила, гдѣ онъ провелъ цѣлый день и отчего такъ поздно пришелъ къ ней. Она разсказала ему все, что передумала за это время.

— Мнѣ приходили въ голову всевозможныя несчастія, которыя могли случиться съ тобою, говорила она:—я сожалѣла, что меня нѣтъ вмѣстѣ съ тобою, что я не могу помочь тебѣ, не могу спасти тебя отъ неожиданной, случайной бѣды.

Графу стало совѣстно передъ Мери; онъ былъ съ нею нѣженъ и ласковъ какъ прежде, и подъ вліяніемъ этой ласки, Мери забыла все передуманное, стала рѣзва и весела какъ ребенокъ.

Графъ сказалъ Мери, что его задержали въ курзалѣ знакомые Англичане, которымъ онъ, еще на охотѣ, проигралъ полдюжины шампанскаго. Они предложили мнѣ пообѣдать, прибавилъ онъ: — отказаться было неловко; уйти сейчасъ послѣ обѣда—тоже..... ну, время и протянулось.

Онъ попросилъ чаю и просидѣлъ у Мери до поздней ночи. За чаемъ Мери призналась графу, что она цѣлый день ничего не ѣла. Графъ побранилъ ее за такое безразсудство.

— Да знаешь, какъ то и не хотѣлось, и аппетиту вовсе не было. И жить безъ тебя не хочется! прибавила она, прижимаясь къ его груди.

Третья недѣля показалась графу убійственно скучною; четвертая — невыносимою. Ни упрека, ни подозрѣнія, ни каприза, вѣчно одна и таже безконечная привязанность... Графъ едва удерживался отъ зѣвоты. Сколько разъ бранилъ онъ себя за необдуманно сдѣланное предложеніе, за всю эту глупую интригу, которая опутала его и изъ которой онъ

тщетно искалъ выхода: «Очень нужно было давиться этому дураку,» думалъ онъ, «я ему далъ бы втрое болѣе, если бы онъ остался живъ. Одно средство — уѣхать. Только подъ какимъ предлогомъ? Сказать, что кончился срокъ отпуска... нельзя, я самъ говорилъ ей прежде, что отпущенъ до конца сентября. Сказать, что получилъ извѣстіе объ одномъ важномъ дѣлѣ, которое требуетъ моего немедленнаго прибытія... тоже нельзя: пожалуй, захочетъ ѣхать со мною и тогда, въ Петербургѣ, отдѣлаться будетъ еще труднѣе. Ба! да что-же я думаю. А свадьба! Прекрасная вещь! Скажу, Что надо испросить разрѣшеніе начальства; скажу, что..... что бы сказать такое?... да, скажу, что у меня есть старуха тетка, у которой тоже необходимо лично испросить благословеніе на бракъ; а то она разсердится, обидится и.... Скажу, что постараюсь скоро вернуться и тогда обвѣнчаемся здѣсь, въ Висбаденѣ, въ столь дорогомъ для насъ мѣстѣ, гдѣ каждый уголокъ.... каждое дерево.... напоминаетъ..... ну, и т. д.—это уже извѣстно. Уѣду! а тамъ!.... а тамъ найдемъ средство: устроимъ!»

На другой день графъ зашелъ къ Мери и пригласилъ ее идти на Неробергъ. Мери поцѣловала его за подобное предложеніе. Для нея Неробергъ съ его окрестностями, да ея маленькая комната были наиболѣе дорогими мѣстами въ цѣломъ мірѣ.

Они поднялись къ церкви и пошли правѣе ея, по аллеѣ, ведущей на Platté. Графъ шелъ молча. Онъ придумывалъ, какъ бы лучше объяснить Мери необходимость отъѣзда. Мери сначала пробовала заговаривать, но вскорѣ замолчала и шла, сбивая зонтикомъ нависшіе надъ дорогой дикіе каштаны. Дорожка извивалась по склону горы.

Они дошли до небольшой площадки, на которой, близко другъ къ другу, росли четыре молодыхъ дубка. Дубки были соединены тремя, искусно сплетенными изъ молодыхъ прутьевъ скамейками. Графъ сѣлъ на одну изъ нихъ. Мери сѣла возлѣ него.

— Отчего ты сегодня такъ задумчивъ? спросила она.

— Я! отвѣчалъ графъ съ притворнымъ удивленіемъ.

— Да, ты. Отъ меня ничего не скроется: я сейчасъ замѣчу. Твои думы не секретъ? Ты можешь сказать ихъ

мнѣ?.... Если можешь, скажи! Я постараюсь успокоить тебя, развеселить, утѣшить. Я надѣюсь, что успѣю въ этомъ. До сихъ поръ, мнѣ удавалось.... не знаю, какъ далѣе. Нѣтъ?... не секретъ? Онъ обнялъ ее и поцѣловалъ.

— Я давно уже думаю объ этомъ, сказалъ онъ: — но не знаю, какъ сказать тебѣ. Мнѣ тяжело.... мнѣ трудно ..

— Что такое? спросила она, съ испугомъ смотря ему въ глаза.

— Что ты такъ испугалась: — не бойся. Вѣдь это для тебя же, для нашего счастія.

— Что такое? скажи?

— Я думалъ о нашемъ бракѣ, Мери, о нашей будущности. Ты повѣрила моему слову, ты была такъ благородна, что даже ни разу не напомнила мнѣ объ этомъ.....

— Я была такъ счастлива! перебила она: — мнѣ ничего не нужно было болѣе.

— Тебѣ.... да; но моею обязанностью было подумать о нашемъ будущемъ, о твоемъ положеніи въ обществѣ. Я рѣшился не медлить долѣе. Какъ ни тяжело мнѣ будетъ разстаться съ тобою, хотя и на короткое время, но я уѣду въ Петербургъ, устрою все, вернусь... Тогда мы уже не разстанемся никогда! Ты знаешь, что мнѣ необходимо разрѣшеніе начальства; кромѣ того у меня въ Москвѣ живетъ старушка тетка, старшая сестра моей матери, которая любитъ меня, какъ роднаго сына. Она сдѣлала мнѣ много добра, и мнѣ необходимо лично попросить ея благословенія на бракъ. Она не откажетъ мнѣ; но если я не пріѣду, она обидится, а мнѣ не хотѣлось бы огорчать старушку, которую я люблю, какъ родную мать. Я вернусь скоро: недѣли черезъ три... не позже. Ты отпустишь меня; — да? Онъ взялъ ее за голову и пристально смотрѣлъ ей въ глаза.

— Поѣзжай, мой милый, отвѣчала она: — поѣзжай; я не должна и не хочу удерживать тебя. Можетъ быть, прежде, я просила бы тебя не уѣзжать; я не рѣшилась бы, во имя будущаго, утратить, хотя и на короткое время, все счастіе настоящаго; я пренебрегла бы всѣмъ: и мнѣніемъ свѣта, и моимъ положеніемъ и не отпустила бы тебя. Но теперь! — теперь, дѣло другое. Теперь, я сама буду просить тебя.

Уѣзжай! и устраивай поскорѣе. Теперь для насъ бракъ необходимъ.

— Отчего же теперь, а не прежде? спросилъ графъ.

— Оттого.... она смотрѣла на графа съ выраженіемъ безграничнаго счастія и любви: — оттого, что теперь, я не одна! теперь.... со мною.... всюду.... незримо.... нераздѣльно ... онъ! мое дитя, твой ребенокъ, нашъ дорогой, обожаемый малютка. О! благодарю тебя за это новое счастіе, которое я испытываю теперь. Мать твоего ребенка!... мужъ и отецъ!.. мужъ и дитя!... чего болѣе можно желать на свѣтѣ?

На ея глазахъ были слезы, ея голосъ прерывался и дрожалъ.

— Какъ! неужели! воскликнулъ графъ:—не можетъ быть!... ты ошибаешься?

— Нѣтъ, не ошибаюсь, мой другъ. Я давно уже надѣялась, но молчала, потому что боялась ошибиться. Я надѣялась и ждала, ждала и надѣялась; но теперь..... сомнѣнія нѣтъ! Теперь я мать, и Боже! какъ я благодарна тебѣ за это. О! какъ я буду любить его, какъ я буду любить васъ обоихъ.... милый!.. милый! Она опустилась передъ нимъ на колѣни и скрыла въ его рукахъ свое влажное отъ слезъ лицо.

Онъ сидѣлъ неподвижно и нервно кусалъ свою нижнюю губу, что служило у него всегда признакомъ сильнаго раздраженія. «Вотъ, не было печали,» думалъ онъ «да черти.... впрочемъ не черти, а я самъ, по собственной глупости..... Надо скорѣе уѣхать! Еще однимъ предлогомъ болѣе и самымъ важнымъ....»

Онъ поднялъ Мери и посадилъ ее къ себѣ на колѣни. Такъ неожиданно, мой другъ, говорилъ онъ: — я совсѣмъ растерялся.... не знаю, что сказать, я....

— И не говори, перебила она: — но я увѣрена, что ты такъ же счастливъ, такъ же радъ, какъ и я,—иначе не можетъ и быть. Для него, я сама буду просить тебя: уѣзжай! не бойся оставить меня, вѣдь я не одна! Я буду спокойна, я буду ожидать тебя, писать тебѣ, увѣдомлять о моемъ, т. е. о нашемъ здоровьи, буду писать тебѣ всякій вздоръ, все, что придетъ въ голову.... Тебѣ не наскучатъ мои письма?... нѣтъ?

— О пиши, пожалуйста пиши, я буду очень радъ.

— И ты будешь отвѣчать мнѣ?

— Конечно, буду.

— Ну, спасибо, дорогой мой, теперь, мнѣ ничего болѣе не нужно.

Они проболтали еще болѣе часу. Графъ назначилъ днемъ отъѣзда понедѣльникъ. Мери, подъ предлогомъ тяжелаго дня, успѣла отсрочить отъѣздъ до вторника и выгадала одинъ день.

Послѣдніе дни они неразлучно проводили вмѣстѣ. Графъ, въ ожиданіи скораго конца, былъ веселъ, ласковъ и нѣженъ. Мери была задумчива, но счастлива.

Наканунѣ отъѣзда, послѣ обѣда, графъ хотѣлъ уйти къ себѣ.

— Куда спросила его Мери.

— Къ себѣ.

— Зачѣмъ?

— Укладывать вещи въ дорогу.

— Пойдемъ вмѣстѣ: я хочу сама, своими руками, уложить твои вещи.

— Но тебѣ будетъ неловко идти ко мнѣ. Въ отелѣ всегда много народа: портье, лакеи, посторонніе....

— Какое мнѣ до нихъ дѣло! я иду къ тебѣ, потому что хочу этого, потому что имѣю на это право. Можетъ быть, я компрометирую тебя? тогда....

— О! меня? — нисколько!

— А обо мнѣ не безпокойся! Я готова: пойдемъ!

Они пришли въ комнату графа.

— Какой у тебя безпорядокъ, говорила Мери, снимая шляпку и отыскивая мѣсто, гдѣ бы можно было сѣсть: — все раскидано, все разбросано. Она сняла со стула охотничій патронташъ, повѣсила его на гвоздь.—У меня такого безобразія не будетъ. Посмотрите, на что **это** похоже: туфли на столѣ, платокъ на полу; — стыдно!

Она немного отдохнула; затѣмъ велѣла графу вынуть все изъ чемодановъ, вытерла ихъ полотенцемъ и начала тщательно укладывать его бѣлье. Онъ сначала помогалъ ей, но потомъ развалился на диванѣ и курилъ. Она долго возилась съ вещами, наконецъ уложила все такъ плотно и

хорошо, какъ только способна укладывать любящая мать или жена. Вещи, въ которыхъ онъ могъ нуждаться дорогой, она положила сверху, на виду и указала ему, гдѣ и что именно лежитъ.

Стемнѣло. Мери сѣла на другой диванъ. Она утомилась и не много вздремнула.

Они напились чаю и пошли погулять. Ночь была тихая, свѣтлая; полная луна поднималась изъ за горъ.

— Пойдемъ на Неробергъ, сказала Мери: — подари мнѣ тамъ нѣсколько часовъ, въ послѣднюю ночь передъ нашей разлукой. Здѣсь душно; здѣсь повсюду несносные люди, а тамъ мы будемъ одни; тамъ никто не помѣшаетъ, никто не стѣснитъ насъ.

— Пойдемъ, мой другъ, отвѣчалъ графъ, которому въ дѣйствительности вовсе не хотѣлось идти такъ далеко, ночью. Они добрались до вершины Нероберга и усѣлись въ каменной бесѣдкѣ, на краю горы. Видъ съ этой площадки былъ восхитителенъ. Внизу, въ глубокой долинѣ, лежалъ Висбаденъ, въ которомъ кое гдѣ, звѣздочками, мелькали фонари. Луна ярко освѣщала бѣлыя стѣны домовъ, среди которыхъ, мрачными пятнами, возвышались небѣленыя, красныя стѣны церквей. Отъ города, какъ змѣи, ползли усаженныя деревьями шоссе и исчезали въ непроглядной дали. Справа, свѣтлою лентою извивался широкій Рейнъ, сливаясь на горизонтѣ съ голубымъ, безоблачнымъ небомъ. По его берегамъ мѣстами свѣтились бѣлыя массы домовъ; то были города: Бибрихъ, Кастель и Майнцъ. Слѣва, изъ за густой массы деревьевъ, возвышались золоченыя главы православной церкви. Луна безконечными переливами играла на яркой позолотѣ, рѣзко оттѣненной зеленою массою вокругъ. Вѣтра не было; но въ воздухѣ чувствовалась прохлада и даже свѣжесть. Глубокая тишина изрѣдка прерывалась отдаленнымъ лаемъ собакъ, да слабымъ, едва слышнымъ крикомъ совы.

Мери сидѣла неподвижно, склонивъ свою голову на правое плечо графа и охвативъ его своими обѣими руками. Она тихо, незамѣтно плакала. Какъ ни крѣпилась она, какъ ни старалась казаться спокойною, твердою, но чувство взяло свое. Ей было и жалко, и страшно разстаться

съ своимъ Анатолемъ, разстаться на долго, если не на всегда.

— Мери, ты плачешь? спросилъ ее графъ.

— Оставь меня, отвѣчала она:—это такъ.... пройдетъ! Дай мнѣ наплакаться здѣсь, возлѣ тебя: это облегчитъ меня и успокоитъ. За то я обѣщаю тебѣ не плакать, когда ты уѣдешь.

— Успокойся, мой другъ, я скоро, скоро вернусь.

— Знаю, что скоро; но для меня это будетъ очень, очень долго. Я привыкла иначе измѣрять время съ тѣхъ поръ, какъ полюбила тебя. Для меня недѣля съ тобою—день; а день безъ тебя—будетъ безконечно скучнымъ годомъ, будетъ длиненъ, длиненъ безъ конца. И такихъ дней будетъ не два, не три, а десятки.... Пріѣзжай скорѣе, мой дорогой, мнѣ будетъ тяжело безъ тебя.

— Я пріѣду, Мери, какъ только устрою дѣла; сейчасъ же пріѣду и послѣ разлуки, день свиданія будетъ вдвое дороже для насъ.

— О, еще бы! Я встрѣчу тебя на станціи; я даже выѣду къ тебѣ на встрѣчу во Франкфуртъ. Ты увѣдомь меня о днѣ отъѣзда.

— Непремѣнно!

— Нѣтъ, ты лучше пришли депешу, когда выѣдешь изъ Берлина.... такъ вѣрнѣе; а то, я измучаюсь, если придетъ поѣздъ и не привезетъ тебя. Я, Богъ знаетъ, что передумаю.... Ну, дай же мнѣ наглядѣться на тебя, мой ненаглядный! здѣсь! при свѣтѣ луны, среди этой прекрасной, торжественной ночи, (она взяла его за голову и смотрѣла ему въ глаза) пусть эти дорогія черты неизгладимо врѣжутся въ моей памяти и не исчезнутъ никогда! Да благословитъ тебя милосердый Богъ; да осѣнитъ онъ тебя своимъ покровомъ отъ всѣхъ невзгодъ, которыя ты встрѣтишь вдали отъ меня; да сохранитъ онъ твою жизнь и да возвратитъ тебя ко мнѣ такимъ же, какимъ я вижу тебя теперь. Уѣзжай! и помни, что Мери твоя, и твоя на всегда! что она только живетъ тобою и что для нея, безъ тебя, нѣтъ жизни, нѣтъ ничего впереди! Благослови-же и ты меня передъ отъѣздомъ, благослови насъ обоихъ: и меня, и его: — нашего ребенка.

Она встала на колѣни, взяла его руки, положила одну изъ нихъ на свою голову, а другую прижала подъ своимъ, сильно бьющимся сердцемъ.

Въ груди графа слабо забилось какое то новое чувство. «Женись!» шепнуло ему сердце. «Гдѣ ты найдешь такую любовь, такую безграничную, искренную привязанность? Кто дастъ тебѣ такія высокія минуты? Она составитъ твое счастіе, она ничего не потребуетъ отъ тебя; она все проститъ тебѣ....» Графъ поднялъ Мери, прижалъ ее къ своей груди и долго, долго не отрывалъ своихъ губъ отъ ея высокаго, пронизаннаго синеватыми жилками лба.

Луна высоко поднялась по небу, а они все сидѣли вдвоемъ, на вершинѣ высокой горы и ихъ тихій разговоръ сливался съ мягкимъ, едва слышнымъ шелестомъ свѣжихъ, зеленыхъ листьевъ. Городъ спалъ. Вдали, на горизонтѣ, показались легкія дымчатыя облака и медленно росли, грядами возвышаясь по синему, свѣтлому небу. По Рейну скользило темное пятно, оставляя за собою длинную полосу густаго, чернаго дыма. То былъ пароходъ, спускавшійся изъ Майнца въ Кельнъ.

Курьерскій поѣздъ во Франкфуртъ отходилъ въ 9-ть часовъ утра. Мери вернулась домой, велѣла разбудить себя въ семь часовъ, но изъ боязни проспать легла, не раздѣваясь, на диванъ. Она ни на минуту не сомкнула глазъ. Она лежала на диванѣ и задумчиво смотрѣла на полную луну, медленно опускавшуюся за крышу высокаго противоположнаго дома. Свѣтъ луны становился все блѣднѣе и блѣднѣе и началъ сливаться съ темною синевою неба, уступая мѣсто другому, яркому свѣту медленно встающаго жаркаго лѣтняго солнца.

Пробило семь. Гретхенъ тихо стукнула въ дверь.

— Слышу! отвѣчала Мери. Она встала, освѣжила холодною водою свое лицо, поправила туалетъ, выпила чашку свѣжаго, густаго молока и пошла на станцію желѣзной дороги.

Въ городѣ уже началось обычное, суетливое движеніе людей. Поминутно попадались больные, шедшіе съ кружка-

ми въ рукахъ, пить цѣлебныя воды. Со стороны горячаго источника Кохбрунена доносились звуки оркестра, увеселявшаго раннюю прогулку больныхъ.

На станціи еще не было никого. Сторожъ убиралъ зало, обтирая тряпкой клеенчатые, разставленные вокругъ стѣнъ диваны. Мери сѣла у воротъ дебаркадера, подъ тѣнью густой липы, рядомъ со старымъ калѣкой-работникомъ, уже успѣвшимъ утомиться въ то время, когда многіе еще не покидали мягкихъ постелей номеровъ и квартиръ.

Къ станціи понемногу начали собираться пассажиры. Кто шелъ пѣшкомъ, кто пріѣзжалъ въ роскошномъ экипажѣ, съ важными курьерами, гордо посматривавшими на ничтожную толпу.

Наконецъ пріѣхалъ и графъ. Мери издалека замѣтила его и пошла къ нему на встрѣчу. Онъ выскочилъ изъ коляски, подбѣжалъ къ Мери, крѣпко пожалъ ея руку и повелъ на станцію. Какъ хотѣлось Мери еще разъ, можетъ быть, послѣдній разъ въ жизни, прижаться къ своему Анатолію и расцѣловать, на прощаньи, его дорогое, завѣтное лицо. Но въ зало уже набралось много народа, пришлось довольствоваться только возможностью сидѣть возлѣ графа и не возбуждая вниманія постороннихъ, смотрѣть на того, съ которымъ, черезъ нѣсколько минутъ, придется разстаться на долго, если не на всегда. Графъ пошелъ сдавать свой багажъ. Мери вышла вмѣстѣ съ нимъ и начала отыскивать какой нибудь уголокъ, гдѣ она, хотя бы на мгновеніе, могла остаться съ графомъ на единѣ. Она заглянула въ маленькую дамскую уборную—тамъ не было никого. Она проворно вынула изъ замка ключъ, вложила его съ внутренней стороны и встала на порогѣ.

— Что это ты тутъ дѣлаешь? спросилъ ее, возвращаясь, графъ.

— Пойди сюда! прошептала она.

— Но, можетъ быть, тамъ дамы?

— Иди скорѣе, тутъ никого нѣтъ!

Графъ вошелъ. Она заперла дверь и бросилась къ нему на шею.

— Прощай, мой милый! прощай, мой дорогой! прощай, мой ненаглядный! говорила она, покрывая безчисленными

поцѣлуями его голову и лицо:—я не могла, чтобы, еще разъ, не проститься съ тобой. Береги себя! Пиши ко мнѣ.... пиши чаще.... не забывай меня! Пріѣзжай скорѣе: я не выдержу, если долго не увижу тебя. Прощай, прощай!....

Она опустила руку въ карманъ, торопливо вынула оттуда маленькій золотой крестикъ на зеленой ленточкѣ, благословила имъ Сореля, надѣла крестикъ ему на шею и дрожащими руками запихала его за воротникъ.

— Это мой крестикъ, говорила она:—его надѣли на меня при крещеніи.... я никогда не разставалась съ нимъ.... но теперь! пусть онъ будетъ съ тобою, пусть онъ охранитъ тебя отъ бѣды. Прощай, прощай!....

Они вышли изъ уборной и пошли въ залъ. Графъ отправился за билетомъ. Мери сѣла на диванъ, стараясь сдерживать душившія ее слезы. Комната была полна народомъ.

Графъ взялъ билетъ, вернулся въ зало и сѣлъ возлѣ Мери, съ нетерпѣніемъ ожидая конца этой тяжелой сцены.

Къ нему подошелъ одинъ изъ русскихъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и кавалеръ Св. Станислава 1-й степени, Т. Дворецки-осанистая фигура, большой, лысый, тщательно зачесанный лобъ и разноцвѣтный кружокъ съ порядочною звѣздочкою въ петлицѣ, все показывало русскую особу высшаго класса, пріѣхавшую въ Висбаденъ укрѣпить свои тучныя, но слабыя ноги.

— Вы куда, графъ? спросилъ генералъ.

— Въ Петербургъ, отвѣчалъ Сорель, вставая и дѣлая шагъ впередъ, чтобы не допустить генерала сѣсть на диванъ.

— Совсѣмъ?

— Совсѣмъ.

— Что такъ скоро?

— Такъ.... дѣла.

— Что же это вы сидите тутъ, въ этой душной залѣ? пойдемте покурить! Я тоже ѣду: только не въ Петер—бургъ, а вообще въ Homo — бургъ. Генералъ осклабился. Ему показалось, будто онъ сказалъ остроту.

— Извините меня: я не одинъ, сказалъ вполголоса графъ.

— А! понимаю, отвѣчалъ съ наглою улыбкою генералъ. Разбитое сердце.... Счастливецъ! васъ всюду провожаютъ; и какая милашка!

Графъ повернулся спиною передъ самымъ носомъ генерала, и заговорилъ съ Мери, по англійски.

Генералъ хотѣлъ было обидиться подобной невѣжливой выходкой со стороны молодаго человѣка, помялся, постоялъ, но за тѣмъ обернулся и пошелъ, переваливаясь, къ буфету, за которымъ миловидная нѣмка наливала пива двумъ рыжебородымъ англичанамъ. Генералъ спросилъ зельтерской воды, осѣдлалъ свой жирный носъ черепаховымъ pince-nez и, скорчивъ противную, кислосладкую улыбку, началъ отпускать, на плохомъ нѣмецкомъ языкѣ, плоскія шуточки, на которыя нѣмка отвѣчала только укоризненнымъ покачиваніемъ головы.

Раздался первый звонокъ: двери на платформу отворились; всѣ поспѣшили занимать мѣста. Графъ сѣлъ въ вагонѣ 1-го класса. Мери встала на подножку вагона, облокотилась на окно и шептала графу послѣднія, безсвязныя слова послѣдняго прощанья.

Послѣ втораго звонка кондукторъ попросилъ постороннихъ отойти отъ вагоновъ. Мери отошла къ столбу, прислонилась къ его гладкой поверхности и, не спуская глазъ, смотрѣла на своего Анатоля.

Въ третій разъ прозвонилъ колоколъ; кондукторъ подалъ знакъ: локомотивъ свистнулъ; вагоны тронулись съ мѣста и тихо покатились впередъ. Мери прошла нѣсколько шаговъ, слѣдуя за вагономъ, затѣмъ остановилась и махала графу своимъ бѣлымъ платкомъ. Сорель высунулся изъ окна и отвѣчалъ Мери маханіемъ своей маленькой дорожной шляпы.

Поѣздъ скрылся за поворотомъ и давно уже исчезъ изъ глазъ, а Мери все смотрѣла на эти узкія желѣзныя полосы, которыя безконечно тянутся по землѣ и по которымъ, разумно направленная сила природы быстро переноситъ человѣка съ одного пункта на другой.

XI.

Мери писала графу черезъ день, т. е. она писала ежедневно, но отсылала письма черезъ день. Ея письма были длинны; она писала все, что приходило ей въ голову и конечно, большую часть наполняла воспоминаніями о прошедшемъ. Въ этихъ письмахъ было такъ много чувства, такъ много искренней привязанности, безграничнаго довѣрія и глубокой любви, что человѣку съ душою, чтеніе подобныхъ писемъ доставляло бы незамѣнимое наслажденіе и вызывало бы нѣжный, благодарный отвѣтъ.

Письма отъ графа получались довольно часто; но напрасно Мери искала въ нихъ полнаго отвѣта; онѣ были наполнены какими-то напыщенными, словно заученными фразами. Графъ постоянно умалчивалъ о прошедшемъ и сообщалъ только о разныхъ препятствіяхъ, принуждающихъ его откладывать свой отъѣздъ.

Мери приписывала тонъ этихъ писемъ раздраженію отъ неожиданныхъ препятствій и терпѣливо ожидала конца. Для нея, время проходило въ посѣщеніи тѣхъ завѣтныхъ, уединенныхъ мѣстъ, гдѣ она испытала такъ много истиннаго счастія, въ писаніи къ графу длинныхъ посланій, въ воспоминаніи о прошедшемъ и въ безконечномъ перечитываніи получаемыхъ отъ Сореля писемъ.

Письма эти стали получаться все рѣже и рѣже. Наконецъ, со дня полученія послѣдняго письма прошло десять дней, а новаго не приносили.

Мери начинала безпокоиться. Она знала, когда приходитъ почтовый поѣздъ; она нарочно оставалась въ это время дома и съ волненіемъ смотрѣла на подходящаго къ дому почталіона. Но почталіонъ проходилъ мимо: писемъ не было. «Что съ нимъ?» думала Мери, «здоровъ ли онъ?» Другой причины она не допускала, она была такъ увѣрена въ своемъ Анатолѣ, что мысль о возможности охлажденія съ его стороны ни разу не потревожила ея головы.

Но проходили дни, а письма не приносили.

Разъ Мери сидѣла дома и ждала;—письма не приносили. Она одѣлась и пошла гулять. Дойдя до угла улицы, она

еще разъ оглянулась назадъ. Почталіонъ махалъ ей рукою. Она остановилась. Почталіонъ подбѣжалъ къ ней, снялъ фуражку и подалъ письмо. Мери, по обыкновенію, дала ему мелкую монету и пошла далѣе.

«Наконецъ то», шептала она. «Да, отъ него! вотъ и его почеркъ.» Она поцѣловала конвертъ. «Впрочемъ, кто-же другой можетъ писать ко мнѣ?... Вѣдь онъ у меня одинъ, во всемъ Божьемъ мірѣ одинъ,—и съ меня довольно! мнѣ никого не нужно болѣе.—«M-me, M-me de Lopatine» прочла она. «Lopatine! Скоро будетъ другое имя. Не Lopatine—а графиня Сорель.—Графиня! Богъ съ нею! съ графиней; главное—Сорель!... Мери Сорель!... его жена! Боже мой! скоро ли, скоро ли!.....- Не буду читать письма. Пойду на Неробергъ, сяду на то мѣсто, гдѣ мы сидѣли съ нимъ, въ послѣдній разъ, передъ его отъѣздомъ—и тамъ прочту. Да! не раньше... А хочется, ужасно хочется!... но нѣтъ! выдержу! неужели у меня не хватитъ характера? Хватитъ!»... Она шибко поднималась на гору, держала письмо въ рукахъ, смотрѣла на адресъ и громко разговаривала сама съ собою. «Какая длинная дорога! она никогда не казалась мнѣ такою; неужели это отъ нетерпѣнія?.... Выдержу, выдержу! ни зачто не прочту ранѣе! Тамъ! тамъ пріятнѣе. Тамъ! мнѣ все кажется, что онъ сидитъ возлѣ меня и смотритъ тѣмъ задумчивымъ, грустнымъ взглядомъ, который такъ врѣзался въ мою память. Ему тоже было тяжело; только онъ не хотѣлъ показать мнѣ этого, онъ хотѣлъ ободрить меня. Милый, милый! О! какъ я люблю тебя, какъ я счастлива!» Она почти бѣжала. «Однако мнѣ не годится такъ скоро идти: мнѣ вредно и *ему*—и ему тоже вредно.» Она улыбнулась. «О, мое милое дитя! скоро ли я увижу тебя? скоро ли я возьму тебя, маленькаго, бѣленькаго на руки и поднесу къ нему, и наши головы склонятся вмѣстѣ надъ твоею маленькою головкою и безмолвной молитвой поблагодарятъ милосердаго Бога за его безконечную милость къ намъ. Его жена! мать его ребенка!... Какое блаженство, какое счастіе! Боже мой! скоро ли, скоро ли!..... Можетъ быть, въ этомъ письмѣ, онъ пишетъ мнѣ, что все устроилось, что онъ скоро пріѣдетъ сюда и тогда (она подходила къ русской церкви) и тогда, въ этой прекрасной, уединенной

еркви, въ тихій, ясный вечеръ, безъ блеска, безъ толпы, „совершится торжественный обрядъ вѣнчанія, освятится на вѣки передъ алтаремъ Всемогущаго наша взаимная, счастливая любовь. О! съ какимъ сознаніемъ, съ какою искренностью отвѣчу я въ этотъ разъ на вопросъ священника,.... и онъ тоже скажетъ—да! т. е. люблю..... Какое блаженство!»

Она взобралась на вершину Нероберга. «Наконецъ то!.... фу! какъ я устала.... Ахъ, несносные! что имъ тамъ нужно» подумала она, увидя въ бесѣдкѣ большое общество дамъ и мужчинъ. «Вѣчно мѣшаютъ».

Она обошла бесѣдку. Справа, по склону горы, росло десятка полтора старыхъ столѣтнихъ дубовъ. Подъ нѣкоторыми изъ нихъ стояли скамейки. Мери спустилась пониже и сѣла на старую, полусгнившую скамейку. Широкій стволъ закрылъ ее совершенно отъ любопытнаго взгляда гуляющихъ по площадкѣ людей. Мери поднесла письмо къ своимъ губамъ и снова поцѣловала его. «Ну-съ! что-то вы мнѣ пишете, мой милый? чѣмъ то порадуете меня, мой ненаглядный, единственный другъ?» говорила она осторожно разрывая конвертъ. Она вынула письмо, а конвертъ спрятала въ карманъ. «Ну-съ!—посмотримъ!»

Она прочла нѣсколько словъ и остановилась. «Это не ко мнѣ», подумала она, «это ошибка». Она повернула страницу, взглянула на подпись: твой графъ Сорель. «Это не комнѣ! Онъ никогда не подписываетъ, такъ своихъ писемъ. Однако!....» Она вынула конвертъ. «Mme, Mme de Lopatine— Wisbade. Его рука, и письмо тоже написано его рукою.— Что такое!»....

Она развернула письмо, быстро пробѣжала его отъ начала до конца и какой то безконечный ужасъ проявился на ея поблѣднѣвшимъ, какъ полотно, личикѣ. Ея руки дрожали. Она снова начала читать письмо, вдумываясь въ каждое слово, дочитала до конца.... Все ее тѣло разомъ вздрогнуло. Она безсознательно прислонилась къ широкому стволу стараго дуба; ея помертвѣвшая, искаженная судорогами головка тихо опустилась на грудь; глаза закрылись, а зловѣщее письмо выпало изъ окостѣнѣвшихъ, вытянувшихся пальцевъ и скрылось въ широкихъ складкахъ легкаго, бѣлаго платья.

XII.

Графъ пріѣхалъ въ Петербургъ и тотчасъ втянулся въ обычную колею пустой свѣтской жизни праздной молодежи столицы. Поѣздки къ Излеру, карты, ужины съ камеліями у Дюссо пошли своимъ чередомъ.

Одно только тревожило графа: это—еще не окончательно порванная связь съ Мери. Ему хотѣлось покончить эту исторію безъ всякой огласки, безъ шума, безъ скандала. Онъ не смѣлъ предложить Мери въ видѣ подарка извѣстную, опредѣленную сумму. Онъ понималъ, что покинутая имъ Мери, невольно должна обратиться къ своему брату, а тотъ можетъ привезти ее въ Петербургъ, или пріѣхать самъ и сдѣлать скандалъ.

Между тѣмъ графъ уже успѣлъ, на гуляньи въ Павловскѣ, быть представленнымъ семейству князя Ростовскаго. Онъ произвелъ на молодую княжну сильное впечатлѣніе въ свою пользу; дѣло легко могло окончиться законнымъ бракомъ и пріобрѣтеніемъ огромнаго состоянія... а тутъ, эта глупая, возбужденная самолюбіемъ интрига; покинутая жертва..... скандалъ! Графъ не зналъ, что ему дѣлать.

Время шло. Письма отъ Мери получались черезъ день. Она просила своего Анатоля сообщать, какъ идутъ его приготовленія къ свадьбѣ; скоро ли онъ получитъ разрѣшеніе отъ своего начальства; скоро ли пріѣдетъ обратно къ ней; писала о своей страстной любви къ нему, о состояніи своего здоровья, о ихъ будущемъ малюткѣ, котораго она такъ горячо любитъ.

Надо было отвѣчать. Графъ съ проклятіемъ садился за письменный столъ и подбиралъ нѣжныя выраженія, цѣликомъ выписывая ихъ изъ французскихъ романовъ. Не отвѣчать на письмо онъ боялся:—Мери могла пріѣхать въ Петербургъ и тѣмъ окончательно испортить его дѣла.

Ихъ будущій малютка не возбуждалъ въ Сорелѣ никакого нѣжнаго родительскаго чувства, а напротивъ, только бѣсилъ графа и заставлялъ его разражаться грозными ругательствами на бѣдную природу, избравшую такой глупый способъ размноженія непрошеннаго потомства.

Графъ ни минуты не задумался-бы покончить съ Мери однимъ роковымъ, искусно написаннымъ письмомъ; но ея братъ!—вотъ въ чемъ бѣда! Хорошо, если онъ пойдетъ на аккомодацію; а если нѣтъ?—тогда что? Графъ рѣшился обратиться за совѣтомъ къ своему пріятелю, старому отставному гусару, Болхову.

Болховъ, извѣстный, въ свое время, всему Петербургу, волокита и viveur жилъ въ своей Пензенской усадьбѣ, убивая время между охотой и карточнымъ столомъ и проживая послѣднія крохи огромнаго, доставшагося ему отъ предковъ состоянія. Къ нему то обратился графъ съ слѣдующимъ письмомъ.

«Давно уже не писалъ я тебѣ, почтенный наставникъ и «руководитель моей юности, на поприщѣ грѣшныхъ удо«вольствій земли; не писалъ потому, что всегда, съ успѣ«хомъ, примѣнялъ завѣщанныя тобою правила для побѣды «надъ легкомысленнымъ потомствомъ нашей прародитель«ницы Евы. Но теперь, въ трудную минуту моей жизни, «когда судьба, впервые, поставила мнѣ точку, да еще съ «запятой, я обращаюсь къ тебѣ за совѣтомъ. Научи меня, «многоопытный подвижникъ, какъ мнѣ избавиться отъ глу«паго положенія, созданнаго моимъ неразумiемъ и врож«денною страстью къ прекрасному полу, разумѣется въ на«стоящемъ, а не въ общемъ значеніи послѣднихъ словъ.

«Дѣло въ томъ, что я, какъ тебѣ извѣстно, а можетъ «быть и не извѣстно, странствовалъ это лѣто за-границей. «Въ одномъ изъ нѣмецкихъ городовъ встрѣтилъ я русское «семейство, состоявшее изъ мужа и красавицы жены. Кра«сота замѣчательная и, что бываетъ рѣдко, безъ всякаго «изъяна; ну просто по всѣмъ статьямъ, красавица вполнѣ. «Я началъ пріударять; она заартачилась. Я пуще—вышло «хуже. Это меня подзадорило. Я увлекся и во что бы то «ни стало, хотѣлъ настоять на своемъ. Цѣлый мѣсяцъ, «(каково! когда по твоей методѣ все оканчивалось до сихъ «поръ не позже двухъ недѣль), цѣлый мѣсяцъ, ухаживалъ «я за неприступной, употребляя всѣ извѣстныя мнѣ сред«ства увлеченія. Наконецъ, замѣчаю:—стала по немногу «таять. Вижу забрало—и началась извѣстная борьба чув«ства съ долгомъ. Ну, думаю, теперь дѣло времени; скоро

«голубушка, будешь и моя. Только, къ несчастію, умеръ «мужъ. Я, разумѣется, явился съ соболѣзнованіемъ; утѣ«шалъ бѣдную вдовушку; наконецъ добился цѣли и былъ «счастливъ ровно три дня. Потомъ, когда самолюбіе было «удовлетворено, я повозился съ нею еще около мѣсяца, и «хотѣлъ уже было кончить тѣмъ coup d'état, который я, по «твоей методѣ, не разъ съ успѣхомъ употреблялъ въ ин«тригахъ былыхъ временъ; какъ, вдругъ, моя возлюбленная «въ одинъ прескверный вечеръ, опустивъ глазки, объявила «мнѣ, что Богъ благословилъ нашу любовь залогомъ новаго «счастія, т.-е., по просту сказать, ребенкомъ. Этотъ залогъ «явился вовсе не кстати. Я, конечно, притворился весьма «обрадованнымъ и объявилъ моей подругѣ, что тотчасъ же, «поѣду въ Петербургъ для полученія необходимаго и ско«рѣйшаго разрѣшенія на вступленіе въ законный бракъ.

«Теперь я въ Петербургѣ, а мое горе, вмѣстѣ съ зало«гомъ жительствуетъ въ Висбаденѣ и шлетъ мнѣ оттуда «прежалостныя посланія, чуть-ли не каждый день.

«Бросить ее дѣло не трудное; но дѣло въ томъ, что у «нея есть братъ, боннскій студентъ, который можетъ, уз«навъ истину, пріѣхать въ Петербургъ и сильно помѣшать «мнѣ въ одномъ весьма важномъ для меня дѣлѣ.

«Какъ тутъ быть? Посовѣтуй мнѣ, какое нибудь ради«кальное и быстрое средство. Самъ я, рѣшительно поте«рялъ голову и не могу придумать ничего, чтобы, хотя на «время, отстранило развязку. Кланяйся отъ меня Armance. «Она, говорятъ, научилась, весьма отчетливо, браниться «по-русски и держитъ въ порядкѣ весь домъ. Не замедли, «пожалуйста, отвѣтомъ. Не забудь, что тутъ дѣло идетъ не «только о спокойствіи, но и о денежномъ кушѣ, всесиль«номъ до того, что онъ, съ достаточнымъ избыткомъ мо«жетъ покрыть всѣ мои прошедшіе, настоящіе и даже бу«дущіе грѣшки».

«Твой графъ Сорель».

Графъ досталъ другой листъ бумаги и за одно уже написалъ нѣжный чувствительный отвѣтъ на послѣднее письмо Мери. За тѣмъ, онъ закурилъ сигару и въ изнеможеніи отъ такой трудной работы, растянулся на диванѣ. Къ подъѣзду подъѣхала коляска. Два сотоварища Сореля по

полку пріѣхали звать графа къ Излеру. Сорель поспѣшно написалъ конверты, вложилъ письма и приказалъ человѣку бросить ихъ въ почтовый ящикъ. Второпяхъ онъ перепуталъ конверты, и письмо, написанное къ Болхову, пошло по адресу къ Мери.

Болховъ, получивъ нѣжное посланіе Сореля, догадался, что тутъ кроется ошибка и отослалъ письмо обратно, прибавивъ отъ себя назидательную приписку о послѣдствіяхъ подобной неосторожности.

Сорель, отчасти, былъ радъ своей ошибкѣ. Онъ сталъ ожидать развязки, сообщивъ, на всякой случай, кому слѣдовало, что въ Боннѣ живетъ одинъ русскій, нѣкто Тарскій, замѣчательный своимъ революціоннымъ образомъ мыслей и ярой симпатіей къ полякамъ, и что этотъ Тарскій, какъ слышно, скоро собирается въ Петербургъ.

XIII.

Прошло нѣсколько минутъ. Мери не подавала никакихъ признаковъ жизни.

Наконецъ, она очнулась и медленно открыла глаза. «Гдѣ я? что со мною?» подумала она. «А!—это Неробергъ. Когда же я пришла сюда? И потомъ, это письмо..... Неужели это былъ только сонъ? тяжелый, убійственный сонъ! Боже! благодарю тебя.....»

Она радостно вскочила со скамейки. Письмо выпало изъ складокъ платья и упало къ ея ногамъ. «Нѣтъ,—не сонъ!» Она подняла письмо и опять, въ изнеможеніи, опустилась на скамью. Снова перечитала она письмо..... Истина была такъ неожиданна, такъ ужасна, что Мери не могла еще понять ея вполнѣ.

Она оглядѣлась вокругъ. Вправо отъ нея росли огромные дубы; влѣво, по склону, виднѣлась сплошная масса зелени, надъ которою возвышался золотой крестъ средняго купола православной церкви. «Туда, туда!» мелькнуло у Мери въ головѣ. Она съ трудомъ встала со скамьи, сунула письмо въ карманъ и пошла по направленію къ церкви.

Она шла медленно, съ опущенною на грудь головою, съ широко раскрытыми, безсознательно глядѣвшими впередъ

глазами, съ выраженіемъ нѣмаго отчаянія на блѣдномъ, неподвижномъ лицѣ. Она прошла мимо большой толпы гуляющихъ, не замѣтивъ ни одного изъ нихъ; спустилась, напрямикъ, лѣсомъ, вышла на площадку и подошла къ церкви.

На паперти, у дверей, стояли нѣмецъ-смотритель и дьячекъ.

— Отворите, просила Мери, съ трудомъ взбираясь на паперть:—отворите!

— Теперь не время; приходите завтра, отвѣчалъ осанистый нѣмецъ.

— Отворите, ради Бога! пустите, повторяла умоляющимъ голосомъ Мери, хватаясь за ручку дверей.

— Говорятъ вамъ, что теперь не время, сказалъ сердито нѣмецъ.

— Молиться всегда время, перебилъ стоявшій возлѣ дьячекъ. Онъ взялъ изъ рукъ нѣмца ключъ и отворилъ дверь.

Мери вошла въ церковь и почти безъ чувствъ упала на мраморныя ступени алтаря.

— Потеряли кого нибудь, матушка? спросилъ ее съ участіемъ дьячекъ.

— Потеряла, все потеряла! отвѣчала она, не поднимая головы.

— Къ Богу обратитесь! прибавилъ, помолчавъ, дьячекъ.

Онъ тяжело вздохнулъ, посмотрѣлъ на лежавшую неподвижно Мери и тихо вышелъ изъ церкви, затворивъ за собою дверь.

На паперть входило семейство американцевъ, пріѣхавшихъ осмотрѣть церковь. Нѣмецъ и имъ сказалъ, чтобы пріѣзжали завтра. Старикъ американецъ вынулъ талеръ и показалъ нѣмцу. Нѣмецъ хотѣлъ отворить дверь.

— Нельзя, сказалъ дьячекъ, загораживая дорогу.—Дайте ей помолиться. У нея, какъ видно, большое, тяжкое горе.

— Они не помѣшаютъ, возразилъ нѣмецъ, поглядывая на новенькій, свѣтящійся талеръ.

— Не пущу! А не то буду жаловаться священнику.

И дьячекъ взялся за ручку дверей.

— Пріѣзжайте завтра, сказалъ нѣмецъ, злобно посмотрѣвъ на неумолимаго дьячка. Американцы уѣхали. А въ маленькой высокой церкви было торжественно тихо. Ника-

кого звука не долетало извнѣ. Лучи заходящаго солнца отражались на золотой живописи куполовъ. Внизу становилось темно и изъ этого полумрака рѣзко выдѣлялась неподвижная фигура молодой женщины, безъ чувствъ, безъ сознанія, лежавшей на мраморныхъ ступеняхъ алтаря.

Съ сѣвера, изъ за Нероберга, быстро приближалась сильная гроза. Глухіе раскаты грома раздавались вдали. Въ лѣсу все замолкло и стихло. Птицы отыскивали себѣ надежное убѣжище отъ дождя; ни одинъ листокъ не шевелился на деревьяхъ:—все притаилось и ждало.

— Матушка, пора! сказалъ дьячекъ, подходя къ Мери. Приходите завтра; да не нужно ли будетъ панихиды? Я предупрежу отца Александра.

Онъ поднялъ Мери, вывелъ ее изъ церкви и помогъ ей спуститься съ паперти. Она повиновалась безсознательно, какъ автоматъ и пошла прямо впередъ.

— Не туда, не туда, сударыня! закричалъ ей дьячекъ, указывая рукою на лѣво;—вонъ гдѣ дорога въ городъ, а не эта. Да ступайте скорѣе, сейчасъ будетъ гроза,—торопитесь.

Мери пошла по указанному ей направленію. Она шла тихо, тихо, едва передвигая свои дрожащія, подгибающіяся ноги. Гроза приблизилась. Поднялся сильный вѣтеръ; грянулъ громъ и крупныя капли дождя застучали по зашумѣвшему лѣсу. Дождь хлесталъ Мери по лицу, лился за шею и насквозь промочилъ ея легкую, лѣтнюю одежду. Мери все также тихо подвигалась впередъ.

Она шла посреди дороги, не стараясь нисколько защититься отъ дождя и даже не распустила маленькаго зонтика, который держала въ своей лѣвой рукѣ. Она была рада этому дождю, освѣжавшему ея пылающее лицо, ея бѣдную, отуманенную тяжкимъ горемъ головку. Она только опустила правую руку въ карманъ и крѣпко сжала лежавшее тамъ письмо.

Вся смоченная до нитки, добралась она до дома и тихо постучала въ двери.

— Ай, ай, ай, сударыня! да вѣдь вы промокли до костей! Вѣрно гроза застала васъ среди чистаго поля? спросила Гретхенъ, отворивъ дверь.

Мери, не отвѣчая, поднялась по лѣстницѣ, вошла въ свою комнату и опустилась на старинный кожаный диванъ.

— Не помочь ли вамъ раздѣться, сударыня? вновь спросила ее Гретхенъ, входя вслѣдъ за нею въ комнату;—раздѣвайтесь скорѣе, такъ оставаться нельзя: — можно опасно заболѣть.

Мери ничего не отвѣчала и только слабо махнула своею правою, свѣсившеюся съ дивана рукою. Гретхенъ постояла, покачала головою и вышла. Мери вынула письмо, развернула его и положила передъ собой на стоявшій возлѣ стулъ.

Она лежала, не спуская глазъ съ этого роковаго, убійственнаго письма. Вдругъ! ужасныя рыданія разомъ вырвались изъ ея изнывшей, наболѣвшей груди. Съ нею сдѣлалась истерика. Она плакала, смѣялась, кричала и судорожно билась головой о деревянную ручку дивана. На ея крики прибѣжали Гретхенъ и хозяйка. Онѣ съ трудомъ раздѣли промокшую Мери, надѣли на нее чистое, сухое бѣлье, перетащили на постель и укутали нѣсколькими одѣялами, положивъ сверху мягкую пушистую перину. Мери ничего не помнила. Она все также дрожала подъ массою лежавшихъ на ней одѣялъ; ея челюсти судорожно колотились одна о другую, а глаза почти совсѣмъ закатились подъ блѣдный, посинѣвшій лобъ.

Къ разсвѣту съ ней сдѣлался тяжелый, мучительный бредъ.

XV.

Хозяйка дома испугалась и послала за докторомъ. Пришелъ Herr Hoffner, старичокъ лѣтъ семидесяти, разспросилъ о причинѣ болѣзни, осмотрѣлъ Мери и нашелъ, что у нея сильная горячка. Онъ прописалъ нѣсколько внутреннихъ и наружныхъ средствъ. На вопросъ хозяйки: опасно ли положеніе больной? докторъ отвѣчалъ нерѣшительно; онъ сказалъ, что въ настоящую минуту трудно ручаться за хорошій исходъ, что у больной серьезное разстройство праваго легкаго и потому, прерванная горячка легко можетъ броситься на грудь. Впрочемъ, прибавилъ онъ: — все это можетъ быть, а можетъ и не быть. Главное: это полное спокойствіе, и отсутствіе всего, что можетъ потревожить вос-

паленный мозгъ, и сильно возбужденную нервную систему вообще.

Хозяйка не слишкомъ-то была рада жилицѣ, которая требовала за собою неотлучнаго ухода. У нея, на весь домъ, прислуживала только одна Гретхенъ. Нанять для Мери сидѣлку она не рѣшалась. «А вдругъ умретъ», думала она, «кто тогда будетъ платить? Хорошо, если у нея найдутся деньги; а еели нѣтъ;—къ кому тогда обратиться; у нея вѣдь тутъ никого знакомыхъ нѣтъ. Ходилъ этотъ молодчикъ, да и тотъ уѣхалъ..... Она и то мнѣ четвертую недѣлю за квартиру не платитъ. Давно бы надо было спросить, да совѣстно какъ то, все думаю, что не пропадетъ. А сидѣлка съ меня спроситъ: «вы», скажетъ, «нанимали, вы и платите». Гретхенъ искренно привязалась къ Мери; она съ радостью готова была сдѣлать для нея все, что могла и всѣ свободныя минуты проводила у ея постели. Но такихъ минутъ было немного. Хозяйка часто заглядывала въ комнату Мери, высылала Гретхенъ на разныя работы, вслѣдъ затѣмъ уходила сама, и Мери оставалась одна и металась на постели, произнося на различныхъ языкахъ, безсвязныя слова. «Письмо и Анатоль, Толя и письмо» вотъ, около чего вертѣлись всѣ ея мысли, прерываемыя рыданіями, хохотомъ и тяжкими, надрывающими душу криками отчаянія и мольбы.

Мало по малу болѣзнь начала уступать дѣйствію принятыхъ мѣръ; бредъ уменьшался и перешелъ въ тихое, безсознательное забытіе. Мери лежала неподвижно, съ плотно закрытыми глазами и только тяжелое, порывистое дыханіе, да порой тихій, едва слышный шепотъ убѣждали, что жизнь еще не совсѣмъ угасла въ этомъ маленькомъ, исхудаломъ существѣ.

Наконецъ, въ ней появилось сознаніе. Это было въ темную, дождливую ночь. Мери тихо подняла свои словно налитые свинцомъ вѣки и медленно обвела глазами вокругъ. У ея изголовья, на столѣ, заставленномъ массою банокъ, стоялъ ночникъ, освѣщавшій слабымъ свѣтомъ середину комнаты, въ ногахъ, на небольшомъ креслѣ, крѣпко спала Гретхенъ, проводившая всѣ ночи у постели больной Мери. Въ окно стучалъ дождь; гдѣ то далеко, за стѣной, слышался мѣрный звукъ часоваго маятника. Мери старалась припом-

нить, что съ нею? гдѣ она?..... зачѣмъ тутъ Гретхенъ?... зачѣмъ эти банки? Она повернула голову, взглянула на столъ и вдругъ, что то, словно раскаленной иглой, кольнуло ее въ сердце. Ея глаза упали на маленькій сложенный четыреугольникомъ и ярко освѣщенный ночникомъ листокъ почтовой бумаги. Она разомъ вспомнила все. Судороги пробѣжали по ея лицу и тяжкій стонъ вылетѣлъ изъ груди. Этотъ стонъ окончился долгимъ, словно металлическимъ кашлемъ.

Гретхенъ проснулась. Мери хотѣла достать письмо, но руки отказывались повиноваться ея волѣ. Гретхенъ вглядѣлась въ лицо Мери и, замѣтя на немъ признаки сознанія, съ радостью нагнулась къ ней.

— Наконецъ то, сказала она: — слава Богу! Вѣдь вотъ уже четвертый день, какъ вы.....

— Письмо, прошептала Мери, чуть слышно.

— Что-съ?

— Письмо.

— Нѣтъ, не было, ни одного не было;—не приносили.

Мери съ трудомъ повернула голову и глазами указала на столъ. Гретхенъ дотронулась по очереди до многихъ вещей; Мери слабо качала головой. Наконецъ Гретхенъ дотронулась и до письма. Мери глазами показала, что ея желаніе угадано. Гретхенъ взяла письмо и положила его къ Мери на грудь.

— Разверните, прошептала Мери. Гретхенъ развернула письмо и держала его передъ ея глазами. Мери не могла ничего разобрать; буквы сливались въ какія-то темныя полосы, двигавшіяся въ безпорядкѣ вверхъ и внизъ. Но она припомнила это письмо, припомнила все отъ начала до конца, и слезы градомъ покатились по ея исхудалому лицу.

Гретхенъ свернула письмо и положила на столъ. Мери закрыла глаза и опять забылась.

Тяжелый, удушливый кашель снова привелъ ее въ сознаніе. Отрывистыми, едва слышными словами попросила она Гретхенъ сшить ей небольшой мѣшечекъ, пришить къ нему ленту и, вложивъ письмо, надѣть ей на шею. Она боялась, что хозяйка или докторъ, для ея спокойствія, уничтожатъ это письмо, которое она хотѣла сохранить навсегда, хо-

тѣла взять съ собою въ темную желанную могилу. Гретхенъ исполнила просьбу Мери и спрятала письмо на ея груди. Мери, утомленная непривычною дѣятельностью, уснула крѣпкимъ сномъ.

На утро пришелъ докторъ. Онъ объявилъ хозяйкѣ, что опасность отъ горячки миновалась, но грудь очень и очень слаба.

Мери медленно начинала поправляться. Она не чувствовала ничего, кромѣ слабости и какъ будто недостатка воздуха въ груди. Ее безпокоилъ также сухой кашель, который не позволялъ ей освободиться отъ чего то, заложившаго ей грудь.

Наконецъ, она могла уже, при помощи Гретхенъ, ходить по комнатѣ. Но этотъ постепенный переходъ отъ тяжкой болѣзни къ полному выздоровленію, переходъ, который такъ дѣтски радуетъ всякаго больнаго, нисколько не радовалъ Мери. Для нея не было болѣе радостей въ жизни, для нея все кончилось, все умерло. Она исполняла всѣ предписанія доктора, но исполняла ихъ машинально, сама не зная, зачѣмъ она дѣлаетъ это. Для нея смерть была не страшна: она только окончательно прекратила-бы уже убитую челокомъ жизнь. Ничто не занимало Мери, ничто не могло развлечь ее, ничто не въ силахъ было воскресить ея безвозвратно угаснувшихъ надеждъ.

Докторъ позволилъ ей выходить въ ясные солнечные дни на воздухъ и понемногу увеличивать прогулку, начавъ съ нѣсколькихъ шаговъ.

Хозяйка, которой Мери была должна слишкомъ за два мѣсяца, рѣшилась наконецъ напомнить ей о долгѣ. Она попросила уплаты. Мери съ ужасомъ вспомнила, что у нея нѣтъ ни копѣйки денегъ.

— Послѣ, отвѣчала она.

Она ни разу не говорила съ графомъ о деньгахъ. Послѣ смерти мужа у нея осталось нѣсколько золотыхъ, которые она истратила по мелочамъ. Графъ, наканунѣ своего отъѣзда въ Петербургъ, заплатилъ хозяйкѣ все, что была ей должна Мери. Онъ хотѣлъ оставить деньги и Мери, приготовилъ свертокъ золотыхъ, но забылъ объ этомъ въ день своего отъѣзда, а послѣ и не вспоминалъ.

На другой день хозяйка снова напомнила Мери объ уплатѣ.

Мери откровенно отвѣчала, что у нея нѣтъ денегъ.

Такая наивность взбѣсила скупую хозяйку.

— Если нѣтъ, такъ напишите, чтобы вамъ выслали; я подожду.

— Да мнѣ не къ кому писать; у меня никого нѣтъ, отвѣчала Мери.

— Какъ никого? не можетъ быть, чтобы не было никого! напишите къ роднымъ... къ знакомымъ.

— Никого нѣтъ.

— Вѣрно есть; напишите къ графу: онъ человѣкъ богатый, онъ пришлетъ.

— Ему!.... низачто! И Мери вздрогнула отъ одной мысли писать ему о деньгахъ.

— Отчего же вы не хотите?

— Ни зачто! И не говорите мнѣ объ этомъ.

— Ну, дѣлайте какъ знаете, только отдайте мнѣ мои деньги. Вѣдь это не бездѣлица: за девять недѣль, да доктору, да за лекарство: слишкомъ 150 талеровъ. Легко сказать! Нѣтъ денегъ, такъ и не переѣзжали бы. У меня квартиры не стоятъ даромъ; всегда наняты.... И хозяйка, при мысли что ея 150 талеровъ могутъ пропасть, окончательно вышла изъ себя.

Это нечестно! кричала она: — я буду жаловаться; я подамъ въ судъ. Девять недѣль!... 150 талеровъ! Это не крейцеръ, и тотъ жалко потерять! Пишите кому нибудь, мнѣ все равно, только подайте мнѣ мои деньги. Это стыдно, стыдно! Такая милая дама и вдругъ! — такъ поступать..... стыдно!..... Если не можете платить, такъ выѣзжайте, я васъ не буду держать даромъ, я не обязана.

— Погодите, не кричите, остановила ее Мери. Я напишу; я напишу къ своему брату.

— Ну вотъ, видите; а вы говорили, что у васъ никого нѣтъ. Братъ отдастъ, братъ долженъ отдать!

— Я напишу; только вамъ придется подождать, потому что братъ уѣхалъ путешествовать и вернется въ Боннъ не ранѣе конца сентября.

— Сентября? нѣтъ, это долго, я не могу такъ долго ждать. И зачѣмъ онъ живетъ въ Боннѣ, развѣ онъ нѣмецъ?

— Нѣтъ, онъ русскій.

— Не студентъ ли?

— Нѣтъ. Онъ вамъ заплатитъ, за все заплатитъ.

— Я не могу ждать такъ долго; мало-ли что можетъ случиться; вы человѣкъ слабый, больной.

— Что же можетъ случиться?

— Все можетъ.... Докторъ говоритъ, что у васъ сильная чахотка; вы можете умереть, тогда и мои талеры пропадутъ. Пишите теперь, пишите сейчасъ же и оставьте мнѣ другое письмо, на всякій случай. Тогда я буду покойнѣе, а иначе я васъ буду просить черезъ три дня очистить квартиру.

— Хорошо, я напишу, только оставьте меня, ради Бога! оставьте меня!

Хозяйка ушла, сильно хлопнувъ за собою дверью.

«Умереть», думала Мери, «докторъ сказалъ, что я легко могу умереть, что у меня сильная чахотка. И хозяйка не хочетъ подождать до конца сентября. Неужели такъ скоро?.... Чтожъ! Умереть не страшно. Я готова.. Нѣтъ!..... Нѣтъ, я не одна!... А *онъ*! Онъ тоже умретъ! Я не имѣю права на его жизнь. Я не имѣю права сдѣлаться его убійцею. Я должна все сдѣлать, чтобы поддержать свою жизнь..... Но къ кому обратиться? кого попросить? Никого нѣтъ! Я одна;.. одна!.... Братъ!.... но письмо не застанетъ его. А время дорого! Напишу въ Боннъ; можетъ быть, онъ уже вернулся. Онъ пріѣдетъ! Онъ сдѣлаетъ все, что возможно. Онъ не обманетъ, онъ не насмѣется такъ нагло, не оскорбитъ такъ жестоко, какъ тотъ..... другой.... *его* отецъ..... Нѣтъ! я боюсь смерти, я должна и хочу жить.»

Она бросилась къ столу и еще дрожащими отъ слабости руками написала:

«Саша! Я въ Висбаденѣ; я одна; я умираю!..... Спаси меня!»

Она приписала свой адресъ, запечатала письмо и сама понесла его на почту. Шатаясь, останавливалась почти на

каждомъ шагу отъ слабости и постоянно душившаго ее кашля, она добрела до почтоваго ящика, бросила письмо и, опустившись на стоявшую возлѣ скамью, громко зарыдала. Она вспомнила о другомъ письмѣ, о томъ, съ которымъ не разставалась никогда, которое носила на своей груди, и которое какъ острый ножъ неустанно раздражало еще свѣжую рану ея наболѣвшаго сердца, сушило мозгъ и быстро доводило до могилы бѣдную жертву человѣческихъ страстей.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Мы оставили молодаго Тарскаго въ Боннѣ, куда онъ, благодаря великодушію Фрейгофа, отправился изучать естественныя науки. Въ эти девять лѣтъ сильная перемѣна произошла въ умственномъ и нравственномъ развитіи молодаго гимназиста. Сложный духовный процессъ совершался въ его жаждущемъ истины умѣ: онъ колебалъ, уничтожалъ и создавалъ новыя убѣжденія, новые взгляды на природу, на жизнь и на истину вообще.

Считая невозможнымъ останавливаться долго на подробномъ изложеніи этого процесса, неизбѣжнаго, до извѣстныхъ предѣловъ, въ каждомъ мыслящемъ человѣкѣ, я представляю читателю нѣсколько отрывковъ изъ обширной переписки Тарскаго съ его товарищемъ по гимназіи, сначала студентомъ, а послѣ докторомъ, Мостовымъ.

1.

Я вполнѣ доволенъ своею судьбою. Одно только живо и постоянно напоминаетъ мнѣ чуждую страну. Это отсутствіе православнаго храма. Ты знаешь, какъ я искренно и глубоко религіозенъ. Я привыкъ ходить каждое воскресенье въ церковь, привыкъ молиться передъ алтаремъ, привыкъ съ благоговѣніемъ преклоняться передъ Святыми Дарами, когда совершается ихъ торжественное шествіе къ Святому Престолу. Я ходилъ постоянно и ко всенощной. Я любилъ эту таинственную вечернюю службу, въ мрачномъ, едва освѣщенномъ храмѣ. Тамъ я отдыхалъ; тамъ я молился; молился за себя, и за тѣхъ изъ моихъ товарищей, которые, еще не привыкнувъ правильно мыслить, уже научились безумно кощунствовать надъ непонятною для нихъ тайною Бо-

жества. И тѣ немногія сомнѣнія, которыя иногда возникали во мнѣ, подъ вліяніемъ твоего серьезно-скептическаго разума, и онѣ уничтожались и исчезали безъ слѣда, когда священникъ, со свѣчей въ рукѣ, провозглашалъ торжественныя слова: «Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ». Тогда я падалъ ницъ и, сознавая вполнѣ свое ничтожество, плакалъ и молился, молился и плакалъ, и вѣрилъ, вѣрилъ безъ границъ.

Здѣсь я лишенъ возможности молиться подобнымъ образомъ. Иновѣрческіе храмы отталкиваютъ меня. Все въ нихъ иное: и устройство, и молитвы, и языкъ. У католиковъ—эффектъ; у лютеранъ—простота, мало способная возбудить истинно религіозное чувство. Одинъ органъ;—но и тотъ скорѣе развлекаетъ, нежели возбуждаетъ потребность молиться и просить. Молитва на дому для меня недостаточна. Теперь я понялъ, какимъ страшнымъ наказаніемъ было для первыхъ христіанъ отлученіе отъ общества вѣрныхъ.

По воскресеньямъ я беру молитвенникъ и пою тѣ молитвы, которыя въ этотъ день поются сотнями голосовъ, на нашей Святой Руси. Я строго соблюдаю всѣ посты, чѣмъ очень довольна экономка Гюнтера, Бригитта, признающая ихъ не съ религіозной, а съ коммерческой точки зрѣнія.

Въ ночь на Свѣтлое Христово Воскресенье я зажегъ у себя въ комнатѣ нѣсколько свѣчей, разставилъ на столъ: яйца, творогъ, куличъ, окорокъ, и когда пробило 12-ть часовъ, запѣлъ великую пѣснь Воскресенія Христа. Затѣмъ я сѣлъ за столъ и задумался. И представилось мнѣ, будто съ высоты неба я смотрю на мою великую родную страну. Темная ночь окутала ее своею дымчатою мглою, но никто не спалъ; какъ звѣзды на небѣ, горѣли таинственнымъ свѣтомъ безчисленные храмы святой земли, но ярче всѣхъ ихъ свѣтилась группа сорока сороковъ матушки-Москвы. Въ моихъ ушахъ гудѣлъ торжественно призывный звонъ—и наконецъ смѣшался съ милліонами голосовъ, провозглашавшихъ вѣчную истину Воскресенія Христа. Великое служеніе кончилось. Народъ расходился по домамъ, слышались веселые возгласы, поздравленія, поцѣлуи. А я, оторванный отъ своей великой родины, сидѣлъ въ эту ночь одинъ, въ маленькой комнаткѣ нѣмецкаго городка, и не съ кѣмъ было

похристосоваться, некого было облобызать, некого поздравить съ великою тайною великаго Воскресенія Богочеловѣка. Я съѣлъ одно яйцо, потушилъ свѣчи и легъ спать.

На другой день вечеромъ, я зашелъ за спичками въ кухню и слышалъ голосъ Бригитты, разсказывавшей своимъ подругамъ, какъ ея русскій постоялецъ справлялъ ночью, по своей вѣрѣ, еврейскій обычай празднованія Пасхи.

Впрочемъ, я уважаю Нѣмцевъ за ихъ отношенія къ религіи и обычаямъ другихъ. Мои товарищи студенты никогда не позволяютъ себѣ смѣяться надъ чѣмъ бы то ни было, что составляетъ предметъ поклоненія, или религіознаго уваженія людей. Они никому не навязываютъ своихъ убѣжденій и даже тѣ изъ нихъ, которые окончательно отвергли всѣ догматы христіанства, и тѣ признаютъ ихъ историческое значеніе и даже ихъ современную пользу для массы людей.

На дняхъ, мнѣ случайно пришлось присутствовать на весьма серіозномъ диспутѣ естественнаго факультета съ теологическимъ. Споръ былъ такой, къ которому только и способны Нѣмцы. Выбрали старшинъ, установили порядокъ вопросовъ, порядокъ рѣчей. Никто не позволилъ себѣ ни глумленія, ни насмѣшки, ни даже одного лишняго слова. Диспутъ конечно кончился тѣмъ, что каждая партія осталась при своихъ убѣжденіяхъ, но для массы слушателей онъ остался не безполезенъ. Подобные диспуты пріучаютъ людей основывать свои убѣжденія не на громкихъ фразахъ, а на основательномъ и послѣдовательномъ изученіи предмета спора. Меня особенно поразило ясное и подробное, хотя и одностороннее разсужденіе одного пожилаго студента, доказывавшаго, что обрядность необходима только для тѣхъ, которые не имѣютъ истинной вѣры и только внѣшними символами возбуждаютъ и поддерживаютъ въ себѣ религіозное настроеніе, необходимое въ извѣстныя минуты для каждаго человѣка. Разсужденіе было столь логично, что зародило въ моемъ мозгу какую то новую, странную мысль. Я записался на остальные дисиуты (всѣхъ ихъ назначено четыре) и думаю, на послѣднемъ изъ нихъ выступить защитникомъ обрядовой стороны религіи. Я читалъ многое по этому предмету и чувствую себя достаточно сильнымъ, чтобы опровергнуть доводы противной стороны.

2.

Вчера происходилъ тотъ диспутъ, на которомъ я выступилъ защитникомъ необходимости и пользы религіозныхъ обрядовъ для всѣхъ людей. Я говорилъ краснорѣчиво, опровергалъ, доказывалъ; но отъ непривычки спорить, часто увлекался, горячился и потому не разъ былъ останавливаемъ старшиной, напоминавшимъ мнѣ условія и порядокъ диспута. Это напоминаніе выражалось всегда извѣстною фразою: «помните: кто горячится, тотъ ничего не докажетъ.» Я вернулся домой сильно взволнованнымъ и потрясеннымъ. Я чувствовалъ, что не только не могъ убѣдить другихъ, но что даже во мнѣ самомъ поколебалась увѣренность въ непогрѣшимость моихъ завѣтныхъ убѣжденій, моей слѣпой, фанатической приверженности къ обрядамъ отцовъ. Мой оппонентъ спокойно и самоувѣренно доказывалъ мнѣ, что ученіе Христа—есть ученіе свободы и любви, и что вся сущность этого безсмертнаго ученія выражена въ краткихъ, но великихъ словахъ: «возлюби ближняго своего, яко самого себя.» Религія свободы и любви? Я не спалъ всю ночь. Во мнѣ возродилось серьезное сомнѣніе, явилась потребность анализировать и обсуждать. Передо мной открылся новый путь. Куда-то онъ приведетъ меня? Я пробовалъ молиться; но молитва не идетъ на умъ, а на душѣ—и смутно, и тяжело.

3.

Меня всегда тревожила мысль о необходимости, по неимѣнію средствъ, вернуться по окончаніи курса въ Россію. Не скажу, чтобы я сдѣлался нѣмцемъ; нѣтъ! отъ національности отречься нельзя; но я такъ привыкъ къ тихой и разумной жизни въ Боннѣ, что съ великимъ сожалѣніемъ разстанусь съ тѣми, съ которыми судьба заставила меня ежедневно сталкиваться въ продолженіи четырехъ лѣтъ. Я думалъ, разсчитывалъ, соображалъ—и ничего не могъ придумать. Но и на этотъ разъ, судьба была ко мнѣ благопріятна. На деньги, скопленныя мною отъ музыкальныхъ уроковъ и другихъ частныхъ занятій, я, въ прошедшемъ

году, купилъ билетъ прусской коронной лотереи. На дняхъ былъ тиражъ и я, къ величайшему моему удивленію, выигралъ четыре тысячи талеровъ. Для меня—это капиталъ, который обезпечиваетъ мою жизнь и даетъ мнѣ возможность продолжать мои научныя занятія, не заботясь болѣе о добываніи денегъ на насущный кровъ и хлѣбъ.

4.

Я кончилъ курсъ и рѣшился остаться въ Боннѣ. Выигранныя мною деньги я отдалъ, за 10% въ годъ, одному здѣшнему знаменитому своею честностью купцу. Четыреста талеровъ дохода въ годъ! Да это неисчерпаемое богатство!

Я просилъ Гюнтера дозволить мнѣ жить у него въ качествѣ помощника по его занятіямъ, въ своей домашней лабораторіи. Старикъ съ радостью изъявилъ свое согласіе. Онъ привыкъ ко мнѣ, и въ особенности полюбилъ меня за мою способность угадывать, по отрывистымъ выраженіямъ, его желанія и мысли. Я попросилъ его назначить плату за квартиру и столъ. Онъ съ удивленіемъ взглянулъ на меня и какъ будто не понялъ, о чемъ я говорю; но когда я повторилъ свою просьбу, онъ замоталъ головою, нѣсколько разъ повторилъ: «ничего не знаю,» «не мое дѣло» и вышелъ изъ комнаты. Я отправился съ моимъ предложеніемъ къ Бригиттѣ. Та выслушала меня до конца и только, когда я попросилъ ее назначить плату, объявила, что очень рада оставить меня въ домѣ, какъ постояльца, котораго она такъ давно уже знаетъ съ прекрасной стороны. Относительно платы она обѣщалась дать отвѣтъ на другой день, такъ какъ, по ея словамъ, ей нужно предварительно обдумать и сообразить. Дѣйствительно, на другое утро, она сама явилась въ мою комнату и объявила, что хотя она и брала съ меня до сихъ поръ по 10-ти талеровъ въ мѣсяцъ, какъ со студента, но что теперь не можетъ взять менѣе 15-ти и то съ условіемъ, чтобы деньги аккуратно платились за мѣсяцъ впередъ. Расчетъ съ г. профессоромъ за истраченные въ лабораторіи матеріялы, долженъ быть особый. Матеріялы эти тоже закупались Бригиттой по особымъ запискамъ, выдававсмымъ Гюнтеромъ по мѣрѣ надоб-

ности. Я согласился. Мы хлопнули по рукамъ, и этотъ неписанный актъ послужилъ окончательнымъ утвержденіемъ заключеннаго между нами, на будущее время, условія.

Домъ Гюнтера, какъ я уже писалъ тебѣ, старинной средневѣковой постройки, въ три этажа, а по фасаду всего въ четыре окна, хотя, впрочемъ, простѣнки между окнами втрое шире тѣхъ, которые дѣлаютъ теперь. Въ верхнемъ этажѣ три комнаты: Гюнтера, моя и обширная лабораторія въ два окна. Сзади моей комнаты пристроенъ небольшой, въ два окна, флигель. Окна эти выходятъ на узкій дворъ, скорѣе, впрочемъ, похожій на глубокій колодезь, нежели на дворъ. Я обратилъ верхнюю комнату флигеля въ свой кабинетъ; тамъ же стоитъ и старинное фортепіано, доставшееся Гюнтеру отъ его покойной матери и отданное имъ въ мое полное владѣніе. Фортепіано, конечно, было никуда негодно, но я отдалъ исправить его за баснословно дешевую цѣну одному старому разорившемуся, фортепіанному мастеру и теперь оно служитъ мнѣ какъ старый, вѣрный и почти единственный другъ.

Въ среднемъ этажѣ: пріемная Бригитты, ея спальня, кухня и кладовая всякаго хлама, старательно сберегаемаго и охраняемаго старой экономкой еще болѣе стараго профессора.

Внизу, на улицу, живутъ два бѣдныя семейства, а во флигелѣ помѣщаются коровы, куры и другія принадлежности домашняго хозяйства. Толстыя каменныя стѣны, съ низкими массивными дверями, отдѣляютъ каждую комнату и никакой содомъ въ одной изъ нихъ не въ состояніи потревожить занятаго или спящаго сосѣда. Для меня, при моемъ мрачномъ и нелюдимомъ характерѣ, трудно придумать что нибудь лучше апартаментовъ, занимаемыхъ мною въ домѣ, принадлежащемъ, впродолженіи нѣсколькихъ столѣтій, честному бюргерскому роду Гюнтеровъ.

5.

Скоро минетъ годъ, какъ я кончилъ курсъ и живу у Гюнтера. Товарищи мои по университету расползлись по всей Германіи, и я остался совершенно одинокъ. Ты знаешь,

какъ трудно схожусь я съ новыми людьми; теперь я почти ни съ кѣмъ не знакомъ и ни у кого не бываю. Дома я тоже всегда одинъ. Общество Гюнтера и Бригитты я не считаю. Старый Гюнтеръ прекрасный человѣкъ, но онъ нѣмецъ до конца ногтей, и въ добавокъ еще старый нѣмецъ. Ему, кромѣ своей лабораторіи, старой экономки Бригитты и стараго безобразно ожирѣвшаго кота, ни до кого нѣтъ дѣла. Это кротъ, который роется въ землѣ и никогда не поинтересуется узнать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Это рабочій, который приготовляетъ извѣстную часть механизма, не заботясь ни о томъ, какого вида будетъ весь механизмъ, ни о томъ, для какой цѣли онъ нуженъ. Мы съ нимъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ; но до сихъ поръ ни о чемъ, кромѣ науки, не разсуждали. Каковъ Гюнтеръ въ лабораторіи, такова Бригитта на кухнѣ. Котъ, любимецъ обоихъ стариковъ, наслаждается вполнѣ жизнью, грѣясь днемъ на солнцѣ, а ночью—на печкѣ.

Я одинокъ, и подчасъ это одиночество сильно тяготитъ меня. Бываютъ минуты, когда ни одна книга не въ состояніи замѣнить одного живаго, во время сказаннаго, слова. А для меня оно необходимо. Многое переработалось во мнѣ, много измѣнилось самыхъ искреннихъ, самыхъ завѣтныхъ убѣжденій, но все еще нетверда та почва, на которой созидаются онѣ; все шатко, все колеблется и колебанію этому не видно конца.

6.

Я часто бываю въ Кельнѣ и почти всякій разъ посѣщаю его знаменитый соборъ. Какое-то невольное чувство тянетъ меня подъ эти холодныя, каменныя стѣны, въ этотъ таинственный сумракъ, изъ котораго рѣзко выдѣляются мраморныя статуи Святыхъ. Но пребываніе въ соборѣ дѣйствуетъ на меня раздражительно: вызываетъ мрачныя думы, досаду и сожалѣніе. Нѣтъ, католичество! твое время проходитъ! Ты не хотѣло понять своего призванія! Религію Христа, религію любви, ты обратило въ нечестивыя средства властолюбія. Ты явилось врагомъ свободной мысли человѣка, ты хотѣло остановить духовное развитіе человѣ-

чества и властвовало надъ нимъ съ помощью невѣжества и страха! Твоя исторія—это исторія крови и слезъ! Не въ твоихъ интересахъ было молиться Творцу, посреди его созданія: ты создало для этого мрачные готическіе храмы. Эти громадныя глыбы желѣза и камня сдавливаютъ всякій порывъ истиннаго чувства, онѣ только дѣйствуютъ на воображеніе, вселяютъ таинственный ужасъ и страхъ. Каменныя статуи твоихъ Святыхъ, съ ихъ безстрастными, изможденными лицами, напоминаютъ только о полномъ отреченіи отъ всего, что придаетъ цѣну человѣческой жизни . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Самый образъ вашей Мадонны какъ-то непривѣтно и холодно глядитъ съ высоты вашихъ алтарей . . . . . .

. . . . . .

Въ вашихъ храмахъ тѣсно свободной мысли человѣка, отъ нихъ вѣетъ холодомъ и могилой.

А ваши монастыри? . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Придетъ время—и эти печальные памятники прошедшаго обратятся въ груды развалинъ. Вѣтеръ и дождь вызовутъ въ нихъ жизнь. Ихъ громадные обломки покроются мохомъ; изъ развалинъ выползутъ растенія; во впадинахъ украшеній, птицы совьютъ себѣ гнѣзда, выведутъ птенцовъ и ихъ нестройный пискъ прославитъ Творца болѣе вашихъ торжественныхъ, хвалебныхъ гимновъ.

7.

Моимъ любимымъ лѣтнимъ развлеченіемъ служатъ прогулки по Рейну. Послѣ обѣда я нанимаю лодку, поднимаюсь по Рейну, пристаю къ противоположному берегу и взбираюсь на крутыя возвышенности Siebengebirge. Тамъ, на одной изъ высокихъ, голыхъ скалъ еще сохранились развалины башни стариннаго замка, Драхенфельса. Я сажусь въ нишѣ полуразрушеннаго окна, закуриваю сигару—и наслаждаюсь. Глубокая тишина, царствующая на далекое разстояніе вокругъ, великолѣпная окрестность, широкая

извивающаяся полоса Рейна, свѣжій, чистый, здоровый воздухъ,—все, какъ-то успокоиваетъ нервы, доставляя рѣдкое наслажденіе безмятежнаго, истиннаго покоя. Всѣ рѣзкіе порывы чувства улягутся на днѣ успокоившагося сердца, мозгъ работаетъ легко, неутомляя, не возбуждая, не вызывая жгучихъ вопросовъ. Какое-то особенно пріятное чувство овладѣваетъ всѣмъ организмомъ, чувство нѣги, довольства всѣми окружающими предметами, даже довольства жизнью и собой.

Незнаю отчего? но чѣмъ выше гора, тѣмъ болѣе для меня удовольствія отдохнуть на ея вершинѣ. «Поближе къ небу,» скажешь ты. Нѣтъ! но подальше отъ людей, отъ ихъ душныхъ жилищъ, отъ ихъ мелочныхъ прихотей, разсчетовъ и страстей.

8.

Я сдѣлался пантеистомъ вполнѣ; природа замѣнила мнѣ все.... неужели и она обманетъ меня?

9.

Странная и глупая случилась со мною исторія.

Надо тебѣ сказать, что у Бригитты есть племянница, Роза, премиленькая и прехорошенькая 17-ти лѣтняя дѣвушка. Она часто приходитъ къ своей теткѣ, но такъ какъ я почти постоянно сижу или въ лабараторіи или въ своей комнатѣ, то встрѣчался съ Розой только мелькомъ, на лѣстницѣ или на улицѣ.

Мѣсяцъ тому назадъ, я сидѣлъ у себя въ комнатѣ и игралъ на фортепіано. Вдругъ слышу: кто-то отворилъ дверь. Я подумалъ, что это котъ и не обратилъ вниманія. Послышался шорохъ женскаго платья. Я оглянулся.

На порогѣ стояла покраснѣвшая и, какъ видно, сильно сконфуженная Роза.

— Извините меня, начала она робкимъ, прерывающимся голосомъ: — я вамъ помѣшала?

Она остановилась и ждала отвѣта.

Я пересталъ играть и молчалъ.

Она окончательно растерялась. Кровь до того прилила къ ея милой головкѣ, что даже покраснѣли уши и бѣлки глазъ. Я сидѣлъ на стулѣ и любовался ея замѣшательствомъ.

— У меня есть до васъ просьба, опять начала она тихимъ голосомъ, въ которомъ слышались слезы.

— Просьба, отвѣчалъ я, вставая: — въ такомъ случаѣ позвольте попросить васъ войти въ комнату, сѣсть и объяснить мнѣ, что вамъ угодно.

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ, остановилась, но не хотѣла садиться.

— Извините меня: можетъ быть моя просьба покажется вамъ смѣшною, глупою, но... Она покраснѣла еще болѣе прежняго.

— Сядьте пожалуйста, перебилъ я ее: — и скажите мнѣ прямо, что вамъ отъ меня угодно. Будьте увѣрены: я исполню все, что будетъ зависѣть отъ меня.

Она сѣла; я придвинулъ стулъ и сѣлъ возлѣ нея.

— Видите ли, начала она, немного успокоясь: — я хотѣла просить васъ.... но впрочемъ я боюсь,—вы будете смѣяться надо мною.

—Не бойтесь, говорите; если ваша просьба дѣйствительно смѣшна, — посмѣемся вмѣстѣ.

— Видите ли, я буду просить васъ.... когда вы играете на фортепіано.... не запирать такъ плотно дверей вашей комнаты.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло, отвѣчалъ я съ удивленіемъ:— просьба, если и не смѣшная, то дѣйствительно немного странная. Зачѣмъ же вамъ это нужно?

— Вы такъ хорошо играете, я такъ люблю слушать вашу игру, а между тѣмъ, за дверью, почти ничего не слышно... До сихъ поръ я пользовалась однимъ средствомъ. Когда вы играли, я садилась за этой дверью и прикладывала ухо къ скважинѣ замка. Но на прошедшей недѣлѣ мнѣ какъ то надуло въ ухо; оно разболѣлось, распухло и теперь тетя не позволяетъ мнѣ болѣе подслушивать вашу игру. Вы, пожалуйста, только не говорите ей ничего о томъ, что я была у васъ въ комнатѣ.... Я воспользовалась настоящей минутой, потому что тети нѣтъ дома. Она, если узнаетъ, будетъ сильно бранить меня и долго сердиться.

— Будьте покойны, отвѣчалъ я: — ваша тетя ничего не узнаетъ, а на счетъ двери, я, если не забуду, впередъ буду отпирать ее.

Роза перестала конфузиться и начала ту милую, наивную болтовню, которая невольно нравится въ молодой, неопытной дѣвушкѣ. Она разсказывала, что очень боялась меня, долго не рѣшалась идти просить меня, нѣсколько разъ бралась за ручку двери и снова уходила на кухню, и т. д.

Оказалось, что она умѣетъ играть: я попросилъ ее показать мнѣ ея искусство и она, безъ всякаго жеманства, согласилась на мою просьбу. Играла она, какъ всѣ молодыя дѣвушки, довольно чисто, но безъ всякаго музыкальнаго смысла и чувства.

Я предложилъ ей свои услуги въ качествѣ даровaго музыкальнаго учителя. Она отвѣчала, что будетъ очень рада, но прежде должна спросить позволеніе мамы и тети.

Прошло болѣе часу, и только звонокъ возвратившейся Бригитты прекратилъ наше свиданіе. При прощаньи Роза, улыбаясь, объявила, что я вовсе не такъ страшенъ, какъ она думала.

Дѣйствительно, въ тотъ день, я не узнавалъ себя.

Рѣзвая веселость молодой дѣвушки, та наивная веселость, которая только и встрѣчается въ тотъ возрастъ, когда дитя начинаетъ становится женщиной, развлекла и разсѣяла мой вѣчно мрачный характеръ. Я самъ болталъ и смѣялся безъ умолку; я готовъ былъ на всякую дѣтскую шалость и даже, по предложенію молодой дѣвушки, не отказался бы танцовать и прыгать какъ ребенокъ. Когда Роза ушла, мнѣ снова сдѣлалось грустно. Какъ-то особенно пустою показалась мнѣ моя комната, въ которой все еще напоминало недавнее присутствіе молодой дѣвушки. Въ воздухѣ еще носились послѣдніе зкуки ея звонкаго полудѣтскаго, полуженскаго голоса; мелькали плутовскіе глазенки, свѣжія щечки, розовыя губки.... На полу валялась выпавшая изъ головы Розы шпилька. Я поднялъ ее и задумался.

Вечеромъ я зашелъ къ Бригиттѣ. Въ разговорѣ съ нею я ловко коснулся музыки Розы, и затѣмъ предложилъ учить ея племянницу игрѣ на фортепіано. Бригитта отправилась съ моимъ предложеніемъ къ своей сестрѣ и на другой день

объявила мнѣ, что разрѣшеніе дано, но неиначе, какъ съ условіемъ, чтобы Бригитта постоянно присутствовала при урокахъ. Я по неволѣ долженъ былъ согласиться.

Послѣ двухъ уроковъ Бригитта объяснила мнѣ, что находитъ присутствіе свое во время уроковъ для себя стѣснительнымъ и безполезнымъ и потому, надѣясь на мое испытанное благоразуміе, рѣшается оставить насъ съ Розой однихъ. О моихъ занятіяхъ съ Розой я обязался хранить строгую тайну, иначе доброе имя дѣвушки легко могло быть замарано досужими сплетницами нѣмецкаго городка.

Роза приходила ко мнѣ четыре раза въ недѣлю. Занятія наши продолжались по два, по три, а иногда и по четыре часа. Роза легко усвоивала мои совѣты и дѣлала быстрые успѣхи. Я объяснялъ ей безсмертныя красоты въ твореніяхъ великихъ музыкальныхъ композиторовъ, а во время антрактовъ болталъ съ нею о литературѣ и вообще испытывалъ познанія молодой дѣвушки въ области искусства и наукъ.

Роза была дѣвушка очень развитая, но, какъ всѣ нѣмки, впадала немного въ сантиментальность. Она хорошо знала свою родную германскую литературу и, не успѣвъ еще познакомиться съ дѣйствительностью, многое угадывала тѣмъ врожденнымъ въ женщинѣ инстинктомъ, который, въ самой неизвѣстности, руководитъ сознаніемъ въ отличіи ложнаго отъ истины и натуральности отъ пошлаго фразерства.

Такъ прошло три недѣли.

Я начиналъ не шутя привязываться къ молодой дѣвушкѣ; мнѣ было скучно безъ нея, я съ нетѣрпеніемъ ожидалъ ея прихода и сердился, если она опаздывала нѣсколько минутъ.

Такая потеря самостоятельности и свободы, такая зависимость моего расположенія отъ присутствія посторонняго лица начинала меня сердить. Мнѣ было досадно, что молодая дѣвушка, почти ребенокъ, могла внести перемѣну въ мою однообразную, размѣренную по часамъ жизнь, могла пріобрѣсти надо мной вліяніе и довела меня до того, что одно ея присутствіе возбуждало во мнѣ какое то новое, невѣдомое дотолѣ чувство.

Знакомство съ Розой въ одно и тоже время и радовало, и тяготило меня. Занимаясь по ночамъ въ лабараторіи, я часто долженъ былъ останавливать работу, потому что улыбающійся, знакомый образъ молодой дѣвушки являлся передъ моими глазами и застилалъ туманомъ всѣ окружавшіе меня предметы.

Меня начала пугать мысль: неужели, я, Тарскій, влюбился! Мнѣ становилось и досадно, и смѣшно. Я рѣшился кончить эту комедію и объявить Розѣ, что обширныя работы вынуждаютъ меня прекратить на время наши занятія. Нѣсколько разъ хотѣлъ я сказать ей объ этомъ, но постоянно откладывалъ объясненіе до конца урока, а при прощаньи, когда она подходила ко мнѣ, благодарила и, протягивая свою ручку, спрашивала: можетъ ли она придти въ слѣдующій разъ? у меня не хватало духу оскорбить ее отказомъ. Я назначалъ ей день, а оставаясь одинъ, бранилъ себя, упрекалъ въ слабости и нерѣшительности. Я давалъ себѣ слово, въ слѣдующій разъ, непремѣнно объявить о своемъ намѣреніи; но приходило время — и снова не хватало воли, и снова я былъ недоволенъ собой.

Эта внутренняя борьба отразилась и на моемъ обращеніи съ Розой. Не рѣшаясь прекратить наши свиданія вполнѣ, я, тѣмъ не менѣе, держалъ себя въ обращеніи съ молодой дѣвушкой сдержанно и осторожно. Я боялся ея и старался избѣгать всякаго разговора, всѣхъ вопросовъ, которые иногда, по своей наивности, задавала мнѣ молодая дѣвушка и, отвѣчая на которые, я невольно высказывалъ свой взглядъ, свои тайныя, волновавшія меня мысли.

Съ своей стороны Роза понемногу тоже измѣнилась. Она стала задумчива, и часто краснѣла, когда я, объясняя ей трудныя мѣста, смотрѣлъ ей пристально въ глаза. Часто она, какъ будто хотѣла спросить меня о чемъ то, но не рѣшалась и конфузилась на первомъ же словѣ. Она похудѣла, поблѣднѣла, а ея глаза пріобрѣли особенный небывалый дотолѣ блескъ. Когда я, по ея просьбѣ, игралъ ей сонаты Бетховена, она садилась на кресло, въ дальнемъ углу комнаты и украдкой смотрѣла на меня такимъ взглядомъ, при встрѣчѣ съ которымъ меня бросало въ жаръ и мы оба, не

смѣя болѣе взглянуть другъ на друга, конфузились и краснѣли. Если, при игрѣ въ четыре руки, мнѣ случалось иногда дотронуться до ея пальцевъ, или, отыскивая педаль, нечаянно задѣть ее за ногу, она вся вздрагивала, какъ будто мое прикосновеніе обжигало ее или причиняло ей боль.

Такое неестественное, натянутое положеніе не могло продолжаться долѣе. Я уже не могъ отвѣчать за себя и наконецъ рѣшился покончить все, пока еще разсудокъ не утратилъ окончательно своей силы.

На прошедшей недѣли, послѣ урока, я рѣшительнымъ, хотя не много дрожавшимъ голосомъ объявилъ Розѣ, что мои работы въ лабараторіи заставляютъ меня прекратить на время наши музыкальныя занятія. Это извѣстіе поразило ее. Она взглянула на меня испуганными, умоляющими глазами и пролепетала: «что вы говорите.... нѣтъ! не можетъ быть!» Я молчалъ. «Неужели, вы хотите бросить меня?» продолжала она: «развѣ я вамъ надоѣла? Можетъ быть, я чѣмъ нибудь оскорбила васъ: въ такомъ случаѣ простите меня, я не хотѣла этого, извините!» На ея глазахъ показались слезы. Я старался увѣрить ее, что она тутъ ни въ чемъ не виновата, что спѣшная, почти непрерывная работа есть единственная причина нашей разлуки. Она какъ будто не понимала моихъ словъ. Она смотрѣла на меня умоляющими глазами; нервная дрожь пробѣжала по ея лицу; губы слегка искривились. «Нѣтъ, это невозможно,» шептала она: «я.... вы.... за что-же?...»

Она подняла руки и съ сдержаннымъ рыданіемъ упала на мою грудь.

«Нѣтъ, вы не оставите меня! вы не бросите меня!» говорила она голосомъ, прерываемымъ слезами: «я не знаю, что вы со мною сдѣлали: но я не могу жить безъ васъ. Я люблю васъ, милый мой, дорогой мой! Я не знаю, что со мною! простите меня, но только не выгоняйте меня.... Позвольте мнѣ, хотя изрѣдка, приходить къ вамъ, только слушать васъ, только хоть посмотрѣть на васъ. Вѣдь вы для меня все! вѣдь я только и живу вами.... Приказывайте мнѣ: я сдѣлаю все, что вамъ угодно; сердитесь на меня, браните, даже бейте; но только не выгоняйне меня. Боже мой! Боже мой! я сама не знаю, что говорю.... простите меня.»

Я чувствовалъ себя въ преглупомъ положеніи. На моей груди лежала прелестная головка молодой дѣвушки. Въ порывѣ отчаянія и страсти обнимала она судорожно дрожащими руками мою шею и смотрѣла на меня глазами красными отъ слезъ, но полными какого то страстнаго, дикаго огня. (Я не думалъ, что нѣмка способна такъ смотрѣть). Она признавалась мнѣ въ любви.... а я!.... Я чувствовалъ только какую то бѣшенную злость, которая, поднявшись изъ глубины сердца, все сильнѣе и сильнѣе овладѣвала мною. Я тихо разжалъ руки бѣдной дѣвушки, посадилъ ее на стулъ, и началъ докторальнымъ голосомъ говорить ей о томъ, что наша любовь невозможна, что я не могу жениться на ней, не хочу воспользоваться ея неопытностью и потому, прошу ее забыть все, что произошло между нами, забыть и меня. Теперь я не помню и половины того, что говорилъ въ тотъ памятный для меня вечеръ. Я сознавалъ только всю пошлость и гадость моихъ словъ, я искренно и глубоко презиралъ себя. Я нарочно съ какимъ то злорадствомъ, унижалъ себя болѣе и болѣе и какъ бы наслаждался своимъ внутреннимъ мученіемъ, своимъ пошлымъ униженіемъ и фразерствомъ.

Роза слушала меня и широко раскрытыми глазами смотрѣла на мое лицо. Она старалась уловить въ его выраженіи если не любовь, то хотя малѣйшее участіе, хотя тѣнь чувства. Но должно быть мое лицо было отвратительно холодно и бездушно, потому что Роза вскорѣ опустила глаза и съ покорностью слушала свой приговоръ. Когда я кончилъ, она медленно встала съ своего мѣста и, не глядя на меня, спросила: «такъ неужели все кончено? .. такъ скоро.... и на всегда?» Я молчалъ. Она быстро повернулась и ушла.

Прошло нѣсколько мгновеній. Вдругъ что то дрогнуло въ моемъ сердцѣ; огонь мгновенно пробѣжалъ по жиламъ; жгучая, бѣшенная, безумная страсть отуманила голову ... Я хотѣлъ броситься за Розой, упасть къ ея ногамъ, просить ее забыть мои слова, я..... я самъ не зналъ, чего я хотѣлъ... Въ сосѣдней комнатѣ раздался шорохъ женскаго платья. Роза вѣроятно остановилась въ моей спальнѣ и не рѣшалась идти далѣе. «Такъ ты ждешь меня!» блеснуло въ моей

головѣ, «такъ ты знаешь, что я долженъ сейчасъ броситься къ твоимъ ногамъ». Разсудокъ взялъ верхъ: страсть утихла. Я подошелъ къ двери, заперъ ее и два раза повернулъ ключъ въ замкѣ. Я слышалъ, какъ Роза долго сидѣла въ моей спальнѣ, наконецъ, немного успокоясь, спустилась по лѣстницѣ и, не заходя къ Бригиттѣ, прямо пошла домой. Я видѣлъ ее. Она тихо пробиралась по грязной площади и ни разу не взглянула на мое окно.

Мнѣ стало жаль ее. Я не могъ не согласиться съ разсудкомъ, что поступилъ благоразумно, честно; но сердце говорило другое: оно протестовало противъ разсудка, и долго не давало мнѣ покоя. Такъ вотъ она, первая любовь! Не правда ли, какъ это глупо, глупо и глупо!!! Сердце упрекаетъ меня, зачѣмъ я отказался отъ счастія, хотя можетъ быть мгновеннаго, безразсуднаго, пошлаго, но все таки счастія; а разсудокъ!—разсудокъ резонерствуетъ, что спокойствіе выше счастія, что честность должна быть основнымъ принципомъ людей. Оба врутъ! Счастіе—вздоръ! а спокойствіе—могила! Скверно!

Долго не могъ я успокоиться послѣ ухода Розы. Желая немного освѣжить мою пылавшую голову, я вышелъ погулять. На площади зажигали фонари. Я шелъ безъ цѣли, но черезъ нѣсколько минутъ очутился передъ маленькимъ домомъ, въ которомъ жила Роза съ своею матерью. Въ спальнѣ молодой дѣвушки горѣлъ огонь. Роза не спала. Что думала она въ эту минуту? Воображеніе нарисовало мнѣ всѣ подробности этой спальни, въ которой я былъ раза два во время посѣщеній матери Розы, больной женщины, не выходившей никогда изъ своего дома. Маленькая, уютная комната, просто, но съ большимъ вкусомъ отдѣланный и убранный туалетъ, кровать съ бѣльемъ ослѣпительной бѣлизны, канарейка, герань и нѣсколько маленькихъ, поочередно цвѣтущихъ розъ на окнѣ, букетъ ландышей на коммодѣ..... Все просто, но чисто и опрятно до педантизма. Можетъ быть, придя домой, она медленно раздѣлась и, желая отогнать неотвязныя мысли, легла спать; но сонъ не приходилъ..... и вотъ, она сидитъ теперь на своей кроваткѣ и думаетъ обо мнѣ, припоминаетъ каждое слово, и не можетъ

понять, не можетъ объяснить, что съ нею, какъ это все случилось.

И я добровольно отказался отъ своего счастія; я оттолкнулъ отъ себя этого милаго ребенка, впервые пролепетавшаго мнѣ завѣтное слово любви; я, который могъ бы стать полновластнымъ владѣльцемъ этого чуднаго созданья, могъ, по своему произволу, вызывать въ ней горе и радость, страданіе и счастіе, могъ цѣловать эту грезовскую головку, могъ испытать чувство, которое не часто дается въ жизни...

Разсудокъ умолкъ, воображеніе работало все сильнѣе и сильнѣе, а сердце тревожно билось въ груди, ныло и вызывало на глаза горькія слезы поздняго раскаянія и стыда.

Свѣтъ въ окнѣ исчезъ. Я пошелъ бродить по городу. У меня пересохло въ горлѣ; я зашелъ въ пивную. Тамъ шла пирушка. Нѣсколько студентовъ сидѣли за столомъ, пили пиво и пѣли разгульную пѣсню. Я зналъ многихъ изъ нихъ, но, не здороваясь ни съ кѣмъ, потребовалъ пива, выпилъ залпомъ цѣлую кружку и вышелъ. Часовъ около двухъ я вернулся домой. Спать я не могъ. Я отворилъ окно. Свѣжій зимній воздухъ немного успокоилъ меня. Луна ярко свѣтила на небѣ и освѣщала блѣднымъ таинственнымъ свѣтомъ всю комнату. Я сѣлъ за фортепіано и заигралъ похоронный маршъ изъ третьей симфоніи Бетховена. Я хоронилъ свою первую, вѣроятно и послѣднюю любовь; я хоронилъ свое чувство, хоронилъ лучшую сторону человѣческой жизни, хоронилъ самаго себя..... Не помню, какъ и когда заснулъ я на стулѣ, облокотясь на фортепіано и проспалъ въ такомъ положеніи до поздняго утра.

10.

Тебя удивляетъ то мрачное настроеніе, которое овладѣло моимъ разумомъ, удивляютъ и частыя противорѣчія, замѣчаемыя тобою въ моихъ письмахъ. Но чтоже дѣлать! Въ наше время человѣкъ весь состоитъ изъ противорѣчій. Въ этомъ случаѣ наши предки были счастливѣе насъ. На театрѣ жизни они занимали мѣста зрителей и любовались природой, какъ любуемся мы на хорошо сдѣланныя декораціи. Мы же взошли на сцену, начали узнавать устройство ма-

шинъ и по мѣрѣ того, какъ удовлетворяется наше любопытство, исчезаетъ въ насъ чувство къ тому, что такъ хорошо и поэтично издали и такъ мертво и бездушно вблизи. Мы начали открывать законы, по которымъ дѣйствуютъ земныя силы и увидѣли, что законы эти вѣчно одни и тѣже и всегда въ пользу того, кто сильнѣе. Повсюду перевѣсъ на сторонѣ сильнѣйшаго и слабый всегда бываетъ жертвой. Такъ и у людей. Наука отняла у насъ всѣ иллюзіи, которымъ вѣрили наши предки и взамѣнъ дала одну мертвую истину—ту истину, которая такъ поразила юношу въ Саисѣ. Наши предки не думали о смерти, а мы, только вступая въ жизнь, знаемъ, что исчезнемъ безъ слѣда, какъ исчезаютъ миріады всякихъ животныхъ, знаемъ, что ожидаетъ насъ впереди, и это знаніе отравляетъ нашу жизнь. Мы покоряемся этому закону, но . . .

. . . . . .

. . . . . .

Мы начинаемъ изучать природу, мы хотимъ сорвать маску съ этой гётевской медузы, хотимъ докопаться до той пружины, которая приводитъ въ движеніе весь механизмъ; но и тутъ сознаемъ наше безсиліе. Наши труды идутъ впередъ черепашьимъ шагомъ, а жизнь летитъ на крыльяхъ вѣтра.

Работать для пользы человѣчества—глупая фраза. Какое намъ дѣло, что въ далекомъ будущемъ родится поколѣніе, которое воспользуется трудами безчисленныхъ милліоновъ людей для того, чтобы исчезнуть въ свою очередь. Оно будетъ богаче насъ тѣмъ опытомъ, который стоилъ ихъ предкамъ столько крови и слезъ; но я убѣжденъ, что этотъ опытъ не принесетъ имъ пользы. Этимъ опытомъ воспользуются только сильнѣйшіе и то для того, чтобы еще утонченнѣе, еще тягостнѣе угнетать слабыхъ.

Знаніе губитъ насъ. Тяжело и досадно знать, что всѣ наши понятія о правдѣ, истинѣ, добрѣ, чести, всѣ наши чувства, страсти, восторги, всѣ впечатлѣнія—все зависитъ отъ дѣятельности нервной системы. Не вѣрить этому нельзя. Фактовъ, данныхъ наукою и обработанныхъ разумомъ, не опровергнешь ничѣмъ. Измѣнись въ этой системѣ строеніи малѣйшій атомъ, и мы станемъ думать и чувствовать совершенно

иначе, и то, что до тѣхъ поръ привыкли считать истиной, будетъ казаться смѣшнымъ, хорошее—дурнымъ и на оборотъ. Эта зависимость цѣлаго организма отъ малѣйшей его частицы одна въ состояніи отравить нашу жалкую жизнь. Бѣдные дѣти праха и земли! Зачѣмъ насъ вызвали къ жизни? зачѣмъ насъ одарили богатымъ запасомъ чувства и неутомимою жаждою знанія? зачѣмъ намъ дали разсудокъ и сердце? Наши свободныя мысли летаютъ въ безконечномъ царствѣ фантазіи: имъ нѣтъ предѣла, нѣтъ препятствій; а тяжелая дѣйствительность гнететъ и давитъ насъ къ землѣ и безжалостно разбиваетъ всю работу мозга. Эти мученія можно сравнить съ мученіемъ утомленныхъ жаждою странниковъ, въ пустынѣ. Передъ ними развертывается великолѣпная панорама рѣкъ, ручьевъ и озеръ, свѣжая вода которыхъ обѣщаетъ утолить ихъ жажду и освѣжить утомленныя силы. Густыя деревья манятъ ихъ своими вѣтвями и какъ бы приглашаютъ отдохнуть подъ тѣнью своихъ свѣжихъ зеленыхъ листьевъ..... Странники, въ надеждѣ скораго отдыха, напрягаютъ послѣднія силы; миражъ исчезаетъ безъ слѣда и снова, на необразимое пространство вокругъ, виднѣется только раскаленный песокъ пустыни. Такъ и въ жизни! Частые миражи уничтожаютъ въ человѣкѣ довѣріе ко всему, что онъ видитъ, думаетъ, а главное чувствуетъ—и если передъ нимъ обнаружится искреннее чувство, если для него, и только для него одного, забьется молодое сердце, онъ или не вѣритъ и боится дѣйствительности, или у него уже не хватаетъ для пользованія ею напрасно растраченныхъ силъ.

11.

Я очень упрямъ! Если въ мой мозгъ заберется какая нибудь идея, я преслѣдую ее до тѣхъ поръ, пока не добьюсь желанныхъ результатовъ. Недавно это упрямство едва ни стоило мнѣ жизни. Я желалъ получить одно изъ синеродистыхъ соединеній, которое, до сихъ поръ, еще не было получено отдѣльно. Я работалъ непрерывно въ теченіи двухъ недѣль и до того надышался вредными ядовитыми испареніями, что долженъ былъ бросить все—и

лечь въ постель. Едва оправясь, я снова принялся за работу, добился цѣли, но за то серьезно разстроилъ свое здоровье. Къ моей постоянной боли позвоночнаго столба присоединилось еще разстройство легкихъ и спазмодическое раздраженіе гортани. Бывали дни, когда пища, буквально, не лѣзла мнѣ въ горло и я голодалъ по цѣлымъ суткамъ. Теперь это прошло, но моя постоянная раздражительность усилилась еще болѣе; я сдѣлался желченъ, капризенъ и даже не выносимъ. Послѣднее замѣтила мнѣ Бригитта, хотя я созналъ это еще ранѣе ея.

12.

Работаю, работаю и работаю безъ устали. Теперь, я уже не задаю себѣ никакихъ вопросовъ. Я ничего не требую, ничего не хочу. Нѣтъ цѣли, нѣтъ желаній, ничего нѣтъ! Я—нравственный уродъ, которому не должно быть мѣста на землѣ. Я вполнѣ сознаю это, но даже не нахожу въ себѣ силы пойти самому на встрѣчу желанной смерти, желанной потому, что она одна только въ состояніи примирить меня съ самимъ собою, съ этимъ болотомъ, въ которомъ копошатся лишь ненависть, презрѣніе, да злоба, злоба безъ конца!

Въ ту весну, когда Мери собиралась ѣхать съ мужемъ за границу, нервное разстройство Тарскаго дошло до такой степени, что профессоръ нервныхъ и грудныхъ болѣзней, Блюмъ серьезно посовѣтовалъ ему бросить всѣ свои занятія и удалиться, на лѣто, въ горы Тюрингервальда или Гарца. Въ противномъ случаѣ профессоръ, съ хладнокровіемъ истаго нѣмца, объявилъ Тарскому, что онъ или умретъ, или сойдетъ съ ума. Тарскій не испугался смерти, но побоялся сумасшествія. Онъ уложилъ всѣ необходимыя для дороги вещи въ небольшой ручной чемоданъ, взялъ, за два мѣсяца впередъ, проценты и отправился по желѣзной дорогѣ въ Билефельдъ. Оттуда онъ хотѣлъ начать путешествіе пѣшкомъ по Тевтобургскому лѣсу и Тюрингервальду, а къ концу лѣта намѣревался посѣтить вредныя весной, по своему сырому климату, возвышенности Гарца.

II.

Добравшись въ августѣ мѣсяцѣ до Гарцкихъ горъ, Тарскій поселился въ Клаусталѣ, откуда дѣлалъ частыя экскурсіи въ рудники этого богатаго металлами уголка сѣверной Германіи. Тарскій пользовался случаемъ и занимался минералогическими изслѣдованіями, представляющими такъ много занимательнаго для человѣка, знакомаго съ этой богатой отраслію человѣческихъ познаній.

Тарскій спеціально былъ химикъ; минералогія составляла для него второстепенную, прикладную науку. Ему надо было освѣжить въ своей памяти слышанный имъ курсъ, надо было возобновить и пополнить свои познанія по этой наукѣ. Онъ написалъ Бригиттѣ письмо и просилъ прислать ему книги въ красномъ переплетѣ, стоящія на нижней полкѣ, вправо отъ письменнаго стола. Бригитта отослала ему книги и за одно вложила въ нихъ и два письма Мери, изъ которыхъ послѣднее было получено только за три дня передъ тѣмъ.

Тарскій прочелъ первое письмо; пожалѣлъ, что Мери не застала его въ Боннѣ и рѣшился проѣхать въ Висбаденъ повидаться съ сестрой. Онъ перетряхнулъ книгу — изъ нея вывалилось еще второе письмо. Тарскій прочелъ его, прочелъ еще разъ.... и все таки не могъ понять. «Какимъ образомъ она одна?» думалъ онъ, «гдѣ же мужъ?... въ Боннѣ они были вмѣстѣ.... Но она умираетъ....»

Онъ собралъ свои вещи, нанялъ коляску, въ Гоцларѣ перемѣнилъ другую, въ Виненбургѣ пересѣлъ на желѣзную дорогу и поѣхалъ въ Боннъ.

Бригитта не могла ничего сообщить ему о Мери. Она видѣла ее веселенькою, худенькою, но здоровенькою. Она приходила вдвоемъ съ какимъ-то не старымъ мужчиной, вѣроятно ея мужемъ. Черезъ нѣсколько дней она принесла ей письмо и просила переслать къ брату, если представится удобный случай. Болѣе она ее не видала.

Тарскій зашелъ къ купцу, которому отдалъ на проценты свои выигранныя деньги, взялъ у него тысячу талеровъ, въ тотъ же день сѣлъ на желѣзную дорогу,

въ Кобленцѣ пересѣлъ на другую и поѣхалъ въ Висбаденъ.

Мери съ нетерпѣніемъ ожидала отвѣта на свое письмо, но мало надѣялась на него. Съ каждымъ днемъ слабѣли ея силы; съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе болѣла грудь. Ей было скучно бродить одной по маленькому саду; ей было страшно оставаться одной въ длинные темные вечера, но у нея не было никого, кромѣ брата, котораго она съ жаднымъ нетерпѣніемъ ожидала каждый день, каждый часъ.

Хозяйка, получивъ отъ Мери письмо, не тревожила ее болѣе требованіемъ денегъ, но за то перестала также и заботиться о ней съ прежней внимательностью; она часто опаздывала присылать ей обѣдъ, забывала присылать кофе. Мери не напоминала ей; она сознавала, что не имѣетъ права ничего требовать, а должна быть благодарна и тому, что ей даютъ въ долгъ, на сомнительный кредитъ.

Разъ, послѣ обѣда, она сидѣла въ своей комнатѣ и полудремала на старинномъ кожаномъ креслѣ, у открытаго окна. Вдругъ, по лѣстницѣ послышались чьи-то быстрые, тяжелые шаги, затѣмъ отворилась дверь и высокій незнакомый мущина остановился на порогѣ.

— Мери, это ты? спросилъ онъ.

Она узнала брата по голосу, которымъ былъ сдѣланъ этотъ короткій вопросъ; хотѣла пойти къ нему на встрѣчу, но онъ бросился къ ея креслу, сталъ передъ нею на одно колѣно и, охвативъ ея голову, крѣпко поцѣловалъ ея тонкія, посинѣвшія губы.

— Мери, что съ тобою?... Какъ ты похудѣла.... отчего ты одна?... гдѣ твой мужъ? спрашивалъ онъ, разсматривая ея блѣдное лицо.

Она ничего не отвѣчала ему, но склонивъ свою головку, долго и горячо рыдала на его груди. Ея рыданія прерывались тяжелымъ, мучительнымъ кашлемъ.

Онъ далъ ей успокоиться, затѣмъ усадилъ ее какъ можно спокойнѣе въ кресло, сѣлъ на скамейкѣ у ея ногъ и ждалъ, чтобы она сама начала говорить. Она не скрыла отъ него ничего.

Она разсказала ему о своемъ знакомсткѣ съ графомъ, разсказала о своей любви къ нему, о смерти мужа, о предложеніи графа, объ его отъѣздѣ.... и остановилась.

— Что-же далѣе? спросилъ Тарскій.

Она вынула изъ подъ кофточки маленькій черный мѣшечекъ, достала оттуда письмо и подала брату.

— Прочти, сказала она едва внятнымъ голосомъ.

Онъ развернулъ письмо, прочелъ.... Подлецъ! сказалъ онъ, сжимая въ кулакѣ письмо.

— Саша, отдай, ради Бога! отдай, говорила Мери, хватая его за руку.

Она взяла письмо, тщательно разгладила его, свернула и спрятала въ мѣшечекъ. Затѣмъ снова прижалась къ груди своего брата и заплакала тихими, безмолвными слезами непоправимаго горя.

Онъ молчалъ. Что могъ онъ сказать ей? Какими словами могъ онъ утѣшить это бѣдное, надорванное сердце?

Она по-немногу успокоилась, утихла, откинулась на спинку кресла и слегка задремала.

Онъ осторожно высвободилъ свою руку изъ ея тонкихъ, почти прозрачныхъ пальцевъ, тихо вышелъ изъ комнаты, спустился къ хозяйкѣ и спросилъ у нея адресъ доктора, который пользовалъ Мери.

Хозяйка догадалась, что передъ ней вѣроятно братъ ея больной жилицы. Она разсыпалась въ сожалѣніяхъ, съ притворнымъ участіемъ разсказывала о неосторожности Мери, охала, мотала головой и даже слегка всплакнула. Тарскій пошелъ къ доктору. Тотъ сказалъ ему весьма мало утѣшительнаго. Тарскій не повѣрилъ. Онъ вышелъ отъ доктора и сѣлъ на скамейкѣ у воротъ, обдумывая, что предпринять.

«Надо увезти ее отсюда,» рѣшилъ онъ, «здѣсь все напоминаетъ ей о ея прошедшемъ. Въ Боннѣ у меня много знакомыхъ докторовъ; тамъ я обращусь къ Блюму: онъ славится излеченіемъ чахотки; онъ поможетъ сестрѣ. Надо завтра-же увезти ее.» Онъ вернулся къ доктору и спросилъ его: можетъ ли Мери выдержать поѣздку въ Боннъ. Докторъ не видѣлъ Мери 3-ть дней и потому не могъ дать положительнаго отвѣта. Тарскій пригласилъ его съ собою. Докторъ

осмотрѣлъ Мери и сказалъ, что съ принятыми предосторожностями она можетъ вынести поѣздку.

Тарскій въ тотъ же вечеръ началъ убѣждать Мери ѣхать въ Боннъ. Мери не хотѣлось разстаться съ дорогой для нея комнатой, гдѣ она въ короткое время испытала такъ много счастливыхъ и ужасныхъ дней. Но возможность пользоваться леченіемъ у лучшаго въ Германіи доктора и надежда на выздоровленіе взяли верхъ. Мери согласилась. «Въ Боннѣ онъ тоже былъ со мною,» подумала она; «въ Боннѣ началось для меня счастливое время, въ Боннѣ тоже много воспоминаній для меня.» Она упросила брата нанять для нея комнату въ Королевскомъ отелѣ.

— Зачѣмъ же въ отелѣ? спросилъ Тарскій, — тамъ безпокойно, — постоянный шумъ. Я найму для тебя квартиру въ частномъ домѣ, съ небольшимъ отдѣльнымъ садикомъ; тамъ тебѣ будетъ удобнѣе, и ничто не будетъ безпокоить тебя.

— Нѣтъ, пожалуйста, въ отелѣ, просила она: — оттуда такой славный видъ; тамъ такой славный воздухъ; тамъ лучше. Пожалуйста, Саша, найми тамъ. Впрочемъ, если это стѣснитъ тебя въ денежномъ отношеніи, тогда не надо; тогда я буду довольна самымъ крошечнымъ уголкомъ. Только бы не быть одной:—одной невыносимо тяжело.

Тарскій не могъ отказать ей.

— О деньгахъ не безпокойся, прибавилъ онъ:—денегъ у меня довольно: за ними остановки не будетъ.

Тарскій уложилъ Мери пораньше спать, а самъ пошелъ и купилъ удобную складную кресло-кровать.

На другое же утро онъ попросилъ Гретхенъ уложить вещи своей сестры, расплатился съ хозяйкой, нанялъ коляску, усадилъ въ нея Мери и шагомъ повезъ ее въ Бибрихъ. Въ Бибрихѣ онъ далъ ей немного отдохнуть и заставилъ пообѣдать. Пришелъ параходъ. Тарскій принесъ Мери на палубу, разставилъ кровать, заставилъ Мери лечь и плотно укуталъ ее со всѣхъ сторонъ. Параходъ отчалилъ отъ пристани и началъ спускаться по Рейну.

Мери лежала на кровати и смотрѣла передъ собой на сине-голубое небо, на мутную воду Рейна, на высокія, крутыя горы и берега. Все было то же, все было также живо-

писно и хорошо; но не то уже было на душѣ молодой женщины, не съ тѣмъ чувствомъ смотрѣла она на мѣнявшіеся передъ ея глазами виды.

— На какомъ параходѣ мы ѣдемъ? спросила она брата.

— На Гумбольдтѣ.

«И параходъ тотъ-же.» подумала Мери. И она невольно взглянула на то мѣсто, гдѣ когда-то сидѣла съ графомъ. Тамъ сидѣли два англичанина, укутавъ пестрыми пледами свои длинныя, тонкія ноги.

Проѣхали и Gurleifelsen, проѣхали много знакомыхъ, живописныхъ мѣстъ. Мери уснула. Тарскій сидѣлъ около нея и отгонялъ садившихся на ея лице мухъ. Пассажиры осторожно обходили кровать и съ участіемъ посматривали на молодую укутанную женщину, черные волосы которой рѣзко оттѣняли ея исхудалое блѣдное лице.

Наконецъ пріѣхали въ Боннъ. Тарскій нанялъ поденщиковъ и на той же кровати перенесъ ослабѣвшую отъ долгаго переѣзда Мери въ Королевскій отель. Онъ нанялъ въ въ бель-этажѣ двѣ роскошно меблированныя комнаты, за которыя платилъ по пяти талеровъ въ день. Онъ на рукахъ внесъ Мери по лѣстницѣ, уложилъ ее въ постель и позвалъ горничную помочь ей раздѣться. Когда Мери немного отдохнула, Тарскій велѣлъ подать: двѣ порціи холоднаго ростбифа, молока, чаю, булокъ, придвинулъ къ Мери столъ и вмѣстѣ съ нею поужиналъ.

— Теперь прощай, сказала Мери:—я немного утомилась, мнѣ нужно хорошенько отдохнуть. Поцѣлуй меня, мой дорогой! спасибо тебѣ за все.

Она протянула къ нему руки, взяла его за голову и поцѣловала. Тарскій потушилъ свѣчи, вышелъ, притворилъ за собою дверь, сѣлъ на диванъ и задумался.

Еще нѣсколько дней тому назадъ онъ считалъ себя лишнимъ, безполезнымъ человѣкомъ на землѣ, а теперь у него явилась цѣль. Онъ былъ нуженъ, онъ былъ необходимъ. Теперь онъ думалъ о томъ, что вотъ, скоро поправится Мери и они заживутъ вмѣстѣ, будутъ взаимно помогать, будутъ взаимно поддерживать другъ друга, будутъ заниматься воспитаніемъ ея ребенка. Будущее казалось ему привлекательнымъ, казалось заманчивымъ, казалось спокой-

ною, безмятежною и даже счастливою жизнью. Его душа сбрасывала съ себя загрубѣвшую кору отрицанія и сомнѣнія, она воскресала подъ вліяніемъ высокой, безкорыстной, братской любви. Онъ даже готовъ былъ простить графу его подлый поступокъ, лишь бы она осталась жива, лишь бы удалось ему устроить свою будущность такъ, какъ она представлялась ему.

Онъ пошелъ бродить по городу, замѣтилъ въ кабинетѣ доктора Блюма огонь и зашелъ къ нему.

— А, очень радъ васъ видѣть, встрѣтилъ его докторъ, приглашая сѣсть.—Давно ли вернулись? Горный воздухъ, какъ видно, помогъ вамъ; вы поправились и цвѣтъ лица сталъ значительно лучше. Ну, что грудь? не безпокоитъ?

— Нѣтъ, благодарю васъ, не безпокоитъ. У меня къ вамъ просьба, докторъ.

— Что такое? говорите.

— Я привезъ сюда сестру; у нея тоже болитъ грудь.

— Э! да это не родовое ли? Изъ вашихъ родителей никто не умеръ отъ чахотки?

— Нѣтъ, мои родители прожили всю жизнь, не зная другой болѣзни, кромѣ рѣдкаго́ насморка. У сестры грудь болитъ отъ простуды и.... сильнаго, нравственнаго потрясенія.

— Гм! Она замужемъ?

— Вдова.

— Имѣла дѣтей?

— Она теперь въ такомъ положеніи.

— А, это хорошо! Я буду у васъ завтра (докторъ посмотрѣлъ въ свою записную книжку) въ 9-ть часовъ. Не рано?

— Нѣтъ, не рано, сестра уже теперь легла спать.

— Гдѣ вы остановились?

— Въ Королевскомъ отелѣ.

— Хорошо.

Докторъ записалъ адресъ. Тарскій раскланялся и ушелъ.

Онъ пришелъ въ свой номеръ, тихо отворилъ дверь въ спальню Мери и прислушался. Мери спала. Тарскій оставилъ дверь полуотворенною, снялъ сюртукъ и легъ, не раздѣваясь, на диванъ.

Мери проснулась рано. Она надѣла на себя бѣлый, подаренный ей графомъ, вышитый пеньюаръ и вышла въ дру-

гую комнату. Тарскій спалъ, свѣсивъ на ручку дивана свою всклокоченную, курчавую голову. Мери хотѣла вернуться къ себѣ, но Тарскій проснулся.

Онъ предупредилъ Мери о скоромъ приходѣ Блюма и просилъ ее ничего не скрывать отъ него.

Ровно въ девять часовъ пришелъ Блюмъ. Онъ поболталъ сначала о пустякахъ, затѣмъ пригласилъ Мери въ ея спальню. Долго осматривалъ онъ ее, долго прислушивался къ ея груди, долго распрашивалъ ее о всѣхъ симптомахъ болѣзни.....

Тарскій сидѣлъ словно на раскаленныхъ угольяхъ. Со страхомъ и нетерпѣніемъ ожидалъ онъ результата этого продолжительнаго осмотра.

Наконецъ, Блюмъ вышелъ.

— Ну что? спросилъ его Тарскій.

Ничего, отвѣчалъ онъ громко:—болѣзнь серіозна, но не представляетъ никакой опасности. Надо только беречься и избѣгать простуды.

Онъ прописалъ нѣсколько рецептовъ и пояснилъ порядокъ пріема лекарствъ.

— Пойдемте со мной, шепнулъ онъ при прощаньи Тарскому.

Они вышли изъ отеля и остановились на тротуарѣ. Тарскій молчалъ. Онъ не рѣшался услышать правду.

— Съ вами я буду откровененъ, началъ серіозно, докторъ, взявъ Тарскаго за руку:—отъ васъ я не скрою ничего. Она безнадежна. Правое легкое повреждено, лѣвое—тоже испорчено. При полномъ упадкѣ силъ, при сильномъ разстройствѣ нервъ, болѣзнь развивается быстро:—спасенія нѣтъ. Все, что еще возможно, это поддержать ея жизнь до родовъ, которыхъ она, разумѣется, не перенесетъ. Надо позаботиться спасти ребенка, но и за это я не ручаюсь.

— Докторъ, неужели нѣтъ никакой надежды? спросилъ дрожащимъ голосомъ Тарскій.

— Почти, отвѣчалъ Блюмъ.—Я сдѣлаю все; но наука не религія: ей недоступны чудеса. Будьте тверды, постарайтесь усладить ея послѣднія минуты, не дайте ей подсмотрѣть истины въ выраженіи вашего лица. Больные чрезвычайно прозорливы; ихъ не легко обмануть.

Докторъ пожалъ Тарскому руку и ушелъ. Тарскій вернулся къ Мери.

— Ну что? спросила его Мери,—что онъ сказалъ тебѣ?

— Онъ повторилъ то-же самое, отвѣчалъ Тарскій, стараясь придать своему голосу спокойное выраженіе:—сказалъ, что опасности нѣтъ, но простуда слишкомъ серіозна. Надо успокоиться, надо забыть...

— Забыть, перебила Мери:—нѣтъ! этого онъ не могъ сказать тебѣ, это невозможно!

Началась тяжелая агонія быстро гаснувшей жизни.

Мери слабѣла съ каждымъ днемъ. Сначала въ тихіе, солнечные дни, Тарскій на рукахъ выносилъ ее въ садъ и сажалъ въ кресло, на ея любимой нижней террасѣ, но вскорѣ и это стало утомлять ее. Она уже не выходила изъ комнаты и лежала на своей складной кровати, у открытаго окна. Ея лице вытянулось и съузилось къ подбородку, а дыханіе сопровождалось какимъ то хрипомъ, свистомъ и оканчивалось удушливымъ, съ трудомъ разрѣшавшимся кашлемъ.

Тарскій сидѣлъ у ея изголовья и, съ глубокою ненавистью, смотрѣлъ на круглую бѣлую чашку, которая ежедневно наполнялась густою, смѣшанною съ кровью мокротою. Бывали минуты, когда онъ уходилъ отъ Мери въ ближайшій пустой номеръ отеля и плакалъ навзрыдъ отъ тяжелаго зрѣлища медленной смерти своей обожаемой сестры.

Разъ, она попросила брата сыграть на фортепіано ея любимый отрывокъ изъ третьяго дѣйствія Фауста.

— Берліоза? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, Гуно.

— Гуно? я не знаю; впрочемъ, погоди.....

Онъ пошелъ въ нотный магазинъ, купилъ оперу и принесъ ее Мери. Она отыскала свою любимую сцену. Онъ началъ играть. Но едва онъ взялъ нѣсколько аккордовъ, какъ она попросила его перестать.

— Не могу, говорила она:—не могу слышать: музыка слишкомъ раздражаетъ меня. Какъ я слаба! Скоро ли я поправлюсь? Мнѣ уже надоѣло лежать все на одномъ мѣстѣ. Саша, снеси меня въ садъ, на террасу.

— Нельзя, отвѣчалъ онъ:—докторъ запретилъ; теперь воздухъ довольно свѣжъ: можно легко простудиться.

— Ну, если нельзя, такъ и не надо. Я вѣдь такъ только.... Я буду во всемъ слушаться доктора, я хочу поскорѣе выздоровѣть. Мнѣ нужно запастись силами и для себя, и для него, для моего ребенка. Ты замѣнишь ему отца, Саша? ты не оставишь насъ; да?

И она смотрѣла на него такъ ласково, такъ нѣжно, что рыданія подступали къ его горлу и слезы застилали глаза. Какъ всѣ чахоточные, Мери не сознавала опасности своего положенія. Она чувствовала себя почти совсѣмъ здоровою, только слабость, да кашель—и больше ничего.

Только разъ она заговорила съ братомъ о смерти. Всю ночь ее душилъ сильный, почти непрерывный кашель; она испугалась.

— Саша, мнѣ кажется, что я скоро умру, сказала она: мнѣ что то очень тяжело дышать; я боюсь, не начинается ли у меня чахотка.

— Что за пустяки, Мери, отвѣчалъ Тарскій;—откуда у тебя берутся такія мысли. Сильная простуда и воспаленіе легкихъ, а чахотки нѣтъ никакой. Сегодня цѣлый день шелъ дождь; воздухъ сырой; ну, тебѣ и тяжелѣе.

— Можетъ быть.

Она задумалась. Если я умру, Саша, похорони меня на вершинѣ Драхенфельса, возлѣ большаго полуразвалившагося окна. Похоронишь?

— Полно говорить объ этомъ, Мери.

— Какой ты странный. Да развѣ подобный разговоръ можетъ имѣть вліяніе на мою болѣзнь. Я говорю такъ, на всякій случай.

— Зачѣмъ говорить о томъ, что непріятно для насъ обоихъ.

— Такъ! это мой капризъ. Дай мнѣ слово, что ты похоронишь меня тамъ, а не въ другомъ мѣстѣ; ну пожалуйста, потѣшь меня.

— Изволь, отвѣчалъ онъ.

— И ты говоришь серіозно?

— Серіозно.

— Дай мнѣ клятву.

— Что за странная просьба, Мери.

— Дай мнѣ клятву; иначе я не буду увѣрена, не буду спокойна.

— Клянусь! сказалъ онъ, вздохнувъ.

— Ну, спасибо. Теперь ступай отдохнуть и оставь меня; я тоже немного усну.

Тарскій все время проводилъ у постели сестры, только на нѣсколько часовъ въ сутки онъ ложился, не раздѣваясь, на диванъ. Не было прихоти, не было желанія Мери, которыхъ бы онъ не исполнялъ. Ей стоило только сказать слово, только намекнуть и Тарскій тотчасъ же отправлялся покупать и радовался какъ ребенокъ, если покупка, хотя немного, развлекала его сестру.

Но скоро все уже перестало занимать ее. Ею овладѣла тоска, безотчетный, таинственный страхъ близкой смерти. Для нея наступала пора, когда умирающій человѣкъ обращается къ утѣшенію религіи. Она желала причаститься и сожалѣла, что въ городѣ нѣтъ православнаго священника. Она боялась умереть безъ покаянія, безъ отпущенія грѣховъ.

Тарскій сообщилъ о желаніи сестры Блюму. Тотъ посовѣтовалъ Тарскому пригласить пастора.

«Утѣшенія религіи дѣйствуютъ чрезвычайно сильно,» сказалъ онъ; онѣ укрѣпляютъ организмъ, а въ нервныхъ болѣзняхъ часто производятъ даже полное излеченіе.

Тарскій предложилъ Мери причаститься у пастора. Все равно, убѣждалъ онъ ее: религія одна, таинство тоже.

Мери согласилась.

Въ день причащенія она съ утра просила брата прочесть ей всѣ молитвы покаянія и горячо молилась, съ трудомъ осѣняя себя знаменіемъ креста. Пришелъ пасторъ. Онъ долго говорилъ Мери о святости и важности таинства причащенія, о вѣрѣ, о надеждѣ на милосердіе Бога, о страданіи Христа.... Затѣмъ причастилъ ее и пожелалъ ей скораго выздоровленія. Мери попросила брата прочесть благодарственную молитву, напилась чаю и уснула

Таинство подкрѣпило ее, но не надолго.

Смерть приближалась быстро. Блюмъ отказался отъ всякой надежды и ждалъ конца черезъ нѣсколько дней.

Мери не могла уже ничего говорить. Она лежала, обложенная подушками, на своей складной кровати, изъ которой днемъ, на нѣсколько часовъ, Тарскій устраивалъ ей кресло, осторожно приподнимая переднюю часть складнаго механизма.

Полураскрытые глаза ея горѣли лихорадочнымъ огнемъ; щеки почти совсѣмъ вдались внутрь, и только два маленькія, красныя пятна ярко горѣли на блѣдной синевѣ лица.

Ротъ постоянно былъ полураскрытъ; тяжелое, быстрое дыханіе оглашало всю комнату и что-то такое быстро переливалось въ груди.

Она умирала. Блѣдный, измученный Тарскій сидѣлъ неотлучно возлѣ нея и съ нѣмымъ отчаяніемъ смотрѣлъ на свою умирающую сестру. Теперь онъ не боялся скрывать своихъ слезъ; она не замѣчала ихъ; она уже не замѣчала ничего вокругъ.

Въ тихій осенній вечеръ, 30-го Августа, въ день своихъ имянинъ, Тарскій сидѣлъ возлѣ Мери и грустно смотрѣлъ на ея почти прозрачное восковое лицо. Солнце исчезало за горизонтомъ; въ комнатѣ, съ опущенными занавѣсами, становилось темно. Мери лежала неподвижно, не шевелясь. Вдругъ она разомъ приподнялась. Какое то волненіе изобразилось на ея лицѣ; глаза съ ужасомъ уставились на одну точку; ротъ раскрылся; губы искривились; руки ухватились за впавшую грудь.... затѣмъ она медленно опустилась на подушки и закрыла глаза. Дыханіе прекратилось; клокотаніе въ груди замолкло;—на блѣдномъ лицѣ воцарилось торжественное спокойствіе смерти.

Тарскій нагнулся къ Мери, взялъ ее за руку, поднялъ ее.... рука безжизненно упала на кровать. Онъ съ минуту прислушался къ ея дыханію, затѣмъ выскочилъ изъ комнаты и, какъ сумашедшій, безъ шляпы, безъ сюртука, побѣжалъ за Блюмомъ. Блюмъ былъ дома.

— Ради Бога, посмотрите, что съ нею?.. она не дышетъ!... неужели она умерла?... говорилъ Тарскій, крѣпко сжимая руки Блюма —Пойдемте; скорѣе, скорѣе!...

Блюмъ пошелъ къ Мери. Тарскій почти тащилъ его за руку, умоляя поспѣшить. Блюмъ подошелъ къ Мери, взялъ

ее за пульсъ, приподнялъ ея опущенныя вѣки, взглянулъ въ глаза.....

— Все кончено, сказалъ онъ:—она умерла.

— Умерла!.. а ребенокъ?

Тотъ еще и не начиналъ жить, отвѣчалъ Блюмъ.

Онъ молча пожалъ Тарскому руку и вышелъ.

Тарскій опустился на колѣни возлѣ трупа сестры и склонилъ свою голову на ея неподвижную, впавшую грудь.

III.

Стемнѣло. Кто-то постучалъ въ дверь. Тарскій всталъ, поправилъ свои спутавшіеся волосы. Войдите, сказалъ онъ. Дверь отворилась. На порогѣ показался хозяинъ отеля и остановился.

— Что вамъ угодно? спросилъ Тарскій.

— До меня дошло извѣстіе, что ваша бѣдная больная умерла. Я пришелъ убѣдиться въ этомъ. Мы обязаны увѣдомить полицію:—извините.

— Да, умерла, отвѣчалъ Тарскій. Онъ зажегъ свѣчу и поднесъ ее къ трупу сестры.—Убѣждайтесь!

— Покойная была, кажется, греческаго исповѣданія, продолжалъ хозяинъ отеля, входя въ комнату и быстро запирая за собою дверь:—гдѣ думаете вы похоронить ее?

— Не знаю.

— У меня будетъ до васъ покорнѣйшая просьба, г-нъ Тарскій. Я попрошу васъ не держать долго вашей сестры въ моемъ отелѣ. Вы знаете: у меня въ настоящее время отель почти полонъ. Есть много людей, которые боятся оставаться въ одномъ домѣ съ покойникомъ; они могутъ выѣхать изъ отеля, а для меня это большой разсчетъ. Пока, о смерти вашей сестры не знаетъ никто, кромѣ меня, да прислуги, которой я строго приказалъ не говорить объ этомъ никому изъ жильцовъ. Но завтра, скрыть эту смерть будетъ невозможно. Я попрошу васъ перенести покойную въ маленькую оранжерею, внизу, у стѣны. Тамъ ей будетъ весьма удобно стоять, да и для васъ будетъ спокойнѣе. Мы загородимъ дорожку въ оранжерею и никто изъ любопыт-

ныхъ не будетъ мѣшать вамъ; никто не потревожитъ уединенія, необходимаго для васъ въ эти тяжелыя минуты.

— Хорошо, отвѣчалъ Тарскій:—я согласенъ; до завтра.

Хозяинъ ушелъ. Тарскій уложилъ Мери на кровать, сложилъ ей руки на груди, покрылъ чистою простынею и пошелъ пройтись немного по городу. Ему надо было о многомъ подумать, многое устроить; а въ комнатѣ сестры, передъ ея еще не остывшимъ трупомъ, онъ не въ состояніи былъ сосредоточить своихъ разсѣянныхъ мыслей; онъ не въ силахъ былъ думать ни о чемъ.

Онъ забрелъ въ какой-то узкій, глухой переулокъ и сѣлъ на камень, у воротъ. Ему припомнилась клятва, данная имъ Мери похоронить ее на высотѣ Драхенфельса; онъ хотѣлъ во что бы то ни стало исполнить волю своей сестры, но не зналъ къ кому обратиться за помощью, за совѣтомъ.

Напротивъ его, въ нижнемъ этажѣ стариннаго дома, изъ открытыхъ, освѣщенныхъ оконъ доносились звуки сталкивающихся стакановъ, веселые возгласы, крики и смѣхъ. Тарскій прислушался и узналъ могучій баритонъ президента общества Веселаго Союза. «Обращусь къ нимъ», подумалъ онъ, «они не откажутъ; они помогутъ мнѣ.»

Общество Веселаго Союза состояло изъ 10-ти студентовъ Боннскаго университета; 11-мъ былъ президентъ. Оно образовалось лѣтъ десять тому назадъ и съ тѣхъ поръ не прекращалось. Цѣль общества состояла въ веселомъ препровожденіи времени, во время университетскаго курса. Необходимымъ условіемъ поступленія было: не имѣть въ Боннѣ никого изъ родныхъ, любить выпить, покутить, поскандалить, обладать хорошимъ голосомъ, быть веселаго, беззаботнаго характера и не имѣть отдѣльно отъ общества никакой денежной собственности. Члены Союза занимались днемъ въ университетѣ или частными занятіями, а по вечерамъ сходились въ одну изъ пивныхъ и тамъ бражничали до поздней ночи. Члены этого общества избирались весьма строго, и потому никогда никакого разлада не происходило между ними. Это были добрые, честные, славные ребята, готовые отдать послѣднюю рубашку для удовольствія или добраго дѣла.

Веселый Союзъ былъ грозою всѣхъ притѣсняющихъ слабыхъ, угнетающихъ безсильныхъ или эксплуатирующихъ трудъ и нужду. Веселый Союзъ наказывалъ ихъ, но наказывалъ по своему, убивалъ самымъ страшнымъ оружіемъ— насмѣшкой. Карикатуры, памфлеты, стишки, въ которыхъ рѣзко и умно выставлялись подмѣченныя дурныя стороны, градомъ сыпались на жертву Союза; они приклеивались къ домамъ, распѣвались мальчишками по улицамъ, и дѣлали несчастнаго посмѣшищемъ цѣлаго города. Жители Бонна любили членовъ этого Союза, но немного побаивались ихъ.

Президентъ общества выбирался ежегодно, выбирался единогласно. Онъ долженъ былъ отличаться отъ своихъ товарищей умѣньемъ пить больше всѣхъ и никогда не напиваться, изобрѣтать различныя удовольствія и вообще употреблять всѣ усилія, чтобы развлекать и веселить союзъ. За то всѣ должны были слушаться его; всѣ должны были исполнять задуманныя имъ предпріятія и никто не имѣлъ права отказаться отъ участія въ нихъ. Президентъ вѣдалъ кассу общества; онъ же велъ разсчетъ съ пивными, въ которыхъ обществу вѣрили въ кредитъ.

Члены Союза бражничали, катались съ пѣснями по Рейну, устраивали разныя комическія шествія по городу, но за то они же первыми являлись на пожаръ, они же первыми являлись къ тѣмъ, кого посѣщало несчастіе, кто нуждался въ помощи людей, но не имѣлъ средствъ заплатить имъ.

Послѣдніе два года президентомъ общества былъ студентъ Кессель. Настоящая фамилія его была Польманъ, но его прозвали Кесселемъ, т. е. котломъ, за особенную способность выпивать неизмѣримое количество пива и вина. Кессель былъ лучшимъ президентомъ съ самаго основанія общества. Такого беззаботнаго гуляки, такой безшабашной головы рѣдко можно встрѣтить, даже между студентами. Онъ былъ не красивъ, скорѣе даже уродливъ, но за то имѣлъ безконечно добрую душу и безгранично честное, любящее сердце. Двадцати восьми лѣтъ поступилъ онъ въ университетъ, учился отлично, большими трудами добывалъ деньги—и все прокучивалъ въ ту же ночь. Кесселя любили всѣ студенты, а члены союза были ему преданы безъ границъ.

Въ ту ночь, когда умерла Мери, члены Веселаго Союса праздновали, въ полномъ составѣ, окончаніе лѣтнихъ вакацій и открытіе дѣятельности Союза на предстоящій сезонъ.

Когда Тарскій вошелъ въ пивную, Кессель, стоя на табуретѣ, говорилъ собранію привѣтственную рѣчь, пародируя тронную рѣчь при открытіи Палатъ. Увидя Тарскаго, Кессель пересталъ говорить.

— Что тебѣ надо, братъ? спросилъ онъ. (Члены союза говорили всѣмъ ты и называли, какъ другъ друга, такъ и всѣхъ людей, братьями). Если ты нуждаешься въ нашей помощи, то садись и говори; если же ты пришелъ сюда выпить, то мы попросимъ тебя удалиться: мы не допускаемъ въ нашъ кружокъ постороннихъ.

— Я пришелъ къ вамъ за помощію, отвѣчалъ Тарскій:— помогите мнѣ.

Кессель соскочилъ съ табурета; члены, которые валялись до тѣхъ поръ на скамейкахъ, тоже встали. Затѣмъ всѣ усѣлись около стола. Кессель указалъ Тарскому мѣсто возлѣ себя.

— Говори, сказалъ онъ: — мы готовы слушать тебя; мы готовы помочь тебѣ.

Тарскій разсказалъ обществу о смерти своей сестры, о данной имъ клятвѣ похоронить Мери на высотѣ Драхенфельса и о просьбѣ хозяина перенести завтра трупъ въ оранжерею.

— Помогите мнѣ, братья, кончилъ онъ,—похоронить мою сестру; я самъ такъ разстроенъ, такъ убитъ: я не способенъ ни на что.

Кессель, молча, налилъ большой стаканъ вина, отпилъ отъ него и передалъ своему сосѣду; стаканъ обошелъ всѣхъ и дошелъ до Тарскаго. Тарскій тоже отпилъ немного и передалъ стаканъ Кесселю. Тотъ допилъ остальное.

— Братъ, сказалъ онъ, вставая:—будь спокоенъ! Мы все устроимъ; мы похоронимъ твою сестру. Теперь ступай домой. Завтра утромъ мы будемъ у тебя; завтра, мы къ услугамъ твоей покойной сестры.

— Вотъ деньги, сказалъ Тарскій. вынимая 500 талеровъ и отдавая ихъ Кесселю:—не жалѣй ихъ, если не хватитъ, я дамъ еще.

Кессель спряталъ деньги.

— Ты заказалъ гробъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Такъ не безпокойся ни о чемъ, мы все, все устроимъ.

Тарскій ушелъ.

Въ комнатѣ, гдѣ лежала Мери, было темно. Тарскій зажегъ лампу, отворилъ окно и сѣлъ на стулѣ, противъ трупа своей усопшей сестры.

Утромъ, на зарѣ, пришелъ Кессель и привелъ гробовщика.

Гробовщикъ снялъ мѣрку. Кессель велѣлъ приготовить гробъ къ семи часамъ. Гробовщикъ началъ было что то возражать, но Кессель, молча, показалъ ему толстую пачку денегъ. Гробовщикъ низко поклонился и ушелъ. Кессель долго, задумчиво смотрѣлъ на трупъ молодой женщины. «Какъ молода», думалъ онъ, «какъ хороша! Что сгубило ее? Бѣдная, бѣдная! Сколько счастія могла бы ты дать человѣку, сколько могучей любви могла бы возбудить ты въ его сердцѣ!»

Кессель осмотрѣлъ оранжерею и нашелъ ее неудобною. Онъ обошелъ садъ. Съ правой стороны сада была насыпана довольно высокая гора; къ ней примыкалъ просторный, сложенный изъ дикаго камня гротъ. Къ нему вели двѣ широкія галереи. Гротъ освѣщался маленькими разноцвѣтными стеклами, незамѣтно вставленными между камнями боковой стѣны и потолка. Этотъ гротъ выбралъ Кессель мѣстомъ для трупа Мери. Хозяинъ отеля не совсѣмъ-то былъ доволенъ подобнымъ выборомъ, но согласился изъ боязни возбудить противъ себя мщеніе Союза.

Братья занялись убранствомъ грота. Они поставили посреди его длинный столъ, который покрыли до земли чернымъ сукномъ. Затѣмъ замазали сажей всѣ стекла и привѣсили къ потолку грота четыре фаянсовыя подставки, въ которыя вставили керасиновыя лампы съ абажурами изъ краснаго стекла. Стѣны грота они сплошь уставили разными растеніями, взятыми на прокатъ изъ лучшей оранжереи.

Въ восьмомъ часу принесли гробъ. Горничныя отеля одѣли Мери въ тотъ же бѣлый пеньюаръ, который подарилъ ей

графъ. Ее положили въ гробъ; братья осторожно снесли ее съ лѣстницы, прошли по саду и скрылись въ галереѣ грота.

Толпа любопытныхъ хотѣла было послѣдовать за ними, но Кессель не велѣлъ не пускать никого.

Спокойно лежала Мери въ полуосвѣщенномъ, таинственномъ гротѣ. Гирлянды цвѣтовъ обвивали ея головку, ея грудь, и спускались до земли; зеленыя пальмы склоняли надъ нею свои широкія листья, а большіе кусты цвѣтущихъ розъ распространяли вокругъ легкій душистый ароматъ. Бѣлый газовый покровъ скрывалъ половину гроба и широкими складками спускался по черному сукну.

Братья говорили шепотомъ; они боялись нарушить громкимъ голосомъ это таинственное царство смерти.

Кессель уѣхалъ на пароходѣ въ Драхенфельсъ. Онъ съ утра послалъ четырехъ братьевъ вырыть могилу и поѣхалъ осмотрѣть ее. Братья, по очереди, дежурили у входа въ гротъ и никого не допускали во внутрь.

Тарскій сидѣлъ у ногъ своей сестры и не спускалъ глазъ съ ея блѣднаго, мраморнаго лица.

Въ саду стало свѣтло, въ отелѣ началась обычная суэтливая дѣятельность дня; а въ таинственномъ, полуосвѣщенномъ гротѣ былъ тотъ же полумракъ, царствовало то же спокойствіе, та же гробовая, беззвучная тишина.

Кессель съ утра нанялъ, на цѣлыя сутки, большую шестивесельную лодку. Онъ устроилъ посреди ея невысокую площадку, которую приказалъ обтянуть чернымъ сукномъ. Въ площадку были ввинчены четыре кольца для того, чтобы удерживать гробъ. Всѣ скамейки были также обтянуты сукномъ, а на носу и кормѣ развѣвались траурные, обшитые бѣлымъ флаги.

Около двухъ часовъ Кессель пришелъ въ гротъ.

— Все готово, сказалъ онъ Тарскому:—пора!

Тарскому не хотѣлось покидать своего мѣста; онъ готовъ былъ всю жизнь просидѣть тутъ, возлѣ трупа своей сестры, среди этого полусвѣта, среди массы растеній и цвѣтовъ, въ этомъ волшебномъ какъ бы глубоко подземномъ гротѣ.

— Простись съ нею, прибавилъ Кессель: — ты болѣе никогда не увидишь ея.

Братья вышли.

Тяжело, мучительно тяжело было это послѣднее прощаніе живаго человѣка съ мертвымъ, холоднымъ, но все такъ же дорогимъ тѣломъ, угаснувшаго на вѣки человѣческаго существа. Никто не видѣлъ его отчаянія; никто не видѣлъ его слезъ; да никому и не слѣдовало глядѣть на нихъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ, Тарскій вышелъ къ братьямъ. Его лице было спокойно; только судорожно сжатыя губы, да неровная походка выдавали то, что творилось въ его душѣ.

Братья тоже простились съ усопшей, накрыли гробъ крышей, привинтили ее и понесли гробъ къ рѣкѣ.

Огромная толпа любопытныхъ стояла на берегу и смотрѣла на это зрѣлище. Немногіе изъ нихъ подумали о томъ, что раньше или позже, каждому изъ этой толпы придется быть главнымъ, хотя безучастнымъ лицомъ въ подобномъ же печальномъ шествіи...

Братья поставили гробъ на площадку и прикрѣпили его ремнями къ кольцамъ. Кессель усыпалъ весь гробъ живыми цвѣтами. На крышу, надъ головою Мери, онъ положилъ большой вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ, не много пониже—другой крошечный вѣнокъ изъ голубыхъ незабудокъ. Шестеро братьевъ взялись за весла; Кессель сѣлъ на руль. Лодка тихо оттолкнулась отъ берега и начала подниматься по Рейну.

На круглыхъ измятыхъ шляпахъ братьевъ развѣвались широкіе куски чернаго крепа; черезъ ихъ правыя плечи были повязаны траурные шарфы съ большими бантами на концѣ. Всѣ сидѣли молча; тяжелая лодка съ бѣлымъ глазетовымъ гробомъ медленно подвигалась впередъ.

Черезъ три часа она пристала пониже Кенигсвинтера, къ пустынному, но удобному для подъема, берегу. Братья понесли гробъ на гору. На высотѣ ихъ встрѣтили два остальные брата, которые оставались охранять могилу. Черезъ нее были перекинуты двѣ доски. Братья поставили гробъ, вынули доски и на трехъ кускахъ полотна осторож-

но спустили его на устланное мохомъ дно. Кессель взялъ руками большую горсть земли и поднесъ ее Тарскому.

— Братъ, сказалъ онъ:—брось туда, первый, эту горсть земли. Исполни этотъ завѣщанный намъ предками обычай, онъ имѣетъ глубокій, символическій смыслъ.

Тарскій бросилъ; каждый изъ братьевъ поочередно послѣдовалъ его примѣру; затѣмъ они начали зарывать могилу. Тарскій стоялъ и смотрѣлъ, какъ частями исчезалъ изъ его глазъ этотъ бѣлый, блестящій гробъ. Братья зарыли могилу, вывели надъ нею небольшую насыпь и обложили ее заранѣе приготовленнымъ дерномъ.

Кессель положилъ на могилу два снятые имъ съ гроба вѣнка и подошелъ къ Тарскому.

— Братъ, сказалъ онъ: — есть минуты, когда человѣку необходимо остаться одному. Мы оставляемъ тебя; но помни, что природа не даромъ одарила тебя разсудкомъ.

Братья пожали Тарскому руки и ушли. Тарскій сѣлъ на свое любимое мѣсто въ нишѣ полуразвалившагося окна; но на этотъ разъ лицемъ не къ широкому Рейну, а къ свѣжей, только что засыпанной могилѣ сестры. Не надолго улыбнулась ему жизнь, не долго потѣшила она его надеждой на будущее счастіе. Теперь онъ снова остался одинъ, и снова тяжелыя мысли овладѣли его головой.

Въ немъ пробудилась месть. Надъ могилой сестры, онъ поклялся отомстить виновнику ея смерти. Онъ рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ, отыскать графа и влѣпить ему въ сердце пулю, обернутую въ его послѣднее письмо. Это письмо онъ, въ первую же ночь послѣ смерти сестры Мери, снялъ съ ея груди и спряталъ, тогда еще безъ всякой цѣли въ свой бумажникъ.

Рѣшимость отомстить подкрѣпила Тарскаго; у него опять явилась цѣль, хотя, на этотъ разъ, совершенно противоположная первой.

Утромъ, въ день своего отъѣзда изъ Бонна, Тарскій зашелъ къ купцу взять деньги. У него, вмѣстѣ съ деньгами, присланными ему Лопатинымъ послѣ оцѣнки и раздѣла

имѣнія, осталось еще около пяти тысячъ талеровъ. Онъ взялъ двѣ.

— Вы уѣзжаете? спросилъ его купецъ.

— Да, отвѣчалъ онъ.

— На долго?

— Не знаю, можетъ быть на всегда.

— Что-же дѣлать съ вашими остальными деньгами?

Тарскій припомнилъ завѣтъ покойнаго Фрейгофа.

— Если я не пріѣду къ первому маю, сказалъ онъ, и не пришлю вамъ до того времени ни одного письма, то вы устройте, на эти деньги, въ здѣшнемъ университетѣ, двѣ стипендіи во имя Годесбергскаго уроженца Готлиба, Карла, Амедея Фрейгофа. Стипендію выдавать тѣмъ, кто уже поступитъ въ университетъ, но въ теченіи курса окажется несостоятельнымъ платить.

— Изложите ваше желаніе письменно, отвѣчалъ купецъ.

Тарскій написалъ и подписался; купецъ, пригласилъ подписаться, въ качествѣ свидѣтелей, двухъ своихъ помощниковъ.

— Доброе дѣло! сказалъ онъ, пряча бумагу въ ящикъ:— хорошую память оставите вы по себѣ.

Тарскій простился съ Гюнтеромъ, съ Бригиттой, которой сказалъ, что ѣдетъ устроить дѣла послѣ смерти сестры, и выѣхалъ изъ Бонна.

Въ Кельнѣ ему пришлось ожидать около полу-часа поѣзда въ Берлинъ. Пользуясь свободнымъ временемъ, Тарскій зашелъ въ Кёльнскій соборъ. Служили вечерню. Народу было мало. Торжественные звуки органа оглашали воздухъ и замирали въ высокихъ сводахъ собора. Тарскій сѣлъ на скамью и задумался. Красноватые лучи заходящаго солнца, проходя сквозь разноцвѣтныя окна, отражались безконечными переливами цвѣтовъ, на каменныхъ плитахъ собора. На одномъ изъ этихъ великолѣпныхъ оконъ нарисовано погребеніе Христа. Тарскій взглянулъ на этотъ образъ и не могъ спустить съ него глазъ. Освѣщенная солнцемъ фигура Спасителя, производила на Тарскаго невыразимое впечатлѣніе. Его истерзаннымъ муками сомнѣнія и отчаянія сердцемъ овладѣло какое-то новое чувство. Звуки органа лились въ душу и, казалось, твердили о всепроще-

ніи, о вѣчномъ торжествѣ истины, правды и добра. Въ этой гордой душѣ явилась потребность молитвы, потребность раскаянія, утѣшенія и слезъ. Божественно-кроткій ликъ Спасителя, казалось, говорилъ ему о покорности судьбѣ, о вѣрѣ и надеждѣ въ будущее, о другой, болѣе полезной жизни, полной любви къ людямъ, какъ братьямъ нашимъ по человѣчеству.

Патеръ началъ читать «Отче нашъ.» Каждое слово этой великой молитвы болѣзненно отзывалось въ измученной душѣ Тарскаго. Онъ сидѣлъ неподвижно, со сложенными на груди руками; на его блѣдныхъ, исхудалыхъ щекахъ появились двѣ слезы и мѣрно скатились одна за другою на грудь. Что-то толкало его пасть на колѣни и молитвой облегчить свою душу;—но гордый разсудокъ взялъ верхъ. Тарскій не хотѣлъ покорпться, онъ всталъ и вышелъ изъ собора.

И было время: на станціи желѣзной дороги звонилъ колоколъ, извѣщавшій о скоромъ отходѣ пассажирскаго поѣзда въ Берлинъ.

IV.

Тарскій пріѣхалъ въ Петербургъ и остановился у своего друга и стараго товарища, доктора Мостова. Мостовъ едва узналъ Тарскаго, такъ измѣнила послѣдняго болѣзнь и смерть сестры. Тарскій разсказалъ Мостову печальную исторію Мери, повторилъ данную на могилѣ сестры клятву отомстить убійцѣ несчастной жертвы и просилъ у своего единственнаго друга совѣта, какъ лучше исполнить свое намѣреніе.

Тарскій рѣшился вызвать Сореля на дуэль. Какъ нѣмецкій студентъ, Онъ считалъ дуэль единственнымъ честнымъ средствомъ, твердо задуманной, непзбѣжной мести. Ему нужно было свести съ Сорелемъ кровавый разсчетъ, результатомъ котораго должна была неминуемо послѣдовать смерть, и Тарскій предоставлялъ случаю рѣшить, на чью сторону упадетъ карта жизни.

Но добраться до Сореля было нелегко. Онъ могъ подъ различными предлогами отказаться отъ дуэли, а по своимъ связямъ лишить Тарскаго возможности повторить вызовъ.

Нанести ему публично позорное оскорбленіе;—но и тогда Сорель, принявъ вызовъ, могъ извѣстить секретно полицію и тѣмъ избѣжать дуэли. Да и въ случаѣ подобной гласной дуэли, если бы Тарскій остался живъ, ему угрожалъ долгій судъ, наказаніе; а ему не хотѣлось оставаться долго въ Россіи, его тянуло назадъ, на могилу любимой сестры, въ тотъ родной городокъ, гдѣ еще такъ недавно выпало на его долю столько страданія и скорби.

Мостовъ имѣлъ большую практику и вѣчно былъ занятъ. Онъ искренно сожалѣлъ о Тарскомъ, но не имѣлъ ни времени, ни средствъ помочь своему другу. Онъ предложилъ ему содѣйствіе своихъ младшихъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ оканчивалъ курсъ въ университетѣ, а другой занимался живописью въ Императорской Академіи Художествъ. Тарскій сообщилъ молодымъ людямъ о своемъ намѣреніи вызвать на дуэль виновника смерти своей сестры, гвардейскаго полковника, графа Анатоля Сореля. Молодые люди, перебравъ много несбыточныхъ плановъ, остановились на томъ, что прежде всего слѣдуетъ узнать объ образѣ жизни и привычкахъ Сореля, для чего необходимо познакомиться и сблизиться съ его прислугой.

Единственнымъ слугою графа Сореля былъ Кронштадтскій мѣщанинъ Иванъ Трофимовъ. Опытный и умный Трофимовъ скоро разгадалъ натуру своего барина и съумѣлъ сдѣлаться для него необходимымъ. Трофимовъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ дѣлахъ графа, могъ уличить его во многихъ грязныхъ и даже преступныхъ исторіяхъ, пользовался этимъ, и дѣлалъ, что хотѣлъ. Графъ поневолѣ вынужденъ былъ смотрѣть, на поведеніе Трофимова сквозь пальцы, но былъ не прочь избавиться отъ этого опаснаго свидѣтеля своего далеко небезукоризненнаго прошлаго.

Онъ рѣшился, тотчасъ же послѣ свадьбы, отпустить Трофимова, купивъ его молчаніе хорошею суммою изъ приданаго богатой княжны.

Графъ, какъ всѣ холостые люди, большую часть времени проводилъ внѣ дома. Трофимовъ слѣдовалъ его примѣру. Онъ запиралъ квартиру и отправлялся въ ближайшую пив-

ную, гдѣ уже пользовался немалымъ почетомъ и даже извѣстною долею авторитета. Онъ былъ большой любитель пива и къ ночи всегда возвращался подъ хмѣлькомъ. Графъ нанималъ помѣсячно извощичью карету. Кучеръ этой кареты, Григорій, былъ закадычный другъ и пріятель Трофимова; послѣдній любилъ его за всегдашнюю готовность выпить сколько угодно пива и умѣнье, подъ акомпаниментъ гитары, напѣвать русскія пѣсни, до которыхъ Трофимовъ былъ страстный охотникъ.

Вечеромъ, 30-го ноября, Григорій отвезъ графа на имянины, къ одному изъ сотоварищей послѣдняго по полку. Получивъ приказаніе пріѣхать къ двумъ часамъ, онъ вернулся домой, пригласилъ Трофимова, и оба отправились въ пивную. Григорій потребовалъ пива, а Трофимовъ началъ читать послѣдній номеръ Сына Отечества. Съ тѣхъ поръ, какъ Трофимовъ побывалъ когда-то въ Берлинѣ, онъ постоянно слѣдилъ за политическимъ отдѣломъ газетъ и считалъ себя знатокомъ въ политикѣ европейскихъ кабинетовъ.

Вслѣдъ за друзьями вошелъ въ пивную и художникъ Мостовъ. Онъ подсѣлъ къ сосѣднему столу и спросилъ бутылку пива. На немъ былъ старый, потертый сюртукъ, изъ подъ котораго выглядывала грязная рубашка и небрежно повязанный галстукъ. Истасканную шинель и помятую фуражку онъ положилъ возлѣ себя на стулъ. Вообще, по костюму, Мостова можно было принять или за лакея послѣдней руки, или за одну изъ тѣхъ темныхъ личностей, которыхъ всегда можно встрѣтить въ русскихъ трактирахъ, портерныхъ и кабакахъ.

— Ишь ты....! сказалъ Трофимовъ, прочитавъ предложеніе Наполеона III-го по поводу польскаго возстанія:—съ какой штукой подъѣхалъ.

— А что такъ? спросилъ Григорій.

— Да все братъ, Наполеонъ! все за поляковъ вступается, отвѣчалъ Трофимовъ.—Ишь чего захотѣлъ! Шалишь, братъ; мы и сами съ зубами.

— Вы, вотъ, на счетъ Наполеона изволили упомянуть, перебилъ Трофимова Мостовъ:—а позвольте узнать, какъ онъ доводится тому Наполеону, который въ двѣнадцатомъ году къ намъ приходилъ.

Трофимовъ гордо посмотрѣлъ на незнакомую грязную личность, осмѣлившуюся вступить съ нимъ въ разговоръ; но затронутое самолюбіе взяло верхъ, и онъ снисходительно отвѣчалъ:—Нынѣшній Наполеонъ приходится тому племянникомъ; отъ Голландскаго брата сынъ.

— Такъ-съ! Что же это онъ пишетъ такое-съ? антересное должно быть-съ.

— Проситъ..... полякамъ волю дать, и войску нашему ихъ не трогать, пока они, значитъ, не собрались еще съ силами.

— Такъ-съ! Пріятно это газеты съ толкомъ читать.

— А вы вѣрно неграмотны?

Трофимовъ считалъ первымъ признакомъ образованности говорить всѣмъ вы. Только своему другу, Григорію, онъ говорилъ ты, хотя послѣдній всегда разговаривалъ съ нимъ на «вы».

— Нѣтъ-съ, разумѣю немного и читать-съ могу, только нынче какъ-то мудрено писать стали. Прочитать, прочитаешь, а понять ничего не поймешь. Много ужъ очень мудреныхъ словъ понаставлено, никакъ не разберешь. А вотъ, какъ толковый человѣкъ прочитаетъ, да разскажетъ, такъ все и раскусишь; совсѣмъ другое выходитъ.

Трофимовъ самодовольно улыбнулся. Послѣднія слова сильно польстили его самолюбію.

— Да, нынче надо читать съ понятіемъ, отвѣчалъ онъ ласковымъ голосомъ.—Не хотите ли пивка, продолжалъ онъ, замѣтивъ у Мостова пустой стаканъ.—Да присядьте къ намъ, у насъ мѣста довольно.

— Покорнѣйше благодарю. Ужъ будьте такъ добры, дозвольте попользоваться вашей бесѣдой, отвѣчалъ Мостовъ, усаживаясь рядомъ съ Трофимовымъ:—умныя рѣчи пріятно и слушать.

Завязался длинный разговоръ о польскомъ возстаніи и о попыткахъ иностранныхъ государствъ. Польстивъ вдоволь самолюбію Трофимова, Мостовъ свернулъ разговоръ на другое; разсказалъ, что онъ служилъ у чиновника, вчера только отошелъ и просилъ у Трофимова рекомендаціи на случай, если откроется подходящее мѣсто. Трофимовъ обѣщалъ. Разговоръ зашелъ о господахъ. Какъ ни старался Мостовъ вывѣдать что нибудь о жизни Сореля, но не могъ ничего

узнать. Трофимовъ на всѣ вопросы отвѣчалъ шутками или общими, ничего не объясняющими словами. Заставить его проболтаться было трудно. Чтобы не возбудить подозрѣнія, Мостовъ былъ вынужденъ перемѣнить разговоръ.

При прощаньи, подвыпившій Трофимовъ повторилъ Мостову свое обѣщаніе на счетъ мѣста и просилъ заходить по вечерамъ въ пивную, для сиравокъ.

Послѣ того Мостовъ, раза два, заходилъ въ пивную, видѣлся съ Трофимовымъ, но ничего не могъ узнать.

Въ рождественскій сочельникъ, вечеромъ, Мостовъ опять зашелъ въ пивную. Трофимомъ съ Григоріемъ сидѣли на своихъ обычныхъ мѣстахъ и пили пиво. Трофимовъ встрѣтилъ Мостова весьма любезно, объявилъ, что до сихъ поръ къ сожалѣнію не могъ еще пріискать ему мѣста и предложилъ пива.

Въ разговорѣ, Мостовъ между прочимъ упомянулъ о новомъ годѣ и съ сожалѣніемъ прибавилъ, что не знаетъ, гдѣ-то Богъ приведетъ ему встрѣтить этотъ праздникъ.

— Мы сами, отвѣчалъ Трофимовъ,—всю ночь, наканунѣ новаго года, разъѣзжаемъ съ графомъ. За то въ первый день свободны съ утра и проводимъ его, съ Гришей, за хорошей бутылочкой пивца. Только нынче, прибавилъ онъ, обращаясь къ Григорію:—это намъ не удастся. Нынче, я слышалъ, во дворцѣ балъ и графъ вѣроятно будетъ тамъ.

— Такъ что-жъ, Иванъ Семеновичъ, отвѣчалъ Григорій:—нешто впервые: лошадей поставимъ въ ряды, шубы вы изволите отдать вѣстовому, а сами пойдемъ грѣться къ Меркулычу; мѣсто знакомое.

— И то правда, отвѣчалъ Трофимовъ:—только нынче долго прохлаждаться нельзя; графъ, вѣрно, изъ дворца поѣдетъ къ невѣстѣ ужинать. Приходите и вы, коли будете свободны, прибавилъ онъ, обращаясь къ Мостову,—знаете Меркулыча: на Милліонной, въ домѣ А.

— Покорнѣйше благодарю, приду, если будетъ время, отвѣчалъ, кланяясь, Мостовъ.—Можетъ, на праздникахъ и мѣстечко отыщется.

— Давай Богъ, сказалъ Трофимовъ, вставая:—а пока прощайте, намъ пора.

На этотъ разъ труды Мостова не пропали даромъ. На слышанномъ отъ Трофимова онъ основалъ планъ и сообщилъ о немъ Тарскому. Тарскій, терявшій уже всякую надежду на достиженіе цѣли своего пріѣзда, хотя и не ожидалъ отъ этого плана успѣха, но, за неимѣніемъ лучшаго, согласился.

Тарскій былъ хорошій стрѣлокъ; не смотря на это онъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, купилъ пару отличныхъ пистолетовъ Девима, всякое утро учился стрѣлять изъ нихъ въ цѣль и дошелъ до того, что почти безъ промаха всаживалъ пулю въ пулю. Когда ему случалось бывать на Невскомъ, онъ непремѣнно заходилъ въ Пассажъ и безъ промаха разбивалъ въ комнатномъ тирѣ нѣсколько качающихся куколъ. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ случая и былъ увѣренъ, что не промахнется по той живой, но бездушной куклѣ, до которой такъ давно добирался.

По вечерамъ, Тарскій безвыходно сидѣлъ дома, изрѣдка читалъ, но чаще всего вспоминалъ о своей сестрѣ и припоминалъ до малѣйшихъ подробностей причины и ходъ ея болѣзни.

По нѣсколько разъ перечитывалъ онъ послѣднее письмо Сореля къ Мери, старался прослѣдить весь ходъ его гнусной интриги, многое разгадалъ, а объ остальномъ—только догадывался по своимъ собственнымъ, иногда далеко ошибочнымъ соображеніямъ. Подъ вліяніемъ этихъ воспоминаній все сильнѣе и сильнѣе разгаралась въ немъ неутолимая жажда мщенія; у него было только одно желаніе, желаніе мести; одна боязнь—умереть не достигнувъ цѣли, одна надежда—всадить пулю въ гнусное сердце своего смертельнаго врага и насладиться видомъ его неподвижнаго, мертваго лица.

Отъ постояннаго волненія у Тарскаго сдѣлалась сильное біеніе сердца. Онъ испугался возможности слечь въ постель и старательно исполнялъ всѣ медицинскія предписанія своего друга.

Отпечатокъ мертвенной блѣдности лежалъ на его лицѣ, и только впавшіе глаза горѣли зловѣщимъ, лихорадочнымъ огнемъ. Его длинные волосы въ безпорядкѣ разсыпались по плечамъ, а густая борода еще рѣзче оттѣняла блѣдность

впавшихъ щекъ. Страшенъ былъ наружный видъ Тарскаго; когда онъ шелъ, не обращая ни на кого вниманія, по улицѣ; проходящіе давали ему дорогу и невольно оглядывались во слѣдъ.

Въ день новаго года Тарскій обѣдалъ вмѣстѣ съ братьями Мостовыми. Послѣ обѣда онъ попробовалъ заснуть, но не могъ и началъ ходить по комнатѣ. Въ этотъ день, вечеромъ, онъ долженъ былъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ своимъ врагомъ и расчитаться съ нимъ за *нихъ* и за себя. Онъ взвѣшивалъ всѣ возможныя неудачи, которыя могли бы помѣшать этой встрѣчѣ и приходилъ къ убѣжденію, что все, зависящее отъ него и его молодыхъ друзей, придумано и исполнено вполнѣ; остальное будетъ дѣломъ случая и удачи.

Время тянулось убійственно долго. Отъ ожиданія и нетерпѣнія у Тарскаго сдѣлалась лихорадочная, нервная дрожь.

Онъ понималъ, какъ важно внутреннее спокойствіе для твердости руки и мѣткости выстрѣла, и старался чѣмъ нибуть заняться. Онъ началъ медленно заряжать пистолеты. Онъ тщательно прочистилъ затравку, аккуратно всыпалъ полную мѣрку пороха, взялъ отлитую имъ самимъ пулю, обернулъ ее въ подпись послѣдняго письма графа къ Мери, вогналъ пулю въ дуло, надѣлъ пистонъ и вложилъ пистолетъ въ чахолъ. То же повторилъ онъ и съ другимъ пистолетомъ.

Пробило девять. Студентъ уѣхалъ слѣдить за Сорелемъ. Тарскій пригласилъ въ свою комнату художника и сообщилъ ему свои послѣднія распоряженія на случай смерти. Художникъ въ свою очередь разсказалъ ему о мѣрахъ, которыя они рѣшились предпринять въ случаѣ смерти Тарскаго или обоихъ противниковъ.

Въ исходѣ десятаго часа пріѣхалъ студентъ. Онъ слѣдилъ за каретой Сореля, видѣлъ, какъ послѣдній вошелъ во дворецъ и замѣтилъ на площади мѣсто, гдѣ стоитъ карета.

Настало время дѣйствовать. Студентъ надѣлъ большіе саноги и полушубокъ, который прикрылъ поношеннымъ извощичьимъ армякомъ. У студента росла небольшая русская

бородка. По наружному виду онъ вполнѣ походилъ на извощика Сореля. Въ карманы полушубка студентъ спряталъ пистолеты, еще разъ тщательно осмотрѣнные Тарскимъ.

Художникъ вышелъ первый и уѣхалъ на извощикѣ. Тарскій взялъ лежавшій на столѣ дорожный револьверъ и прицѣлился на свѣчку. Его рука была тверда и спокойна. Онъ надѣлъ шинель, шапку и, вмѣстѣ съ переодѣтымъ студентомъ, вышелъ на лѣстницу. Лакея Мостовыхъ не было дома. Студентъ заперъ дверь на ключъ, быстро спутился съ лѣстницы и, выходя на улицу, громко стукнулъ наружною дверью подъѣзда. Услышавъ заранѣе условленный сигналъ, Тарскій, не торопясь, сошелъ внизъ и пошелъ за студентомъ, не теряя послѣдняго изъ вида.

Когда художникъ Мостовъ вошелъ въ пивную Меркулыча, Трофимовъ съ Гришей уже были тамъ. Они сидѣли въ маленькой комнаткѣ, единственное окно которой выходило на дворъ. Нѣсколько пустыхъ бутылокъ стояло на столѣ.

— Легки на поминѣ! обратился Трофимовъ къ Мостову:— мы только что васъ вспоминали.

— Чувствительно благодаренъ, отвѣчалъ Мостовъ.—Съ новымъ годомъ честь имѣю поздравить, съ новымъ счастьемъ!

— И васъ также, прибавилъ Трофимовъ, наливая стаканъ и подавая его Мостову:—просимъ покорно садиться; съ пустыми руками не поздравляютъ.

Пріятели чокнулись. Завязалась дружеская бесѣда. Григорій и Мостовъ курили трубочки; Трофимовъ—графскія сигары. Принесли еще нѣсколько бутылокъ. Григорій снялъ армякъ и разстегнулъ полушубокъ. Трофимовъ объявилъ Мостову, что скоро откроется хорошее мѣсто и обѣщалъ непремѣнно уладить это дѣло. Онъ полюбилъ Мостова за его простоту, кротость и умѣнье отличать людей. Онъ даже предложилъ ему, чтобы приличнѣе явиться на мѣсто, свой собственный фракъ и бѣлье.

— Нутка, Гриша, обратился Трофимовъ къ Григорію:— потѣшь, голубчикъ! спой-ка намъ, братъ, что нибудь этакое, чтобы за душу хватало. Вотъ и они послушаютъ.

— Можно, отвѣчалъ, вставая, Григорій.

Онъ принесъ отъ Меркулыча гитару, заперъ дверь и, взявъ нѣсколько аккордовъ, запѣлъ: «Не одна во полѣ дороженька.»

Пѣлъ онъ дѣйствительно недурно и съ большимъ чувствомъ.

Трофимовъ облокотился обѣими руками на столъ и задумался.

Дымъ столбомъ ходилъ по комнатѣ, едва позволяя сидящимъ различать другъ друга. Мостовъ вынулъ изъ кармана заранѣе приготовленный одуряюще-снотворный порошекъ и, доливая пива, ловко всыпалъ его въ стаканы своихъ полупьяныхъ пріятелей.

Григорій кончилъ.

— Молодецъ, Гриша, спасибо! сказалъ Трофимовъ:—такъ вотъ и щемитъ ретивое отъ твоихъ пѣсенъ, такъ и ноетъ. И вѣдь все самоучкой, прибавилъ онъ, обращаясь къ Мостову.—Я вотъ, сколько разъ пробовалъ на гитарѣ играть и учителя бралъ: нѣтъ не выходитъ; а онъ самъ, своимъ умомъ дошелъ.

— Всякому свой талантъ отъ Бога, отвѣчалъ Мостовъ.—А это точно, что они чувствительно играть изволятъ. Позвольте за ваше здоровье выпить, прибавилъ онъ, обращаясь къ Григорію.

— Это, братъ, дѣло; за него слѣдуетъ выпить, сказалъ Трофимовъ, поднимаясь съ мѣста и чокаясь съ сосѣдями.

Пріятели залпомъ осушили стаканы и сѣли. Прошло нѣсколько секундъ. Трофимовъ хотѣлъ что-то сказать, но не могъ. Его голова свѣсилась на грудь, руки опустились и онъ заснулъ. Григорій положилъ голову на столъ и сидѣлъ неподвижно.

Мостовъ подошелъ къ своимъ пріятелямъ и старался ихъ разбудить. Убѣдясь, что оба спятъ мертвымъ сномъ, онъ надѣлъ шинель, плотно притворилъ за собою дверь комнаты, въ которой сидѣлъ и вышелъ изъ пивной.

Рядомъ съ нею, въ подвальномъ этажѣ того-же дома, помѣщалось трактирное заведеніе. Въ этотъ вечеръ оно было наполнено лакеями и кучерами. Въ одной изъ комнатъ сидѣлъ студентъ Мостовъ, въ другой—Тарскій; оба пили чай и курили.

Художникъ, проходя мимо этого трактира, какъ будто нечаянно, стукнулъ два раза въ крайнее окно.

Студентъ вышелъ изъ трактира, вслѣдъ за нимъ вышелъ и Тарскій. Студентъ догналъ брата на мосту. Послѣдній, не оборачивая головы, сказалъ: «все готово» и свернулъ по канавѣ на набережную Невы. Студентъ вышелъ на площадь, безъ труда отыскалъ замѣченную имъ заранѣе карету Сореля и сѣлъ на козлы.

Шелъ сильный снѣгъ. Тарскій медленно обогнулъ площадь и подошелъ къ рѣшеткѣ Александровской колонны.

Что произошло далѣе, читателю извѣстно изъ первый главы.

V.

Когда Тарскій съ Мостовыми убѣдились въ смерти Сореля, они сѣли въ карету и поѣхали назадъ. На Каменноостровскомъ проспектѣ студентъ, хорошо знакомый со всѣми закоулками Петербургской стороны, свернулъ въ одну изъ боковыхъ улицъ, которыя только двумя рядами заборовъ отдѣляются отъ обширныхъ пустырей и по которымъ зимою, даже днемъ, не рѣшится пройти ни одно, имѣющее съ собою какую нибудь цѣнную собственность, человѣческое существо.

Доѣхавъ до самаго глухаго мѣста, студентъ остановилъ лошадей. Тарскій и художникъ вышли изъ кареты. Студентъ изъ предосторожности повернулъ лошадей, затѣмъ снялъ съ себя армякъ и, вмѣстѣ съ кучерскою шапкой, завязалъ его въ заранѣе приготовленную тряпку. Изъ кармана оставшагося на немъ нагольнаго полушубка онъ досталъ маленькую смушковую шапку, надѣлъ ее и затѣмъ предложилъ своимъ спутникамъ, не теряя времени, удалиться изъ этихъ опасныхъ мѣстъ. Они прошли цѣлый лабиринтъ узенькихъ, заваленныхъ снѣгомъ переулковъ, которые студентъ выбиралъ нарочно съ цѣлью не попадаться на глаза дворникамъ и городовымъ. Они не встрѣтили ни души и минутъ черезъ двадцать добрались до Большаго Проспекта.

Здѣсь они разстались. Тарскій нанялъ извощика и поѣхалъ домой; Мостовы пошли пѣшкомъ.

Тарскій пріѣхалъ домой, сѣлъ на диванъ и задумался. Онъ нисколько не сожалѣлъ о томъ, что убилъ своего смертельнаго врага, но между тѣмъ, какая-то странная тоска овладѣла всѣмъ его существомъ. Онъ чувствовалъ себя усталымъ, разбитымъ, какъ будто онъ только что вернулся изъ далекаго, утомительнаго путешествія. Свѣтъ горящей свѣчи рѣзалъ ему глаза; онъ потушилъ огонь и бросился на кровать. Но сонъ не приходилъ. Едва онъ закрывалъ глаза, какъ въ головѣ его поднимался какой-то хаосъ; несвязная, безсмысленная эрунда лѣзла ему въ голову и въ дикихъ, безобразныхъ картинахъ смѣнялась передъ глазами.

Тарскій всталъ, пошелъ въ кабинетъ Мостова, который еще не вернулся домой, досталъ изъ шкапа стклянку съ морфіемъ, проглотилъ порядочную дозу, вернулся къ себѣ и вскорѣ заснулъ, какъ убитый, тяжелымъ мертвымъ сномъ.

Проснулся онъ поздно и едва могъ поднять голову съ подушки. Неестественный сонъ нисколько не подкрѣпилъ его. Онъ напился чаю и, съ цѣлью хотя немного освѣжиться, вышелъ погулять. Былъ свѣжій, сильно-морозный день. Морозъ подгонялъ людей, заставляя богатыхъ плотнѣе закутываться въ свои шубы, а бѣдныхъ—дуть въ свои кулаки и похлопывать ими о полы своей легкой одежды. Извощики, обвязавъ тряпицами отмороженные щеки и носы, бѣгали возлѣ своихъ саней и жалобно надоѣдали проходящимъ предложеніемъ своихъ услугъ. Въ магазинахъ зажигали огни. Тарскій съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя холодный воздухъ, освѣжавшій его открытое лицо и шелъ, не обращая никакого вниманія на проходящихъ.

Но скоро морозъ взялъ свое. Тарскій почувствовалъ жгучую боль въ ушахъ и въ лѣвой щекѣ, онъ поднялъ воротникъ пальто, плотно обвязалъ его платкомъ и пошелъ домой.

Проходя площадь Большаго Театра, онъ услыхалъ чей-то громкій крикъ. Шедшая ему на встрѣчу баба вдругъ присѣла и бросилась бѣжать въ сторону; стоявшій у панели извощикъ тоже крикалъ и началъ что-то показывать Тарскому, тыкая по его направленію кнутомъ.

Тарскій хотѣлъ обернуться, но въ ту же секунду почувствовалъ сильный ударъ въ спину и безъ чувствъ повалился на снѣгъ.

Пара кровныхъ, запряженныхъ въ легкія сани рысаковъ подхватила и понеслась по Большой Морской. На поворотѣ къ Поцѣлуеву мосту сани опрокинулись. Сидѣвшіе въ нихъ барыня и кучеръ вылетѣли на мостовую. Лошади понеслись по Театральной площади, налетѣли на Тарскаго, сшибли его съ ногъ, переѣхали и помчались далѣе.

Стоявшій на углу городовой видѣлъ, какъ упалъ Тарскій, бросился къ ближайшему извощику и ухватился за сани. Но опытный извощикъ хлестнулъ лошадь; та сильно дернула впередъ; городовой свалился, а извощикъ ускакалъ.

Пока городовой занимался ловлей извощиковъ, Тарскій лежалъ на снѣгу безъ всякихъ признаковъ жизни. Большая толпа любопытныхъ окружила его, но никто не рѣшался подать ему помощь. Наконецъ, городовой поймалъ извощика, подъѣхалъ къ Тарскому, взвалилъ его, при помощи двухъ мужиковъ, въ сани и повезъ въ часть

Когда Тарскій пришелъ въ чувство, то съ удивленіемъ замѣтилъ, что лежитъ на кровати въ обширной, незнакомой ему комнатѣ. Вокругъ было тихо; слабый свѣтъ ночника освѣщалъ одинъ уголъ комнаты, оставляя въ полумракѣ ея остальную часть. Тарскій замѣтилъ еще нѣсколько кроватей; на одной изъ нихъ лежалъ одѣтый солдатъ.

Тарскій хотѣлъ повернуться и застоналъ отъ сильной боли въ правомъ боку. Солдатъ потянулся, зѣвнулъ, лѣниво поднялся съ кровати и подошелъ къ Тарскому. Послѣдній сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ, но солдатъ, не отвѣчая ни слова, вышелъ изъ комнаты и пошелъ доложить надзирателю, что больной: «очнувся и забормотавъ».

Тарскій тщетно старался припомнить, какъ онъ могъ попасть въ эту комнату; онъ чувствовалъ только сильную боль въ боку и спинѣ; его лѣвая рука была забинтована, а голова обложена снѣгомъ, который уже успѣлъ растаять и смочить все постельное бѣлье.

Черезъ полчаса явился надзиратель. Съ приторно-оффиціальною вѣжливостью, къ которой только и способны надзиратели, когда они хотятъ быть вѣжливыми, надзиратель выразилъ свое соболѣзнованіе, и предложилъ Тарскому нѣ-

сколько вопросовъ о его званіи, фамиліи и мѣстѣ жительства. Записавъ полученные отвѣты, надзиратель вновь выразилъ свое сожалѣніе о постигшемъ Тарскаго несчастіи, затѣмъ ругнулъ солдата за ночникъ, приказалъ ему принести сальную свѣчку и удалился. Солдатъ ушелъ вслѣдъ за нимъ и вернулся съ сальнымъ огаркомъ, котораго однако не зажегъ, а только вставилъ въ изломанный, жестяной подсвѣчникъ съ цѣлью зажечь, если того потребуютъ обстоятельства.

Вскорѣ, въ пріемный покой приволокли пьяную полузамершую бабу, но на кровать не положили, а бросили на рогожу, въ уголъ. Баба плакала и жалобно причитывала, поминая какую-то Арину, которой обѣщалась непремѣнно выцарапать глаза за то, чтобы она не смѣла перебивать у нея Гришутку. Солдатъ подошелъ къ бабѣ, ткнулъ ее ногой и приказалъ молчать. Баба не унималась. Тогда солдатъ схватилъ ее за ноги и угрожалъ стащить въ холодную сибирку, при чемъ, вѣроятно для острастки, перетащилъ ее изъ одного угла въ другой. Баба утихла. Солдатъ легъ на кровать и вскорѣ огласилъ комнату могучимъ носовымъ храпомъ.

Надзиратель тотчасъ же увѣдомилъ, по адресу, доктора Мостова. Мостовъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ Тарскаго, нашелъ возможнымъ немедленно перевезти его къ себѣ и послалъ за каретой. Надзиратель любезно предложилъ Мостову принять пока по описи найденныя на Тарскомъ вещи. Вещи оказались всѣ. Тарскаго одѣли, уложили въ карету, укутали шубою и повезли. Солдатъ выказывалъ необыкновенное усердіе.

Когда Мостовъ хотѣлъ сѣсть въ карету, солдатъ отворилъ ему дверцу и, снявъ шапку, пожелалъ: «ихъ благородію» скорѣе поправиться при чемъ вполголоса попросилъ за труды. Мостовъ сунулъ ему двугривенный. Солдатъ вернулся въ пріемный покой и съ нетерпѣніемъ ожидалъ утра. Нѣсколько разъ выходилъ онъ на улицу и едва только замѣтилъ, что заспанный сидѣлецъ отворилъ двери любезнаго его солдатскому сердцу кабака, какъ тотчасъ же юркнулъ туда и пропилъ нетолько весь свой капиталъ, но даже и украденный имъ у Тарскаго носовой платокъ.

Подъ утро съ бабою сдѣлался бредъ. Долго бормотала она несвязныя слова, перемѣшивая брань съ мольбами и упреками въ невѣрности возлюбленнаго, наконецъ затихла и умерла.....

Таинственная смерть Сореля возбудила всеобщее вниманіе столицы. Начались самые дѣятельные розыски. Кучеръ и лакей графа были арестованы.

Мы оставили ихъ спящими въ пивной Меркулыча. Послѣдній, услыхавъ, что въ комнатѣ, гдѣ сидѣли пирующіе, сдѣлалось тихо, подождалъ немного, потомъ зашелъ въ комнату и началъ будить своихъ пріятелей. Но не смотря на употребленіе всевозможныхъ извѣстныхъ Меркулычу изъ долговременнаго опыта средствъ, спящіе не просыпались. Тогда Меркулычъ сообщилъ о нихъ, на всякій случай, городовому. Городовой пошелъ ко дворцу и сталъ ожидать разъѣзда. Когда на площади не осталось ни одного экипажа, городовой доложилъ о случившемся мѣстному надзирателю. Меркулычъ вымылъ, на всякій случай, стаканы и на мѣсто ихъ поставилъ другіе.

Спящихъ едва могли добудиться на другой день. Они разсказали подробно все, что съ ними случилось наканунѣ. Начались розыски таинственнаго незнакомца, кутившаго съ пріятелями въ ночь, на новый годъ. Но найти его было трудно; Мостовъ на другой же день уѣхалъ, по московской желѣзной дорогѣ, въ имѣніе своей тетки.

Лошади, оставленныя Мостовымъ на Петербургской сторонѣ, долго стояли спокойно, наконецъ, побрели себѣ полегоньку впередъ, затѣмъ пустились рысью и были остановлены у Троицкаго моста.

Сначала слѣдствіе производилось чрезвычайно дѣятельно; но когда, вмѣстѣ съ розысками объ убійцахъ графа, стали выясняться такія дѣла послѣдняго, обнародованіе которыхъ могло сильно компрометировать княжну Ростовскую, тогда, вліяніемъ отца невѣсты, слѣдствіе о смерти графа было отложено въ долгій ящикъ, а затѣмъ по неотысканію виновныхъ, предано воли Божіей.

Тарскій поправлялся съ трудомъ. У него, кромѣ глубокихъ ссадинъ на головѣ и плечахъ, была переломлена рука и повреждена спинная кость. Три мѣсяца вылежалъ онъ въ постелѣ и только, благодаря неусыпнымъ попеченіямъ Мостовыхъ, ему удалось избѣжать смерти.

Чувство удовлетворенной мести перешло у него въ апатію. Съ полнымъ равнодушіемъ смотрѣлъ онъ на все его окружающее и только, съ жаднымъ нетерпѣніемъ, ожидалъ минуты, когда ему позволятъ выходить изъ комнаты. Петербургъ ему опротивѣлъ. Его тянуло туда, въ далекій Бонивъ, на могилу усопшей сестры; ему хотѣлось поскорѣе увидѣть эту завѣтную могилу, посидѣть на ней, а затѣмъ.... но далѣе этого его мысли не шли, затѣмъ—ему было все равно.

Знакомыхъ у него не было, онъ не любилъ даже, когда къ нему въ комнату приходили его бывшіе секунданты, братья Мостовы. Онъ большею частью лежалъ одинъ, иногда читалъ, но чаще всего возился съ молодымъ котенкомъ, найденнымъ слугою Мостовыхъ, гдѣ-то на заднемъ дворѣ и, изъ жалости, принятымъ на кухню въ качествѣ полезнаго домашняго животнаго. Паршивый, едва живой котенокъ скоро поправился и былъ единственнымъ существомъ, развлекавшимъ Тарскаго во время его болѣзни.

Наконецъ, Тарскому позволили встать съ кровати. Онъ подошелъ къ окну.

Петербургская весна предстала передъ нимъ во всемъ своемъ безобразіи. Грязный снѣгъ кучками лежалъ по бокамъ улицы; грязные ручьи текли по мостовой; грязная вода текла изъ трубъ на грязные тротуары; грязные люди скалывали снѣгъ, грязные экипажи обрызгивали грязью проходящихъ; по всюду царствовала грязь,—и только великолѣпное, голубое небо, съ ярко сіяющимъ солнцемъ, отражалось въ безчисленныхъ лужахъ мостовой.

Наступила недѣля Святой Пасхи. Мостовъ свято чтилъ нѣкоторые завѣтные обычаи старыхъ временъ. Онъ не соблюдалъ постовъ, но на страстной недѣлѣ нарочно ѣлъ постное съ цѣлью разговѣться по старинѣ. Въ Великую Ночь онъ отправлялся къ заутрени и послѣ разговлялся въ кругу своихъ братьевъ и тѣхъ изъ своихъ пріятелей, у которыхъ не было близкой родной семьи.

Въ эту ночь Тарскому не спалось. Онъ сѣлъ у окна. По улицѣ торопился народъ и проѣзжали экипажи съ разодѣтыми чиновными особами и гвардейскими офицерами. Всѣ облеклись въ свои лучшія одежды и спѣшили въ храмы, чтобы услышать вѣчно новую истину о Воскресеніи Христа, о торжествѣ провозглашенныхъ имъ идей правды, истины и добра.

Въ полночь загудѣли колокола. На этотъ родной, столь близкій русскому сердцу звукъ, что-то болѣзненно отозвалось въ душѣ Тарскаго, отозвалось,—но тотчасъ же и замолкло. Вспомнилась ему маленькая заглохшая деревушка на берегу Волги, и богатая церковь княжескаго села, въ которой онъ съ какою-то особенною восторженностью, молился въ эту Великую Ночь, вспомнилась и малютка сестра въ бѣленькомъ платьицѣ, съ завитыми локончиками, лепетавшая заученныя молитвы. Но тотчасъ же вспомнилась и одинокая могила на берегу далекой, не русской рѣки и изможденное, исхудалое лицо замученной страданіемъ все той же нѣжно любимой имъ сестры. Правда: тотъ, кто осмѣлился наложить на это лицо печать страданія, тоже не слышитъ призыва колоколовъ; но развѣ смерть одного можетъ воскресить другаго; развѣ мгновенная смерть есть достойное наказаніе.... Тарскій всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

А колокола все гудѣли и слились наконецъ съ пушечными выстрѣлами торжествующей столицы. На улицѣ снова показался народъ; иные съ узелками въ рукахъ; слышался веселый говоръ; нѣкоторые останавливались, снимали шапки и лобызали другъ друга.

Вскорѣ пріѣхалъ и Мостовъ. Онъ поцѣловался съ Тарскимъ и поздравилъ его съ великимъ праздникомъ. Онъ возвѣстилъ Тарскому великую истину Воскресенія, но въ отвѣтъ на это въ душѣ Тарскаго не воскресло ничего. Тарскій не пошелъ разговляться и легъ въ кровать. Долго доносились до него веселые возгласы разговлявшихся гостей, но эта веселость только волновала и злила его застывшую для свѣта религіи душу.

Въ началѣ мая Мостовъ разрѣшилъ Тарскому ѣхать за границу. Тарскій собрался въ нѣсколько дней. Младшіе братья Мостова, которые, не смотря на холодность Тарскаго, привязались къ нему отъ чистаго юношескаго сердца, проводили его на желѣзную дорогу. Багажа у него не было. Все его имущество заключалось въ небольшомъ чемоданчикѣ, вѣсившемъ менѣе одного пуда.

Тарскій доѣхалъ, не останавливаясь, до Берлина; тамъ тотчасъ же пересѣлъ на другую дорогу и вечеромъ пріѣхалъ въ Кёльнъ. Поѣздъ въ Боннъ отправлялся черезъ полтора часа.

Тарскій зашелъ въ Кельнскій соборъ.

Но на этотъ разъ соборъ не произвелъ на него никакого впечатлѣнія. На сердцѣ Тарскаго было тяжело, въ головѣ— пусто. Безучастно взглянулъ онъ на высокія готическія своды, на живопись, на массивныя колонны и вышелъ изъ собора.

Съ нимъ творилось что-то странное. Въ головѣ, какъ будто ползали мухи, порой темнѣло въ глазахъ, шумѣло въ ушахъ, терялось сознаніе.... такъ что онъ, изъ боязни упасть, невольно хватался рукою за стѣны домовъ.

Тарскій приписалъ это долгой поѣздкѣ, вернулся на станцію, закурилъ сигару, сѣлъ и, прислонясь къ стѣнѣ, неподвижно просидѣлъ до перваго звонка. Онъ взялъ билетъ и пересѣлъ въ вагонъ. Поѣздъ тронулся и полетѣлъ по знакомой дорогѣ въ Боннъ. Тарскій сидѣлъ одинъ. Онъ спустилъ окно. Вокругъ было темно, какъ въ могилѣ; сильный вѣтеръ ворвался въ вагонъ и унесъ съ собою лежавшій на диванѣ кусочекъ бумаги. Тарскій немного освѣжился и задремалъ.

Поѣздъ пришелъ въ Боннъ, въ одиннадцатомъ часу ночи. Услужливый коммиссіонеръ подскочилъ къ Тарскому и предложилъ свои услуги. Тарскій, молча, взвалилъ къ себѣ на плечи чемоданъ и пошелъ по пустыннымъ улицамъ.

Городъ спалъ. Въ домахъ изрѣдка попадались освѣщенныя окна.

Тарскій шелъ, упорно смотря въ землю; добрелъ до знакомой ему площади, хотѣлъ постучаться въ старинную ду-

бовую дверь гюнтерова дома. .. Рука его встрѣтила воздухъ и свободно опустилась внизъ.

Тарскій поднялъ голову.

Онъ стоялъ передъ печальными, почернѣвшими развалинами сгорѣвшаго дома. Каменныя стѣны, да двѣ высокія трубы, однѣ уцѣлѣли отъ всепожирающаго дѣйствія огня. Въ узкихъ отверзтіяхъ старинныхъ, готическихъ оконъ шумѣлъ вѣтеръ и напѣвалъ какую-то тоскливую, тяжело дѣйствующую на душу пѣсню. Посреди развалинъ возвышалась груда полусгорѣвшихъ балокъ.

Тарскій сѣлъ на эту груду, подперъ руками свою опустившуюся голову и закрылъ глаза.

VI.

Въ мрачную зимнюю ночь старый Гюнтеръ сидѣлъ у себя въ лабораторіи. Старикъ страдалъ безсонницей и, не желая терять напрасно драгоцѣннаго времени, почти цѣлыя ночи посвящалъ на служеніе науки. Сложный, собранный съ педантической аккуратностью приборъ былъ въ полномъ дѣйствіи; рядъ маленькихъ лампъ подогрѣвалъ реторты; жидкости кипѣли и перегонялись по затѣйливо изогнутымъ трубкамъ; сложный химическій процессъ совершался безостановочно и быстро.

Гюнтеръ сидѣлъ возлѣ средней реторты и пристально наблюдалъ за кипящею внутри ея кислотою. Вдругъ, онъ почувствовалъ сильный приливъ крови къ головѣ. Онъ хотѣлъ встать, приподнялся—и безъ чувствъ повалился на столъ, разбивъ тяжестью своего тѣла среднюю часть прибора. Легко воспламенимыя жидкости загорѣлись и потекли по столу, на полъ. Вскорѣ задымился и затлѣлъ столъ съ лежащимъ на немъ трупомъ умершаго отъ удара старика. Дымъ волнами заходилъ по комнатѣ и сгустился у потолка.

Наконецъ, огонь добрался до шкапа, въ которомъ хранились химическіе матеріалы. Раздалось нѣсколько сильныхъ, послѣдовательныхъ взрывовъ; загорѣлся полъ, двери; огонь ворвался въ другія комнаты, охватилъ крышу и освѣтилъ кровавымъ заревомъ сосѣдніе дома.

Брнгитта крѣпко спала въ своей темной комнаткѣ, возлѣ кухни. Она слышала сквозь сонъ шумъ отъ взрывовъ, но не обратила вниманія: она привыкла къ этимъ взрывамъ, часто сопровождавшимъ опасную работу старика. Сильный стукъ въ наружную дверь дома заставилъ ее вскочить съ кровати и подбѣжать къ окну. Неподвижная фигура Бетховена освѣщалась заревомъ пожара и отбрасывала гигантскую тѣнь на каменную мостовую площади. Громкій голосъ у дверей извѣщалъ Брнгитту о пожарѣ. Она бросилась къ Гюнтеру въ лабораторію, но едва отворила дверь на лѣстницу, какъ удушливый, горячій дымъ охватилъ ее съ ногъ до головы и едва не лишилъ чувствъ. Она выбѣжала на улицу. Звуки набата извѣщали городъ о пожарѣ. Полусонные люди выбѣгали изъ домовъ и спѣшили на помощь. Огонь охватилъ всѣ этажи.

Черезъ нѣсколько часовъ пожаръ успѣли прекратить, но домъ Гюнтера сгорѣлъ дотла. Отъ стараго профессора не нашли никакихъ слѣдовъ. Онъ исчезъ отъ всесокрушающей силы огня, которымъ, въ теченіи своей долгой жизни, разумно пользовался для развитія и пользы великой отрасли человѣческихъ познаній. Бригитта поселилась у своей сестры.

Развалины оставались незастроенными и наводили страхъ на проходящихъ мимо нѣмокъ, увѣрявшихъ, что тѣнь стараго колдуна бродитъ по ночамъ внутри сгорѣвшаго дома и стонетъ, отыскивая свое истлѣвшее тѣло.

VII.

Сильный вѣтеръ шумѣлъ въ развалинахъ и надрывалъ душу тѣми монотонными переливами, которые такъ много говорятъ наболѣвшему человѣческому сердцу. Тарскій сидѣлъ на обгорѣлой грудѣ и безсознательно смотрѣлъ въ непроглядный, охватившій его мракъ.

Луна скрылась за тучами. На площади было темно какъ въ могилѣ. Ни единаго звука не было слышно вокругъ; все живое спало мертвымъ сномъ, и только одинъ безпріютный страдалецъ сидѣлъ на обгорѣвшихъ развалинахъ и безъ цѣли, безъ сознанія смотрѣлъ на пустынную площадь,

мирно спящаго городка. Странныя мысли бродили въ его пылавшей головѣ; безъ всякой связи, безъ всякой послѣдовательности смѣняли онѣ другъ друга, являлись помимо воли, исчезали безъ слѣда и порождали тотъ страшный хаосъ, отъ котораго дыбомъ становились волосы на головѣ, терявшаго послѣднія капли разсудка Тарскаго. Онъ былъ въ какомъ-то забытьи, въ томъ переходномъ состояніи, когда еще не совсѣмъ исчезнувшее сознаніе уже безсильно руководить воображеніемъ, влекущемъ человѣка въ царство безграничной фантазіи, въ царство волшебныхъ грезъ, въ царство могучаго бреда и сна. Вдругъ что-то бархатно-мягкое скользнуло подъ рукою Тарскаго и вскочило къ нему на колѣни. Тарскій нагнулся и разглядѣлъ стараго Гюнтеровскаго кота, который изгибалъ свою спину и, мурлыкая, терся около его рукъ. Изо всѣхъ окрестныхъ жителей только одинъ онъ, этотъ откормленный, ожирѣвшій котъ, не боялся тѣни стараго Гюнтера и постоянно бродилъ по печальнымъ развалинамъ сгорѣвшаго дома. Онъ исхудалъ, одичалъ, но ни за что не хотѣлъ разстаться съ тѣмъ мѣстомъ, въ которомъ провелъ столько счастливыхъ лѣтъ своей спокойной, кошачей жизни. Разъ Бригиттѣ удалось поймать его въ то время, когда онъ спокойно спалъ, грѣясь на ярко, но еще холодно свѣтившемъ солнцѣ. Бригитта принесла его въ свою комнату, расчесала его скомканную, грязную шерсть, накормила и уложила на свою постель. Котъ прожилъ нѣсколько дней, но кончилъ тѣмъ, что улучшивъ свободную минуту, выскочилъ въ отворенную форточку и опять поселился въ развалинахъ, на могилѣ сгорѣвшаго старика.

Тарскій взялъ кота на руки, погладилъ его и безсознательно началъ чесать его шею. Котъ улегся на колѣняхъ Тарскаго и, продолжая мурлыкать, терся, время отъ времени, своею головою о пальцы ласкавшей его руки.

Вѣтеръ усиливался. Онъ яростно врывался въ отверзтія обгорѣвшихъ оконъ и поднималъ, и крутилъ мелкія остатки сгорѣвшихъ бревенъ и досокъ. Мрачныя тучи шибко неслись по мрачному небу, сталкивались, и, сгущаясь все ниже и ниже, опускались на землю. Вѣтеръ гналъ ихъ без-

цѣльно впередъ, какъ бы стараясь скорѣе разогнать тяжелый, охватившій землю, мракъ.

Наконецъ, ему удалось освободить отъ тучъ небольшой клочекъ скрытаго отъ земли голубаго неба; блѣдный свѣтъ луны прорвался сквозь легкія дымчатыя облака и освѣтилъ своимъ таинственнымъ полусвѣтомъ спящій нѣмецкій городокъ. Бронзовая фигура Бетховена рѣзко выдѣлилась изъ полумрака окружавшихъ ее домовъ. Тарскій взглянулъ на эту массивную фигуру и началъ пристально всматриваться въ неподвижныя, столь давно знакомыя ему черты мрачнаго, геніальнаго лица.

Прошло нѣсколько минутъ.

Вдругъ, ему показалось, будто великій маэстро пошевелился. Тарскій протеръ глаза, вглядѣлся пристальнѣе, — дѣйствительно, маэстро оживалъ. Вотъ, онъ встряхнулъ своими могучими, бронзовыми плечами, гордо откинулъ назадъ свои длинные волосы и высоко, надъ головою, поднялъ волшебную палочку въ правой рукѣ.

Воцарилась гробовая, мертвая тишина.

Маэстро махнулъ рукою, и въ воздухѣ пронесся протяжный, могучій аккордъ.... Затѣмъ, гдѣ-то вдали, раздались стройные звуки безсмертнаго Аллегретто седьмой симфоніи. Звуки постепенно усиливались; по мѣрѣ развитія музыкальной темы все новые и новые, неслыханные дотолѣ инструменты присоединялись къ невидимому оркестру; crescendo перешло въ fortissimo, но тема не прекращалась. Fortissimo шло все далѣе и далѣе, усиливаясь до безконечности.

Маэстро все скорѣе и скорѣе махалъ своею правою рукою; его лицо озарилось торжественной улыбкой гордаго сознанія генія; его глаза горѣли....

Тарскій слушалъ эту нечеловѣческую музыку и чувствовалъ ее всѣмъ своимъ существомъ. Всѣ нервы его тѣла, какъ-то болѣзненно, страстно дрожали отъ этихъ бѣшенныхъ звуковъ; его жилы напрягались и, казалось, готовы были лопнуть отъ страшнаго волненія крови; мозгъ разширялся въ головѣ; сердце рвалось въ груди....

То было какое-то небесное, райское наслажденіе, соединенное съ адскими, невѣдомыми смертнымъ муками; бѣшенный разгулъ съ страстнымъ замираніемъ всего орга-

низма; ревъ изступленной толпы съ слабымъ крикомъ умирающаго ребенка; волшебная гармонія, казавшаяся страшнымъ диссонансомъ и диссонансъ, казавшійся стройною небесною гармоніею: плачъ, скрежетъ, вопли, мольбы и дикій бѣшеный хохотъ, всѣ звуки, какіе только существуютъ въ природѣ,—все слилось въ одинъ хаотическій гулъ, среди котораго однако ясно слышалась извѣстная тема, развивающаяся все сильнѣе и сильнѣе, безъ конца!...

Еще нѣсколько подобныхъ звуковъ и организмъ человѣка не выдержалъ бы такого страшнаго напряженія нервовъ; но вдругъ, на одномъ изъ самыхъ бѣшеныхъ, неслыханныхъ дотолѣ аккордовъ, все разомъ порвалось — и смолкло.

Тарскій долго прислушивался къ исчезнувшимъ звукамъ, но тишина не прерывалась. Только вѣтеръ жалобно вылъ въ обгорѣлой трубѣ. Тарскій провелъ рукою по глазамъ, оглядѣлся вокругъ.... Повсюду было безмолвно и тихо. Великій маэстро стоялъ неподвижно на гранитномъ пьедесталѣ и угрюмо смотрѣлъ своими безстрастными, металлическими глазами на развалины сгорѣвшаго дома. Котъ куда-то исчезъ.

Тарскій подошелъ къ гранитному пьедесталу памятника, обнялъ его и, опустившись на колѣни, прильнулъ своимъ пылающимъ лицемъ къ чугунному барьельефу подножья. Долго стоялъ онъ въ такомъ положеніи, составляя съ памятникомъ одну неподвижную, словно гранитную группу, долго цѣловалъ, въ какомъ-то нѣмомъ экстазѣ, холодный чугунъ барельефа, наконецъ всталъ и пошелъ безъ цѣли бродить по спящему городу. Чемоданъ его остался на развалинахъ.

Луна то освѣщала улицы, то снова скрывалась за быстро гонимыми вѣтромъ облаками.

Тарскій прошелъ мимо зданія университета, вышелъ на берегъ Рейна и сѣлъ на скамейку у каменной стѣны Королевскаго Отеля.

Быстрыя волны съ глухимъ шумомъ разбивались о берегъ и порой обдавали своими холодными брызгами сидѣвшаго неподвижно Тарскаго. Онъ пристально всматривался въ темную глубину рѣки и какое-то странное чувство, не-

вольно, тянуло его туда.... на глубокое дно. . гдѣ онъ могъ исчезнуть разомъ, безвозвратно, безъ слѣда.....

На башнѣ ближайшей церкви пробило два часа. Гулъ колокола слился съ шумомъ катившихся волнъ и замолкъ.....

За стѣною отеля послышался сдержанный шепотъ двухъ голосовъ. Близкое, хотя и невидимое присутствіе людей заставило Тарскаго покинуть свое мѣсто. Онъ всталъ и пошелъ вдоль берега. Къ пристани подходилъ шедшій изъ Кельна пароходъ. Тарскій дошелъ до пристани, хотѣлъ войти на палубу парохода.... Его остановили и потребовали билетъ. Онъ досталъ бумажникъ, отдалъ, несмотря, первую попавшуюся ему подъ руку ассигнацію, вошелъ на пароходъ и забился въ задній конецъ палубы, между грудою наваленныхъ ящиковъ и тюковъ.

Пароходъ тотчасъ-же отошелъ.

VIII.

Вѣтеръ не унимался.

Съ глухимъ шумомъ разбивались высокія волны о желѣзный корпусъ парохода, который съ трудомъ подвигался впередъ. На палубѣ не было ни души. Всѣ спрятались отъ непогоды по каютамъ и спали, укачиваемые таинственной мелодіей шумно катящихся волнъ. Колеса съ трудомъ разсѣкали высокія волны; они выбрасывали густую пѣну, которая соединялась за кормой и, принимая фантастическія формы, исчезала въ темномъ пространствѣ назади.

Тарскій подошелъ къ кормѣ, облокотился обѣими руками о бортъ и началъ пристально всматриваться въ эту таинственную пѣну, брызги которой обдавали его мелкими каплями воды. Вотъ, въ глубинѣ пѣны, мелькнуло чье-то маленькое дѣтское лицо. Да. это она! Это Мери, когда она была еще ребенкомъ. Черные остриженные волосы, маленькій носикъ и большіе темносиніе глаза, тѣ самые глаза, которые такъ довѣрчиво глядѣли изъ подъ длинныхъ, густыхъ рѣсницъ, словно вопрошая грядущее, словно ожидая того завѣтнаго часа, когда они сверкнутъ могучимъ огнемъ страсти и загорятся ровнымъ, блестящимъ свѣтомъ первой любви.

«Не то тебѣ пало на долю,» думалъ Тарскій, съ горькой улыбкой смотря на блѣдное личико своей сестры, «не много радостныхъ минутъ дала тебѣ жизнь, и тяжелымъ бременемъ страданій поплатилась ты за тотъ богатый запасъ дивнаго чувства, которымъ одарила тебя природа и которымъ такъ гнусно воспользовался злой человѣкъ. О! если бы можно было вернуть прошедшее, о! если бы можно было снова увидѣть тебя на землѣ, такою же маленькою дѣвочкою, какою я вижу тебя теперь, о! тогда.....»

Сильный ударъ поперечной волны разбилъ крутившуюся пѣну; она разлетѣлась милліонами брызгъ; вмѣстѣ съ нею исчезъ, въ глубинѣ воды, и полупрозрачный обликъ дѣтскаго лица.

Вѣтеръ сорвалъ съ головы Тарскаго шляпу и сбросилъ ее въ воду. Тарскій продолжалъ стоять неподвижно и смотрѣлъ въ темную глубину рѣки. Колеса работали безъ перерыва.

Снова показалась пѣна за кормой парохода и снова появился въ ея глубинѣ обликъ человѣческаго лица. Но то уже не было маленькое дѣтское личико; нѣтъ! на этотъ разъ это было исчахшее болѣзненное лице молодой, когда-то прекрасной женщины.

Мертвенная блѣдность разлилась по ея исхудалымъ чертамъ и рѣзкими, синеватыми кругами оттѣняла глубоко впавшіе, полузакрытые глаза. Столько страшнаго горя, столько безнадежнаго отчаянія выражали эти горѣвшіе лихорадочнымъ огнемъ тяжкой болѣзни глаза, что въ груди Тарскаго дрогнуло наболѣвшее сердце, и крупныя слезы покатились по его заросшему бородою лицу.

«Голубушка моя,» подумалъ онъ, «что онъ сдѣлалъ съ тобою!..... и за что?.... за что?..».

Онъ зарыдалъ.

Глаза Мери закрывались все болѣе и болѣе.... вотъ они закрылись совсѣмъ, и спокойствіе смерти разлилось по ея исхудалому лицу. По рѣкѣ плыла мертвая, обвитая дымчатымъ саваномъ женщина и быстрыя волны смывали, своими брызгами, послѣдніе слѣды скорби съ ея безстрастнаго, неподвижно-спокойнаго лица....

Тяжелыя облака густо обложили небо; на землѣ стало непроглядно темно. Вода исчезла изъ глазъ Тарскаго; онъ слышалъ подъ собою шумъ катившихся волнъ, но видѣть ихъ

не могъ. Въ каютѣ часы пробили три. Тарскій закрылъ глаза и задремалъ.

Когда онъ очнулся, на небѣ было свѣтлѣе. Пѣна снова клубилась за кормой и на ея поверхности плыла молодая, прекрасная женщина. Вся она была укутана легкимъ прозрачнымъ туманомъ, слившимся съ молочною пѣною волны.

Дѣтски спокойно было выраженіе ея полупрозрачнаго лица, окаймленнаго роскошными черными волосами, въ безпорядкѣ падавшими на ея маленькія плечи. Небольшой вѣнокъ изъ незабудокъ и водяныхъ лилій лежалъ на ея головѣ, и такой же вѣнокъ держала она въ своей обнаженной, правой рукѣ.

Свободно разсѣкала она бурныя волны и играла жемчужными брызгами, обдававшими ея прекрасное, улыбающееся личико.

Она плыла, не отставая отъ парохода, словно не боялась ни вѣтра, ни бури, ни волнъ. Тѣ же большіе темносиніе глаза спокойно смотрѣли на Тарскаго, и въ ихъ выраженіи не было и слѣда прежняго страданія и горя.

То опять была Мери, но такою Тарскій никогда не видалъ ея на землѣ. Онъ не спускалъ съ нея глазъ, онъ любовался этимъ прозрачнымъ, неземнымъ существомъ.

Мери улыбалась, и отъ этой улыбки отрадно и свѣтло становилось на его измученной душѣ.

— Смертный! отчего ты не спишь? отчего у тебя такое исхудалое, блѣдное лицо? спросила его Мери.

Тонкимъ, серебристымъ колокольчикомъ отдавались въ ушахъ Тарскаго мелодическіе звуки ея голоса и не могли заглушить ихъ ни яростный вѣтеръ, ни шумные всплески волны.

— Смертный! на твоемъ лицѣ замѣтны слѣды тяжкаго, чуждаго намъ горя; тебѣ должно быть тяжело жить на землѣ! Можетъ быть, ты одинокъ; можетъ быть, тебя некому приласкать; нѣтъ никого, къ кому ты могъ-бы обратиться за словомъ участія и привѣта; нѣтъ женщины, которая любила бы тебя; нѣтъ сердца, которое отвѣтило бы на призывъ твоего; нѣтъ той, на груди которой могла бы пріютиться и отдохнуть твоя одинокая голова. Приходи къ намъ. У насъ хорошо, у насъ просторно, у насъ каждому есть

мѣсто. Я буду любить тебя, какъ мать; я буду лѣлѣять тебя, какъ сестра; я буду смотрѣть за тобой, какъ за ребенкомъ. У насъ нѣтъ горя, у насъ вѣчная радость, вѣчно спокойная, безстрастная жизнь. Намъ чужды ваши страданія; мы знаемъ только, что у васъ, на землѣ, есть много горя, которое губитъ и гнететъ вашу жалкую жизнь—и вотъ почему намъ такъ жалко васъ; хотя мы ничѣмъ не можемъ вамъ помочь.... Говорятъ: я сама была прежде женщиной... не знаю; но съ того момента, когда я очнулась свободною, вольной наядой, я не помню ничего, что было со мною на землѣ: я весела, я довольна, я счастлива вполнѣ.

Она звала Тарскаго на дно глубокой рѣки, въ подводное царство веселыхъ наядъ; она описывала ему счастливую, вѣчно-радостную жизнь.

Свободно лились изъ ея устъ гармоническія слова и казались Тарскому одной непрерывной, безконечно прекрасною пѣсней. Она не говорила; нѣтъ! она какъ-то странно, особенно пѣла и шумныя волны акомпанировали ея тоненькому, волшебно-серебристому голоску.

— Не думай, рѣшайся; только одно послѣднее усиліе воли, одно движеніе — и конецъ твоему безотрадному, безполезному настоящему, и начнется для тебя безконечная, привольная, подводная жизнь. Рѣшайся, рѣшайся.....

Всѣ морщины, всѣ слѣды страданій,
Волны смоютъ съ твоего лица,
Вѣрь! ты будешь счастливъ между нами
И то счастье будетъ безъ конца
Безъ границъ, безъ тяжкихъ искушеній,
Безъ всего, чѣмъ ваша жизнь полна,
Безъ тревожныхъ думъ вашихъ сомнѣній.
Будетъ думать за тебя волна.
Будешь ты доволенъ и спокоенъ,
И не будетъ грызть тебя тоска,
И все то, чѣмъ ты теперь разстроенъ
Безвозвратно унесетъ рѣка.
Унесетъ—и по вѣтру развѣетъ,
Иль на берегъ выкинетъ съ волной,
И вѣнокъ забвенія надѣнетъ
На тебя, самъ Рейнъ, своей рукой.

. . . . . .
. . . . . .

Пароходъ медленно подвигался впередъ. Мери плыла за кормой и все звала Тарскаго на дно глубокой рѣки. Звучно раздавалась, среди бурной ночи, ея мелодическая пѣсня и жадно упивался Тарскій этими волшебными звуками, своей наяды—сестры.

Вдругъ, она замолкла; сильный испугъ мгновенно изобразился на ея дотолѣ спокойномъ лицѣ; она тревожно оглянулась вокругъ—и замерла.

— Что я сдѣлала, шептала она взволнованнымъ голосомъ:— что я сдѣлала! Мы не должны показываться смертнымъ, мы должны избѣгать васъ; а я забылась до того, что даже рѣшилась говорить съ тобой. Я нарушила подводный законъ— и жестоко будетъ мое наказаніе. Я перестану быть наядой, я снова должна возвратиться на вашу постылую, душную землю. О! если бы они не замѣтили моей неосторожности; но нѣтъ! они уже знаютъ о ней. Я чувствую, какъ въ моей душѣ творится что-то страшное... вотъ... вотъ... постой!... Вспомнила! вспомнила! Я должна вернуться туда, въ сырую, холодную могилу, на вершинѣ высокой горы.... а.... теперь я узнала и тебя.—Братъ! Саша! спаси меня! Душно лежать одной въ глубокой могилѣ; тяжко давитъ грудь сырая, холодная земля.... вѣчная тьма!... вѣчная ночь!..... О! я чувствую, какъ что-то тяжелое тянетъ меня на дно! Страшно!.... спасите!....

Она протягивала къ Тарскому свои обнаженныя руки и тщетно боролась противъ невидимой силы, медленно увлекавшей ее въ глубину воды. Вѣнокъ исчезъ съ ея головы.... лице исказилось отчаяніемъ... вотъ оно исчезло совсѣмъ... и только двѣ судорожно дрожащія руки виднѣлись въ сгустившейся пѣнѣ волны.

Тарскій вскочилъ на бортъ и смѣлымъ прыжкомъ ринулся въ волны. . . . . .

. . . . . .

На пароходѣ никто не замѣтилъ его паденія. Безъ устали работали крѣпкія колеса, выбрасывая кипучую пѣну, которая постоянно соединялась за кормой и исчезала въ темномъ пространствѣ назади.

Рѣзвыя наяды окружили Тарскаго и увлекли его на дно великой рѣки.

Дѣдушка Рейнъ съ почетомъ принялъ нежданнаго гостя и задалъ въ честь новоприбывшаго роскошный подводный пиръ.

Завылъ, загудѣлъ, засвисталъ полнымъ оркестромъ могучій вѣтеръ и подъ эту музыку закружились въ бѣшеной пляскѣ длинныя вереницы веселыхъ наядъ.

Въ такія минуты старикъ не терпѣлъ ярма, столь терпѣливо носимаго имъ въ остальное время. Много разбилъ онъ судовъ, много погубилъ дерзкихъ, осмѣлившихся помѣшать его веселью. Сильная буря бушевала въ ту ночь на Рейнѣ, и долго не забудутъ ея прибрежные жители. Со страхомъ прислушивались они къ реву разъяренной рѣки и не понимали, отчего вдругъ такъ расходился ихъ старый, вѣчно прекрасный Рейнъ.

КОНЕЦЪ.

„БУКИНИСТЪ"
И. Клочковъ
Литейный, 55.
-ПЕТЕРБУРГЪ.

LIBRARY OF CONGRESS
00024215076